

РЕКА ДУШИ МОЕЙ

Сборник
современных
узбекских рассказов

84	961
К-87	Жаиссаева С
Река душан-	
нови	

Китоб шу ерда кўрсатилган муддатдан кечиктирилмаган ҳолда топширилиши шарт

Илгариги беримлар миқдори _____

12/1.140.210

Река души моей

Сборник современных узбекских рассказов

961

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «АДИБ»
2013

УДК: 821.512.133-1
КБК: 84(5Ў)7
К-87

Переводчик
Камилова Саодат

Составители
к.ф.н., доцент Камилова Саодат
к.ф.н., доцент Алимбеков Адамбек

В этой книге представлены рассказы, характеризующие основные тенденции развития современной малой прозы Узбекистана периода Независимости.

Это произведения писателей разных поколений, различных по масштабу дарования, стилевому мастерству, тематическим привязанностям, по-разному художественно воплощающих своё видение современной действительности.

В целом же, это произведения – индикаторы нашего времени, отражающие социополитические и культурно-исторические закономерности и тенденции сегодняшнего дня.

На русский язык предлагаемые рассказы переведены впервые.

УДК: 821.512.133-1
КБК: 84(5Ў)7

ISBN 978-9943-317-91-8

© Издательство «ADIB» 2013

*Отечеству моему посвящается
22 годовщине Независимости Узбекистана*

УЗБЕКСКИЙ РАССКАЗ XXI ВЕКА

В сборнике переводов «Река души моей», предлагаемом вниманию читателя, собраны рассказы, характеризующие развитие современной малой прозы Узбекистана. Здесь представлены писатели самых различных творческих индивидуальностей. Все эти рассказы переведены на русский язык впервые.

Общеизвестно, что в рассказе как одном из мобильных малых прозаических жанров реализуются новые темы, образы и проблемы. Рассказ реагирует на социальные и духовные изменения, происходящие в обществе, не только обращением к новым темам, новой проблематике, не только созданием новых характеров, но и изменением своей структуры. Новое содержание неизменно находит новую форму. Современная узбекская литература является ярким примером гибкой и прочной связи сдвигов в «малом жанре» с процессами жизни человека в социуме. В создании того, что мы называем современным узбекским рассказом, участвуют сотни писателей различных поколений со своим художественным почерком, неравнозначным талантом и далеко не всегда предугаданным местом в истории узбекской литературы. Каждый из них в меру своей творческой самостоятельности выбирает свой путь. В данной книге «Река души моей» представлено несколько основных

направлений развития современного узбекского рассказа, в которых можно уловить очертания общей картины движения жанра и определить некоторые изменения, которые произошли в малой прозе в годы Независимости.

В узбекской малой прозе начала XXI века обновляется концепция личности, возникает новый тип психологизма, связанный с закрытостью, сосредоточенностью на себе современного человека, попытками переоценить традиционные духовные ценности.

Отечественная малая проза дает примеры художественного синтеза различных жанровых моделей, форм, конструкций, их структурно – художественной трансформации. Так, Исожон Султон создает такие пограничные жанровые образования, как рассказ–раздумье («Чаша на воде» – «Сувдаги коса»); рассказ – семейная хроника («Судьба» – «Кисмат»); Улугбек Хамдам – рассказ–сновидение («Пиала воды» – «Бир пиала сув»; «Тюльпаны» – «Лола», «Забывтые мелодии ная» – «Унутилган най навоси», «Камсь» – «Тош» и др.); а произведение Рахимжона Рахмата «В бездне сознания» «Миямнинг ичида» можно назвать «рассказом–запиской». Повествовательная манера узбекских прозаиков свидетельствует, на наш взгляд, о жанрово–стилевом обновлении современного рассказа, стремлении к экспериментальным новациям. В ней вариативность мировидений, новые художественные решения связаны с постановкой вопросов духовно–нравственного порядка.

Несомненный интерес в этом отношении представляют рассказы И. Султона, являющиеся неким сплавом разножанровых особенностей. Это и «рассказ–зарисовка», и «рассказ–мысль», и «рассказ–раздумье» с сильным элегическим началом, запечатлевшие не только мгновенные лирические переживания, нюансы неопределившихся чувств, но и глубокую, преданную любовь к Отчизне. Все это звучит, без из-

инишего морализма, рассказы убеждают и подкупают читателя мыслью точно и верно схваченных деталей.

Размытость сюжета, отсутствие фабульной развязки, множество лирических отступлений, субъективное мироощущение художника, неизбежно включающее в себя оценочный элемент, с одной стороны, и самостоятельность взгляда и чувств, свой взгляд на мир, открытость, прозрачность авторской позиции и патриотический пафос, с другой, позволяют определить лирические рассказы как «рассказы – раздумье», способные вместить в себя судьбу человека, связанную с судьбой народа, нации, государства. Поэтому произведения И. Султона звучат с большой пронзительной силой и способны конкурировать с крупными жанровыми формами.

Рахимжона Рахмата характеризуют иные творческие устремления. Он тяготеет к сюжетам отчетливым, фабульно напряженным и ясным. В его рассказах нет лирической размытости и эскизности, которая свойственна художнику–лирику И. Султому. Но с И. Султоном его роднит то же стремление докопаться до сути человеческого характера, его соотносительности с эпохой («Я и мир»), связать неразрывными реально существующими, но недостаточно еще познанными закономерностями развития человеческой психики. Его рассказы также представляют некий авторский эксперимент, в основе которого лежит художественный прием «поток сознания». Повествование в его произведениях настолько обнажено, концентрированно и емко, что читателю тяжело выдержать такую сгущенность фантазии вперемежку с жизненными реалиями. В них отсутствует обращение автора к читателю через произведение, в каком бы то ни было традиционном виде. Автор ничего не «хочет сказать», и все смыслы, которые читатель находит, он вычитывает из текста самостоятельно. Привычка воспринимать произведение как высказывание ав-

тора, нацеленное на возможного адресата, в данном случае играет с читателем злую шутку. Этот прием художника позволяет вступить в своеобразную игру с читателем, вовлекая его в процесс чтения с неожиданными поворотами и резко контрастирующим финалом – определенным в своей одномерной конечности: это или смерть, или окончательное тупиковое одиночество героя (как заблагорассудится читателю!). Р. Рахмат намеренно прибегает к такой крайности, чтобы показать, что причины страшной деформации сознания в нашей душевной несвободе, социальной заданности, запрограммированности, в неспособности разрешить извечный вопрос о смысле человеческого бытия. Писатель как бы подчеркивает, что наше безответственное отношение к собственной жизни, когда мы живем, не углубляясь в суть явлений, подчиняясь бытовым или клановым стереотипам, не может не разрушать нас изнутри, не искалечить наше сознание, психику.

Жанровые новообразования в современной узбекской литературе свидетельствуют о специфическом художественном мышлении авторов. Они формируют новую модель повествования, нарушая пространственно–временные связи, усиливая символические знаковые элементы, ассоциативные цепочки и аллюзии. В рассказах периода Независимости актуализируется философская установка на мифологизм и символизацию, которые расширяют и углубляют повествовательное пространство.

Цель символизации в современном узбекском рассказе в создании и постижении сегодняшней действительности. Символы создают многозначные образы-обобщения, связанные с различными сторонами жизни людей. Причем, во многих произведениях современных авторов образ-символ приобретает конкретность и национальную самобытность, отражающую ментальность узбекского народа.

Работка «неопсихологизма», особое внимание к глубинным процессам человеческой психики, оригинальное использование символов и символических деталей присущи мифной прозе У.Хамдама. В его рассказах символы расширяют перспективу произведения, позволяют читателю на основе «авторских подсказок» выстроить цепь ассоциаций, воссоздающую общую картину современной жизни. Этот автор обладает незаурядным дарованием, все его произведения – это размышления о судьбе человека в широком контексте мировой вселенской жизни. В каждом из рассказов У. Хамдама ставится та или иная нравственная проблема. В своих произведениях писатель пытается не столько выявить причинно-следственные связи, сколько обнаружить созвучие стихии современности со стихией Природы. Автор ищет ту ноту, которая открыла бы путь к этому созвучию, тот ритм, который открывал бы возможность слияния «разнородных сред». В его рассказах четкий сюжетный каркас, композиция обычно не имеют ясно выраженного развития действия, кульминация сливается с развязкой, но при всем этом повествование являет собой как бы запечатленный в кадре момент (хоть и разной продолжительности) непрерывно движущегося стихийного потока жизни. Событийно действие не находит своей исчерпанности, конфликт поддается исследованию, но не разрешению. Сюжет хамдамовских рассказов строится по законам многоголосого музыкального произведения. Причем в каждом из рассказов писатель стремится отыскать такой аккорд, такое созвучие, которое могло бы служить одновременно и своеобразным аккумулятором, и источником художественной энергии в рассказе. Таким элементом в рассказах Хамдама является символика. Образы–символы становятся рефреном, обобщающим картины мира, способным мобильно подключаться к накоплению и трате энергии. В рассказе

«Мусульманин» такого рода аккумулятором, становится сразу несколько образов-символов: образы птичек как символа совести, времени, судьбы и души; образ дерева – символ жизни; образ сада – философский символ, который подчеркивает связь времен, взаимопроникновение различных пластов жизни, родственности корней молодого поколения и устремленности в будущее. В «Тюльпанах» – это напоенный звенящей нежностью и манящий образ тюльпана мечты; скала – символ сложности достижения цели; мотыльки – стремящиеся к жизненному «восхождению» люди. В «Пнале воды» лейтмотив жажды символизирует представление о невыполненном человеческом предназначении. Постепенно из рассказа в рассказ расширяется значение образов-символов пути, дали, движения, они выражают представление автора о вечном и преходящем в жизни людей, о судьбе личности и судьбах народа, создают «миф» о человеке и времени.

Наряду с рассказами, представляющими пограничные жанровые образования, стремящимися к экспериментальным новациям, жанрово-стилевым обновлениям, в современной узбекской литературе есть и произведения с традиционной структурой, где «художественное исследование реализовано на материале единичного события, значимых, частных явлений действительности»¹. В этих рассказах можно выделить некоторые «жанровые традиции», передаваемые из поколения в поколение узбекскими писателями-рассказчиками. Как отмечала известный литературовед Н.В. Владимирова, «... Несправедливо было бы не помнить о существовании национальных традиций, ставших фундаментом для подлинного развития жанра рассказа в узбекской литературе и самим сво-

¹ Шубин Э.А. О национальном своеобразии русского рассказа // Русский советский рассказ. Очерки истории жанра. Под ред. В.А. Ковалева. Л., 1970. С.24.

и в дальнейшем обусловивших возможность восприятия всех многообразных воздействий (тенденций) мировой литературы. Устойчивость жанровых традиций указывает на глубокие корни, уходящие в национальную почву. Мы имеем в виду, прежде всего те «органические элементы»², которые позволяют говорить об узбекском рассказе как о некоей целостности, имеющей свои национальные истоки и национальную специфику. В этих традиционных рассказах создан образ современника, собирательный портрет людей нашего времени. Для них характерно разрушение стереотипов и канонов социализма и резкое возвышение роли быта, человеческой микросреды, которая включает его семью, узкий круг его интересов и потребностей, его отношение к природе, духовному наследию. Но через бытовые темы и сюжеты, отечественные авторы показывают и разрешают глубинные проблемы. К такому типу относятся включенные в сборник рассказы Хайридина Султонова, Мухаммада Али, Хуршида Дустмухаммада, Назара Ошонкула, Абдукаюма Юлдашева, Собира Унара, Зульфий Куролбой кизи. Все эти рассказы объединяет не только тяготение к классической форме, но и попытки вскрыть внутренние пружины поведения героев, выявить взаимосвязи между средой и личностью, исследуемые в самых различных аспектах. Перед нами лишь штрихи эпической картины современной жизни. Но штрихи эти начертаны с удивительной точностью, детали продуманно сориентированы. Рассказы данных писателей характеризуются самобытной точкой зрения на изображаемые явления, на любые ситуации обыденной жизни. В самой этой обыденности и заложен элемент всеобщности человеческого бытия и судьбы народа.

¹Владимирова Н.В. О развитии прозаического жанра в узбекской литературе// Владимирова Н.В. Развитие узбекской прозы XX века и вопросы художественного перевода. - Т.: Фац, 2011. С.103.

² Утехин Н.П. Жанры эпической прозы. Л.,1982. С.46.

В рассказе Хуршида Дустмухаммада «Кичкирик» эпико-романтическая величавость и возвышенность его во многом определяются своеобразным авторским взглядом на человека в общей панораме природы. Широкое понятие Времени создается не столько с помощью последовательного изложения человеческой судьбы, сколько своеобразным воссоединением Человека и Природы, утверждением этих взаимосвязанных сторон мира. Только в единении с природой можно жить в гармонии с самим собой. Бережное и уважительное отношение ко всему позволит человеку выйти на качественно новый уровень духовности. Казалось бы, такая постановка проблемы не нова, но вечные темы на то они и вечные, чтобы обращаться к извечным проблемам бытия, к вопросам: как жить, каким должен быть человек, что для него свято и вечно, и по-своему разрешать их. В рассказе Хуршида Дустмухаммада процесс художественного переосмысления классических традиций, развиваясь по логике исторической преемственности, актуализирует формирование современной психологической концепции «Я – мир», которая типологически развивает глобальные нравственные проблемы.

В отличие от Хуршида Дустмухаммада, тяготеющего к динамическому сюжету, Мухаммад Али создает предельно сжатую, концентрированную форму рассказа, тоже насыщенную не действием, а эмоциями, позволяющую выразить ту или иную идею предельно конкретно. Так, короткие, лаконичные и отрывистые фразы в его рассказах создают, в первую очередь, ощущение авторской взволнованности, рожденной и организованной стихией воинствующей памяти. «Рассказовая» форма повествования позволяет автору талантливо реализовать тему Памяти, сопряженную с идеей национального самосознания и итоговости пройденного узбекским народом пути.

Особым образом стоит оговорить место женской малой

прозы в современной узбекской литературе, имея в виду, что она выделена не на основании стилевых особенностей, а на основании гендеровой характеристики автора и проблематики. Женская малая проза – это рассказы, написанные женщиной о женщине. Конечно же, эти рассказы тяготеют к реализму, так как утверждают семейно–бытовые нормы, что говорит о праве женщины на сугубо женскую реализацию (дом, дети, семья) – традиционный набор ценностных позиций.

Самые яркие имена в истории современной узбекской женской прозы – Саломат Вафо и Зульфия Куролбой кизи.

В своих рассказах Зульфия Куролбой кизи с великолепным эстетическим чутьем совершает отбор того или иного материала. Она намеренно отказывается от какой–либо авторской оценки, вынесения, так сказать, приговора, погружая читателя как бы в поток жизни, только поток этот тщательно просеян ее эстетическим замыслом. В результате читатель наблюдает за жизнью, которая «как бы» течет, как она есть, при отсутствии «авторского Я», благодаря таланту писательницы испытывает потрясение и мучится бедами, трагедиями, страданиями ее героев. В этих произведениях поражает какая–то необычайная концентрация, густота жизни, сжатой порою в миг. Наверное, это жизненное пространство героев до такой степени сжато и замкнуто, что превращается в «точку времени». Отсюда такая боль в сердце читателя. Осколки житейских историй, порою сентиментально выстроенных, но искренне и самозабвенно нарисованных в рассказах с легкостью можно экранизировать, настолько точны и реалистичны характеры изображенных ею героев.

Таким образом, для современного узбекского рассказа характерно стремление к глубинному познанию и исследованию человеческой души, включенной в противоречивую сложность мироздания. Узбекские писатели, отражая част-

ные, мимолетные, «незначительные» моменты из жизни людей, приходят к фундаментальным художественным обобщениям, и исследование плоскости «Я-Я», субъективный индивидуализм позволяют познать, понять, признать жизнь и наметить духовные ориентиры. Прием полистилизма¹ в рассказах узбекских авторов имеет внутреннюю мотивировку – историческую, психологическую, сюжетную. Спецификой «авторского» сознания обусловлены такие художественные тенденции, как интерес к проблемам сегодняшнего дня, актуализация широкого спектра литературных традиций, интерес к феномену смерти, психическим отклонениям и сновидениям, тяготение к жанрово-стилевым экспериментам. Все это позволяет говорить об эволюции и динамике узбекского литературного процесса в целом и о его достойном движении в XXI веке, ориентированном на «...включенность в мировой литературный процесс нового столетия»².

*Саодат Камилова,
кандидат филологических наук, доцент*

¹Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: Учеб. пособие – М.: Изд.центр «Академия», 2003, с.521.

²Мирзаев С. Узбекская литература XX века. – М.: Востлит., 2010, с.375.

АДЫЛ ЯКУБОВ

(1926–2009)

МОРОЖЕНОЕ

В тот день, когда на нашу семью обрушилась беда, я сидел, как на коне, на глинобитной стене напротив нашего дома и у меня, десятилетнего мальчика, было что-то тревожно на душе.

Тогда мы жили в одном из прекраснейших мест города Туркестана – на Лагерной улице – в неплохом, по тем временам, доме из двух комнат с террасой и большим двором. Кроме нас, в этом дворе с огромными двустворчатými воротами проживало еще несколько семей. Над воротами была балахана¹, где хранилось сухое сено, и мы, дети, по вечерам, играя в прятки, залезали туда и, прячась в сене, «сохраняли душу».

За несколько месяцев до постигшего нас несчастья, мой отец, собрав три-четыре мешка – почти все книги в доме – спрятал их на балахане под сеном, а на дверь повесил замок размером с лошадиную голову. Теперь в балахану доступа не было, только я, изредка тайком пробравшись через отверстие в крыше, листал книги из мешков, особенно любил разглядывать толстые со множеством картинок.

Это были очень странные картинки: на большинстве из них были изображены военные в кожаных пальто с шашками и револьверами на поясе, на некоторых – гарцующие на лошадях воины с красным флагом, готовые к схватке с врагом,

¹Балахона – легкая надстройка над первым этажом.

но почему-то у всех у них были или глаза выколоты, или лица закрашены синими чернилами. Почему так? Я мучился, не зная разгадки этой тайны, у отца спросить, не хватало духа, потому что он был жестким человеком и мог отругать меня, мол, «кто показал тебе эти книги».

В тот злосчастный день, с затаенной непонятной тревогой в душе вспомнив о книгах, я вновь залез на крышу. Но, приблизившись к знакомому отверстию, увидел в начале улицы красивый фаэтон, запряженный парой лошадей. Через мгновение фаэтон остановился напротив наших ворот. Из него вышли двое мужчин среднего возраста, одетые в модные, по тем временам, зеленые галифе и гимнастерки, и женщина с раскосыми глазами в красном платье. Один из мужчин, заметив меня на крыше, спросил:

– Это дом Эгамберди Жакипова?

– Да, – ответил я.

Со двора послышался голос моей матери:

– Добро пожаловать, гости, заходите.

Я, соскользнув с балаханы, спрыгнул на землю. Мама была взволнована. Гости вошли.

– Беги к отцу на работу! – сказала мама почему-то шепотом. – Скажи: приехали приятели, с которыми он учился в САГУ¹. Скажи, чтобы быстрее приходил, они ждут! Да, кстати, по дороге зайди в школу и позови сестру с зятем – пусть приходят быстрее! Надо помочь накрывать на стол!

Я, услышав слово «гости», почувствовал облегчение и со всех ног бросился выполнять поручение. Хотя школа, где учительствуют моя старшая сестра и зять, находится дальше, чем учреждение отца, я сначала сбегал туда, передал слова мамы

¹САГУ – Среднеазиатский государственный университет (ныне Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека)

и со всех ног, босой, взъерошенный, оставляя за собой клубы пыли, помчался к отцу.

Отец мой сначала работал народным комиссаром национальных меньшинств (в основном узбеков) при Совете Народных комиссаров Казахстана. После окончания университета стал первым секретарем Сайрамского района ныне Чимкентской области, затем первым заместителем начальника Политического управления железных дорог Казахстана. Но впоследствии, обвиненный в том, что он, якобы, скрыл, что отец его был суфием¹, был смещен, понижен в должности и, в конце концов, назначен заведующим финансовым отделом Туркестанского района.

Покойный мой дед Якуб (пусть душа его покоится в раю!) действительно до революции был суфием самой большой мечети кишлака Карнак. Люди говорят, что у него был такой сильный голос, что когда он каждое утро, поднимаясь на башню мечети, созывал мусульман на молитву, его слышали не только жители десяти тысячного кишлака Карнак, но и верующие за тридцать верст. Поэтому жители Карнака к имени дедушки добавляли слово «шейх»², называли его шейх Якуб. Но в шестнадцатые годы во времена суровой засухи мой дед шейх Якуб бедствовал. Моему отцу даже нечем было семью кормить. За пару баранов и пару мешков зерна бывший сын бая подался в мардикеры³, а вернулся большевиком. С тех пор отец и сын, один – шейх, другой – большевик, превратились в настоящих классовых врагов.

Учреждение отца находилось с торца огромного здания, некогда построенного купцом, в настоящее время там распо-

¹Суфий – служитель мечети, призывающий к молитве

²Шейх – духовный наставник.

³Мардикер – работник.

лагался комитет партии. Когда я подходил, отец уже выходил из управления. Увидев меня издалека, он остановился около ворот. Отец мой был рослым, статным, солидным человеком, у него был красивый римский нос и модные, по тем временам, усики. Во что он был одет, сейчас не припомню, но, если не ошибаюсь, на нем был пиджак защитного цвета с нагрудными карманами и галифе, как у Сталина, а на ногах модные хромовые сапоги со скрипом.

Покойный мой отец показался мне тогда утомленным, глаза его были красными то ли от бессонницы, то ли от чего-то еще. Он выслушал меня, запыхавшегося от бега, слегка повеселел и, погладив меня по голове, сказал:

– Идем сынок! Дай-ка, я куплю тебе мороженого!

Как я уже говорил, отец был жестким, властным и немногословным человеком. Он никогда прежде не гладил меня по голове. Никогда не забуду то время, когда отец, в силу обрушившихся на него неприятностей, был вынужден поменять несколько мест работы и, в конце концов, вернувшись в родной кишлак, впал в глубокое отчаяние. Однажды мама дала мне двух или трехлитровый графин (редкая вещь, приобретенная в период работы отца на высокой должности) и сказала:

– Сходи в магазин, принеси кумыса, папа попросил!

В магазине кумыса не оказалось. Я возвращался домой, беззаботно играя графином. Мой путь пролегал через скотный рынок, обнесенный железными и деревянными кольями. Вдруг графин стукнулся о железный колышек и от него откололся кусочек размером в копейку. Сердце мое оборвалось. Домой возвращаться было страшно, и я долгое время бродил по берегу речушки у нашего сада. Наконец, замирая от страха, я направился домой.

Завидев меня, мама закричала:

Где ты шляешься, повеса? Несчастный твой отец весь ищет, ожидая тебя!

Заметив скол на графине, схватила меня за руку и потащила в дом. Отец полулежал на почетном месте в большом квадратном зале и листал книгу...

В магазине нет кумыса, к тому же ваш сын разбил графин... – сказав это, мама поставила графин на столик перед отцом.

Впоследствии мама много раз с сожалением вспоминала об этом. «Почему я так поступила, сынок, не знаю, просто бедственное положение отца всех нас тогда выбило из колеи»,

объясняла покойная. Отец быстро выпрямился и, схватив со столика графин, швырнул его в меня. С силой брошенный графин пролетел мимо моего уха (наверное, я успел увернуться!) и, ударившись о стену, с грохотом разлетелся на мелкие куски.

Я бросился наутек и, убегая, услышал крик матери:

Будь проклят этот кумыс! Отец, из-за кумыса вы хотите ребенка уонить?

Мама говорила, что отец потом очень сожалел о своем поступке. Кто знает, может быть, он предчувствовал надвигающуюся беду, может, вспомнил, что когда-то обидел меня и хотел, чтобы я забыл об этом, но, так или иначе, тогда он впервые погладил меня по голове и решил купить мне мороженого.

На другой стороне улицы был городской парк, у входа на площадке располагались маленькие магазинчики, где продавали разную газировку, фруктовые соки и мороженое. Пришли, а магазины закрыты. Отец искренне огорчился:

– Первый раз в жизни, сынок, решил тебе купить мороженого, и то не довелось, – с сожалением сказал он.

Придя домой, мы увидели, что во дворе горит свет, на оча-

ге висит казан, а вокруг него хлопочут мама и сестра, возвратившаяся раньше нас, зятя не было видно.

Отец вошел в дом и сразу же вышел, повеселевший и довольный.

– Приехали мои старые друзья, с которыми я учился в САГУ. – Гульшан, есть ли у нас хорошее мясо, – спросил отец, глядя на маму, – сегодня ты все, что у нас есть, на стол выставляй!

У покойной нашей матери был немного властный характер.

– Вы не суетитесь около очага, а идите в дом, побудьте с гостями! – сказала она, перебивая его.

На мамину несколько искусственную грубость отец лишь усмехнулся и вошел в дом.

Во дворе рядом с очагом рос карагач, под ним был глубокий колодец, в котором мы хранили мясо в жаркие летние и прохладные осенние дни. Мама попросила меня достать его из колодца. Я начал крутить ручку, тянуть к себе крюк с мясом и, вдруг, увидел входящих с улицы двух военных. Сердце мое отчего-то ушло в пятки. Они бросили взгляд на мать и сестру, которые суетились у очага, топя поднялись на террасу и вошли в дом. Увидев военных, мама с сестрой на секунду окаменели, а опомнившись, с криком бросились в дом. Машинально отпустив ручку колодца, я тоже последовал за ними.

В те времена я не знал, что происходит не только в нашей стране, но даже в нашем городе, и, конечно, не догадывался об истинной причине беспокойства и воплей мамы и сестры. Но если не разумом, то сердцем вдруг почувствовал опасность. Потом я узнал, что тогда творилось в Туркестане: каждый день, каждую минуту арестовывали людей. Мама и сестра знали об этом, поэтому и подняли крик при виде военных.

Войдя в дом, я услышал, как один из военных – красивый, рослый, русоволосый с челкой до бровей русский капитан –

со скрипом прошел к двери и, закрыв ее на засов, категорично сказал:

Пока не закончится обыск, никто не выйдет и не войдет в дом!

В доме началась суматоха: старшая сестра с плачем повисла на шее окаменевшего отца, мама молча дрожала, прислонившись к его плечу, младшая сестренка и братишки, сбившись в углу, как цыплята, испугавшиеся коршуна, вытаращив глаза, льнули друг к другу.

Одна из двух створок средней двери была открыта, посередине комнаты стояли растерянные бледные гости, однокурсники отца по САГУ. А второй военный просматривал книги и альбомы из большого красного шкафа, который стоял в другой комнате.

Почти все книги в красном переплете были произведениями Ленина. Военный, который начал обыск, не трогая труды Ленина, внимательно перелистывал альбомы с фотографиями и бросал их на пол. До сих пор помню: в этих альбомах, как и на некоторых фотографиях в книгах с балаханы, лица некоторых руководителей, может потому, что они были давно арестованы (я узнал об этом позже) были закрашены синими чернилами, глаза выколоты, головы на некоторых фотографиях «отрезаны». Военный, (если я не ошибаюсь, это был капитан) глядя то на отца, то на эти фотографии в альбомах, сказал усмехнувшись:

– Видно, уж больно идейный!

А красивый русоволосый капитан, открывая в соседней комнате сундуки, узлы, ящички, вываливая вещи, продолжал что-то искать в этом тряпье. Когда пришла очередь следующего шкафа, военный не смог открыть нижний выдвижной ящик. В доме не было шкафа или сундука, который бы я не смог открыть. Увидев, как мучится капитан, я взял гвоздь и, подбежав, быстро открыл ящичек.

– Молодец! – сказал он, погладив меня по голове. – В будущем из тебя выйдет достойный человек!

От этой неожиданной похвалы капитана у меня защемило сердце. Впоследствии, уже повзрослев, я ненавидел себя за то, что тогда хоть и на секунду, несмотря на вопли и стенания в доме, обрадовался похвале палачей, которые пришли арестовать моего отца. Но в те минуты, к сожалению, я испытал гордость от слов капитана, и это ужасная правда!

Послышался голос отца:

– Воды! Дайте пиалу колодезной воды, душа горит!

В доме воды не было. Сестра, перестав плакать, сказала всхлипывая:

– Товарищ капитан! Разрешите моему братишке принести воды из колодца!

Капитан, подняв голову от ящиков шкафа, сказал:

– Если перестанешь причитать, разрешу! - и засмеялся. – Такая красивая девушка и такая плакса!

Мне не понравился неискренний комплимент капитана. Но что я мог сделать? Взяв ведро, я бросился из дома. Свет во дворе был выключен, чуть поодаль от террасы между колодцем и очагом кто-то неподвижно стоял. Это был мой зять. Ничего не сказав, он взял из моих рук ведро, набрал из колодца полведра воды, подал мне и бесшумно исчез в темноте двора.

Впоследствии покойная мама часто говорила:

– В тот день зятя сам Бог спас! Если бы он пришел вместе с сестрой, кто знает, может быть, и его бы взяли эти бессердечные.

Это действительно так, потому что после окончания обыска, когда уводили отца, военные предупредили бедных гостей из САГУ, что необходимо взять в НКВД Туркестана разрешение на выезд, и заставили их дать расписку.

Когда я вошел с водой, отец, сидя на стуле, пытался успо-

контгь склонившихся у его ног все еще громко плачущих маму и старшую сестру.

Прежде смуглый отец вмиг почернел, как сгоревшая арча. Мама подала с полки касу. Отец одним глотком осушил ее и, тяжело дыша, сказал:

– Все, не плачь, дочка, не плачь, Гульшан! Я совершенно не виновен перед правительством, Гульшан! Товарищ Сталин еще жив, он разберется в этой клевете и спасет меня!

Сейчас, когда я думаю об ужасающих преступлениях эпохи культа личности, о чудовищных вождах революции, особенно времен правления Сталина, когда совершались бесчеловечные массовые убийства, страдали миллионы и миллионы людей, когда разлучали родителей с детьми, детей с родителями, когда рекой текли людские слезы, вспоминая слова о Сталине, я поражаюсь. «Неужели мой отец не видел, не понимал, не чувствовал ужаса всеобщего истребления, неужели он не догадывался о тирании Сталина, неужели он искренне верил в эти простые, бессмысленные слова?» - такие мысли мне часто приходят в голову.

Но тогда в революционной среде истинно верили в те лживые горячие призывы, краснознаменные взволнованные песни, пламенные речи вождя, считали, что происходящие массовые убийства необходимы для счастья человечества, разве мало было наивных и простодушных людей, которые верили в этот обман?

Конечно, эти мысли, рвущие на части сердце, пришли позже, спустя много лет, когда вскрылись страшные события того времени, когда у людей открылись глаза. А тогда...

Не знаю, как долго продолжался обыск. Но помню точно, как отец, пока не осушил полведра воды, все повторял снова и снова, жадно глотая колодезную воду: «Товарищ Сталин не позволит унижить своего преданного сына»

Впоследствии, когда я рассказывал об этом, многие не верили:

– Да бросьте, разве может человек выпить полведра воды? – но я десяти – одиннадцатилетний мальчик видел это своими глазами, я слышал отца собственными ушами! Человек, у которого горит душа, сможет выпить не только полведра, но и целое ведро!

Наконец обыск закончился. Отцу приказали одеться. Рыдания мамы и сестры стали нестерпимыми, наш дом дрожал от горьких и отчаянных воплей. Мама накинула на плечи отца пальто. Она собрала снедь со стола, накрытого для бедных гостей – однокурсников по САГУ, – подала отцу.

Почерневший, вмиг похудевший и сторбившийся отец сначала поцеловал в лоб все еще рыдающих маму и сестру, затем дрожащих и сбившихся в кучу младших, а когда очередь дошла до меня, вдруг сказал с полными слез глазами:

– Эх! Впервые в жизни решил купить тебе мороженого, да и то не удалось, сынок!..

Ребенок, который в течение всего обыска не проронил ни слезинки, который возгордился от слов «в будущем будешь хорошим человеком», забыл все: и то, что отец меня никогда не баловал, и графин, брошенный в меня когда-то, – я забыл все и, жалобно вскрикнув, обнял ноги отца.

* * *

...Прошло несколько месяцев. За это время наш дом пришел в весьма жалкое состояние. Приближалась зима, с каждым днем все ближе ее жестокое холодное дыхание, а дома нет ни дров, ни угля!.. Мы, построив сандал, кое-как выживаем.

Раз в неделю, если не ошибаюсь, по субботам, принимают

передачу для отца. Мама кое-что готовит из наших скудных запасов, и на рассвете мы с ней отправляемся в тюрьму.

В Туркестане у мавзолея Ахмада Яссавий было несколько крепких кирпичных зданий, выстроенных при генерале Черняеве, захватившем Среднюю Азию. Черняев построил их для царских солдат. А в советское время правительство превратило их в тюрьму, обнеся колючей проволокой.

Каждую субботу у этой крепости с колючей проволокой собиралось минимум 150-200 женщин, стариков, это были члены семей врагов народа. Молоденькие женщины, трясущиеся пожилые люди, дожидаясь начала приема передач, зябли с утра до вечера у колючей проволоки. Мама брала меня с собой лишь по одной причине – вдруг повезет увидеться с отцом. Но отца ни разу не показали, ладно не показывали, даже передачи не всегда принимали. Иногда, прождав несколько часов кряду, под каким-нибудь предлогом я бежал в парк около тюрьмы. Там каждый божий день проходили митинги, под барабанную дробь и звуки карнаев – сурнаев колоннами шагали дети. Посреди парка была трибуна, обтянутая красной материей, с нее активисты в кожаном пальто и револьверами наперевес произносили речи, разоблачающие троцкистов и их «прихвостней». Самое страшное было то, что разоблачая «прихвостней» Троцкого сегодня, назавтра большинство из выступающих могли сами превратиться в этих прихвостней, пополняя список разоблаченных.

Что меня привлекало в этих митингах до сих пор не пойму. Видимо, скорее всего, веселые, задорные песни ровесников, которые стройными шеренгами шагали под барабанную дробь и звуки карная-сурная. Под эту барабанную дробь и звучащие пламенные песни мои ноги, словно у армейского коня, слышавшего звуки барабана, сами по себе пускались

в пляс, сердце взволнованно билось. Единственное, что угнетало, так это то, что с трибуны в ряду прихвостней выступающие иногда называли имя отца. Но в эти моменты вспоминались слова отца о Сталине, и я старался прогнать из сердца обиду и горестные мысли. Горечь обиды терзала меня и тогда, когда я лицом к лицу повстречался с секретарем молодежного комитета города.

Этот молодой, статный, симпатичный паренек был нашим соседом. До того, как на наши головы обрушилось это несчастье, он постоянно забегал к нам, подолгу, целыми вечерами, беседовал с отцом. В то лето он женился, его жена была такой же, как и он, молодой, миловидной и стройной. Отец мой был главным помощником и организатором на их свадьбе, как говорила моя мама, он им и материально помог.

После ареста отца наш близкий сосед у нас больше не показывался. Этому даже не стоило удивляться, потому что не только он, но и наши близкие родственники в эти страшные дни обходили наш дом стороной, а если кто-то и заходил, то уходил потом боязливо, с опаской, прячась за дувалами.

Была суббота. Видимо, число арестованных значительно увеличилось, потому что у гауптвахты людей с передачками стало гораздо больше. Очередь ожидающих была нескончаема. Может поэтому, а может, по другой причине, как только я попросился, мама тот час отпустила меня домой. Я озяб под непрерывно морозящим мелким дождем и направился в сторону дома, но неожиданно, услышав звуки барабана и карнаев-сурнаев, невольно остановился.

Звуки становились все громче, видимо, как обычно, начинался большой митинг. Как дрессированная лошадь, я повернул в сторону звучащей барабанной дробы. Несмотря на дождь, со всех сторон шли шеренги детей.

У самых ворот я неожиданно столкнулся с нашим соседом секретарем комитета молодежи города. Он был не один, рядом шли какой-то военный в кожаном пальто и низкорослый седоволосый человек с треугольной бородкой.

При виде секретаря внутри у меня что-то оборвалось, я постарался затеряться в толпе, но секретарь, одним прыжком преградив мне дорогу, схватил меня за руку и:

– А, волчье отродье. Одна поганая овца все стадо портит! Нашепив на шею красный галстук, хочешь честных пионеров развратить, притворщик?– он больно сжал мне руку и стал тянуть к себе. Но тут вмешался низкорослый пожилой человек.

– Отпусти пацана. Товарищ Сталин сказал же, что сын за отца не в ответе. В чем вина этого малолетки!

Молодой секретарь хмуро поглядывал то на военного в кожаном пальто, то на пожилого и, отпустив меня, прикрикнул: «Прочь с моих глаз!»

Что было после этого – сейчас не помню. Освободившись из безжалостных, как тиски, рук секретаря, глотая слезы, я бросился прочь от колонн счастливо шагающих ровесников в сторону большой улицы...

* * *

Даже спустя три-четыре месяца после ареста отца, мы так ни разу и не смогли с ним увидеться. Весь город был встревожен, везде, даже в школах, продолжался поиск врагов. Никак не могу забыть... В тот год мы праздновали 100-летие со дня смерти великого русского поэта Пушкина. Я не знаю, какие мероприятия намечались, какие книги выпускались, какие собрания, литературные вечера проводились, посвященные этой печальной дате. Но к этому дню были выпущены тетради для учеников. Миллионы и миллионы тетрадей, на обложках

которых была помещена фотография кудрявого поэта, похожего на негра, а на последней странице обложки были иллюстрации из его сказок. Сначала все было спокойно. Потом по городу, и по нашей школе в частности, поползли разные слухи. Будто эти тетради, выпущенные к пушкинской дате, вернее, на обложках тетрадней, есть контрреволюционные высказывания. Будто, если внимательно приглядеться к волосам Пушкина на обложке, а особенно к рисункам из сказок поэта, то можно разобрать хитро зашифрованные контрреволюционные призывы!

В нашем 3 «А» классе преподавала пожилая беззубая, но очень мягкая и добрая русская старушка. Целый месяц она – сейчас не помню ее имя–отчество – болела, и вместо нее уроки вел молодой юноша татарин. Этот паренек сильно прихрамывал, был братом жены секретаря соседнего райкома, после ареста моего отца он стал поглядывать на меня недружелюбно. Но, ирония судьбы... через неделю после ареста моего отца арестовали и объявили «врагом народа» зятя нашего молодого учителя. Он еще больше помрачнел, стал еще сильнее прихрамывать, но на меня теперь наш учитель смотрел сочувственно, а когда встречал меня в коридоре или во дворе, то поглаживал меня по голове, если рядом никого не было. В день, когда распространилась весть о том, что в «портрет Пушкина вписаны гнусные контрреволюционные высказывания», наш молодой учитель вошел в класс чернее тучи. Он долго и пристально глядел на детей своими печальными глазами:

– Дети! – как-то уныло сказал он. – А ну-ка возьмите тетради, розданные вам вчера! Эти... я говорю о тетрадях с портретом Пушкина!.. Взяли? Может, слышали, что на них наши заклятые враги хитро зашифровали высказывания против СССР! Эти ужасные высказывания обнаружили некоторые ученики. Их фотографии завтра будут на доске Почета!

Неужели в нашем классе нет ни одного такого бдительного ученика? А ну-ка посмотрите хорошенько на портрет! Возможно вы, разглядев эти отвратительные вражьи слова, сможете разоблачить врагов.

Сказав это, молодой учитель с надеждой посмотрел на меня. Как бы то ни было, мне так показалось и я, уставившись на портрет на обложке тетради, стал усердно искать хитро спрятанные буквы...

Нервы на пределе, мозг, как тлеющий уголек. «Неужели я не найду этих гнусных слов, направленных против родной страны, не смогу разоблачить происки врагов? Нет, найду. И найду первым. Вторым быть бессмысленно!.. Подожди, что напоминает этот завиток на плече у писателя? Это же буква «С»!.. А завиток рядом? Тоже «С»! И рядом с ним тоже! А это точно «Р»! О, господи! Эти наглецы написали «СССР», и я до сих пор не мог этого заметить?!. А эта прядь завитка? вылитая же «Д»! А после нее завиток? Это – «О»! Рядом с «О» должно быть «Л»? Вот «Л»! А рядом с ней стоит два завитка, похожих на «ОЙ»! Вот эти слова: «ДОЛОЙ СССР!».

Задыхаясь от волнения, я вскрикнул:

– Нашел, учитель, нашел!

Мой учитель – инвалид, споткнувшись на ровном полу, прихрамывая, подошел ко мне. Весь класс, вскочил с места, обступил меня.

Я дрожал так, словно нашел сокровище, и стал показывать буквы, выискивая их в кудрявых волосах великого поэта. Наконец, закончив показывать, я с гордостью посмотрел на ровесников.

В абсолютно мрачной тишине в классе внезапно прозвучали слова учителя:

– Маладес! Вот таких называют бдительные пионеры!

Все посмотрели на меня с завистью, я же чувствовал себя настоящим героем.

– А ну-ка соберите тетради! Через час вся школа должна быть на спортивной площадке, будем участвовать в сожжении этих скверных тетрадей!

Прихрамывая, наш учитель вышел из класса, но ни через час, ни через два, он не вернулся. Затем пришла новость, что церемония сожжения тетрадей откладывается на другой день, и мы разошлись по домам.

Вечером, захлебываясь от волнения, я рассказал маме о событиях дня. Вместо ожидаемой похвалы мама вдруг с полными слез глазами сказала:

– Эх, дитя-я, дитя-я! Что с тобой, дитя мое!

– А что со мной? Почему вы так говорите, мама, – досадуя, спросил я.

– Ничего... не будь таким же жестокосердным как отец. Единственное о чем молю Бога, дитя мое.

Я не совсем хорошо понял маму. Поутру я побежал в школу, вернее, к доске Почета в школьном зале. И к великому моему сожалению, пробежав глазами несколько раз рядом список, обнаружил – нет ни моего имени, ни фотографии. Фотографии пионеров, разоблачивших злодейские происки врагов, висели, но моей фотографии не было. Видимо, тот, кто вывешивал фотографии, был бдительнее меня и решил, что нельзя вывешивать фотографию сына врага народа.

Со времени этих событий прошло вот уже более полувека. Каких только преступлений не раскрывалось в годы культа личности. И какими бы ужасными ни были эти преступления, на мой взгляд, самое страшное из них – заставляя таких, как я, маленьких детей смотреть на все с подозрением, везде искать злые происки, будто взрослых для этого мало.

Наконец, наступил день прощания с отцом. Проститься разрешили только троим: маме, старшей сестре и мне! Наверное, поэтому никто из родственников и близких – ни братишки отца, ни близкие друзья – никто не пришел.

Мама с сестрой всю ночь не спали, готовя для отца пшеничное, пшеничное толокно и еще что-то. К тому времени еле теплившаяся, как свеча, надежда на то, что отца освободят, потухла, маме было ясно, что отца увезут, видимо, далеко.

Утром с мешками и свертками мы отправились в тюрьму. В этот раз долго ждать не пришлось. Военный с пистолетом на поясе, похожим на чайник, повел нас по длинному, узкому и темному коридору. Когда мы дошли до середины, он, открыв дверь справа, пропустил нас вперед. В маленькой прямоугольной комнате за столом сидел седой человек в гимнастерке и что-то писал.

Отец мой сидел в углу на низенькой табуретке (я сначала не узнал его), и как только мы вошли, вскочил с места. От роду крепкий, упитанный, рослый человек за пару месяцев похудел и стал как спичка, щеки впали, глаза ввалились, нос стал отвислым и крючковатым.

Снова, как в день ареста, начались плач и причитания. Мама плакала, прикрывая лицо платком, вздрагивая, но сестра... повиснув на шее отца рыдала так, что тесная комната дрожала.

Впоследствии покойная моя мама часто говорила:

– Бессовестные, хотя бы полчаса дали. Мы даже нагладиться на отца не успели. Четверть часа, разрешенные нам, пролетели как миг...

В этот раз во время свидания отец ни разу не произнес, ни имени Сталина, ни слов повторяемых в день ареста: «Я не ви-

новен перед партией! Товарищ Сталин жив, меня не унижат!» Только несколько раз со слезами на глазах повторил:

– Прости меня, Гульшан! Ты одна остаешься с пятью детьми на руках, как ты их прокормишь, ума не приложу! Теперь мы не сможем свидеться, прости меня!

Каждый раз, когда отец повторял это, человек, что-то увлеченно писавший, не поднимая головы от бумаг, говорил:

– Эй, Якубов. Что с тобой случилось? Ты что маленький, Якубов!

Наконец, бросив взгляд на старинные часы, висевшие на стене напротив него, этот человек объявил:

– Свидание закончилось, Якубов. Теперь прощайтесь!

Причитания сестры достигли предела. Мама захватила с собой немного денег и дрожащими руками протянула их отцу, а отец стал упрашивать:

– Потрать на детей, Гульшан! – но мама не соглашалась, и ему все-таки пришлось их взять.

Это было всего – навсего пятьдесят рублей, десять пятирублевых. Отец, нехотя взяв деньги, одну пятирублевку протянул мне. Мама хотела возратить её, но он не согласился и, положив ладонь мне на голову, сказал со слезами на глазах:

– Ты теперь дома самый старший мужчина, сынок. Помогай маме, присматривай за младшими, – и положил пять рублей мне в карман.

– Первый раз в жизни я хотел тебе купить мороженое, и не довелось. Купи на эти деньги книги, тетради. На оставшиеся купи себе мороженого, сынок!

Что-то надорвалось в моем сердце.

Ребенок, считавший ниже своего достоинства плакать вместе с мамой и сестрой, как тогда, когда впервые уводили отца, забыл тогдашнюю похвалу сотрудника НКВД, забыл, что он бдительный пионер, раскрывший козни контрреволюционеров – все забыл и с криком: «Папочка!», обнял колени отца.

* * *

Много лет прошло, много воды утекло после этих страшных событий. После знаменательного доклада Хрущева в 1955 году, потрясшего весь мир, наша семья, как и миллионы – миллионы семей, пострадавших от культа личности, стала обращаться в высшие инстанции, справляясь о судьбе отца, жив ли он (до этого мы писали раз десять, но ни разу не получили ответа).

Одно из писем мы направили в Центральный Комитет Компартии Казахстана, второе в комитет Государственной безопасности СССР. Приблизительно через четыре – пять месяцев пришли один за другим ответы. В первом ответе от Центрального Комитета Казахстана, говорилось, что партийное дело отца было пересмотрено, установлено, что он во время сталинских репрессий был обвинен несправедливо, и его восстановили в партии, членом которой он был с 1918 года, и полностью реабилитировали.

Во втором письме из Москвы, из Комитета Государственной безопасности, сообщалось, что отец наш работал на лесоповале на Дальнем Севере и в 1943 году (точное время неизвестно) погиб во время работы.

В отличие от первого ответа, в письме было приложение: если мать пенсионного возраста (я писал письма, естественно, от имени мамы), то государство будет выплачивать ей пособие. Если нуждается в жилье, на основании этого ответа надо обратиться в городской совет для получения жилья вне очереди.

Оба письма вроде бы должны были восстановить справедливость. Но я, наверное, от того, что шесть лет был простым солдатом на Дальнем Востоке и испытал все трудности и тяготы той жизни, вдруг представил бескрайний холодный лес, деревья, склонившиеся под снегом, лютую зиму. На мгнове-

ние перед моим взором возник отец, рубивший деревья в этом дремучем лесу, и обида, страдание, унижение и боль захлестнули все мое существо, потрясли мое сердце.

«Нет! Эти нелюди, несправедливо арестовавшие отца, члена партии с 1918 года, не захотевшие освободить его даже когда он состарился, заставившие в суровую зиму рубить деревья, обрекшие его на смерть, теперь, чтобы смыть свои грехи, вдове, жизнь которой загублена, будут платить пособие и дадут кров?! Нет, я сам смогу прокормить свою единственную мать без их подачек, без них найду кров!»

Подумав так, я с легким сердцем разорвал эти два письма на мелкие кусочки...

ГДЕ ТЫ, МОРИКО?

Жизнь человека полна таких неожиданных событий, какие даже во сне не привидятся.

В этот год в день Победы я, вернувшись с торжественного праздничного собрания, посвященного памяти жертв войны, только расположился отдохнуть, как зазвонил телефон.

В трубке раздался звонкий голос девушки.

– Вы такой-то писатель? Я звоню Узбектуризма. К нам приехала группа туристов из Японии. Вами интересуется одна дама, хочет встретиться.

Я удивился.

– Откуда она меня знает?

– Не знаю, – ответила девушка. – Вы участвовали в японской войне? Вы были в городе Порт-Артур?

Я еще более поразился.

– Да, я был там. Но ...

Девушка перебила меня:

– Тогда вы, наверное, и встречались там. Одну из ваших книг она читала. У Вас же есть произведение «Улугбек»? Эту книгу она и прочитала. Она и русский знает...

...Порт–Артур! Японская женщина, знающая русский! Давным–давно забытые, но все еще дремавшие где-то в далеких уголках моего сердца безнадежно-тусклые, как осеннее солнце, но чистые воспоминания ливнем нахлынули и унесли меня в прошлое.

– Алло,– сказала девушка – Почему Вы замолчали? Или Вы не хотите встречаться?

– Нет–нет, хочу, хочу...

– Тогда запишите мой телефон, назовите удобное для Вас время. Остальное я организую сама.

* * *

Теплые осенние месяцы тысяча девятьсот сорок пятого года, маленький и уютный городок Порт–Артур, построенный для японских офицеров, спрятавшиеся посреди изумрудных рощ, опрятные и красивые одноэтажные домики. Японская девочка Морико, мило тараторящая по–русски!

И снова воспоминания унесли меня вдаль.

Почти на две тысячи верст раскинулась великая пустыня Гоби, которую мы с трудом прошагали, остались позади горы Хинган, преграждавшие нам дорогу. А впереди раскинулась бескрайняя и безграничная ярко зеленая долина. Это было начало Маньчжурии.

Нас, измученных, оборванных, обросших, оставшихся в одних портянках, солдат – обмундирование наше истлело и изорвалось в пути – опять погнали, как стадо, вдоль этой долины. За неделю мы добрались до какого-то городка, где была железная дорога. Нас, как селедку в консервные банки, на-

и нечеловечески тяжелой участи солдата–пехотинца превратилась в сущее блаженство. Большую часть времени я проводил в доме моего начальника штаба. Майору выделили красивый коттедж, со всех сторон обросший можжевельником, находился он на берегу моря около крепости Порт–Артур. Когда-то этот дом принадлежал влиятельному японскому генералу...

Генерал, лишившийся всех титулов и наград, жил в маленьком сарайчике в конце двора вместе с двумя дочерьми: старшая Чикосан двадцати двух – двадцати трех лет и младшая – Морико. Отставной генерал после неудачной военной кампании отошел от мирских дел, жил уединенно, ревниво охраняя своих дочерей от русских офицеров.

Я поначалу не обращал на них внимания, занятый своими делами. Работа моя была необычная, совсем не похожая на солдатскую службу.

По утрам вместе с начальником я ездил в майорской машине в штаб. До обеда печатал мелкие донесения на машинке для генерального штаба (печатать я научился за неделю), а после обеда выполнял личные поручения майора. Два раза в неделю ходил в полковой склад и получал продукты. Паёк, который выдавали офицерам, по тем временам был роскошным. Хлеба-хоть завались, трофеи, еще захваченные у японцев: целые пакеты хрустящего галетного печенья с медовым вкусом, сгущенное молоко, мясо, рыбные консервы, колбасы трех–четырёх видов, несколько бутылок спирта – в общем, снеди, которую не только майор, но и пять–шесть человек не съедят!..

Продукты раскладывал в погреб, затем гладил одежду майора, убирал комнаты. На это уходило около двух часов, остальное время, как и говорил майор, ловил мух. Когда мне было скучно, брал бинокль майора и наблюдал из окна за жизнью хижины поверженного генерала, а если честно, следил за шалостями и проказами его дочерей, которые скучали в пять

раз более меня. Однажды во время этого занятия меня застал майор. Я не заметил, как он вошел в дом, потому что был поглощен озорством двух девушек, которое дошло до предела: сначала они громко смеясь обливали друг друга, затем, сняв насквозь мокрые платья, совершенно голые, выжимали их. Я лежал тяжело дыша, у меня, деревенского парня, в жизни не видевшего обнаженных девушек, сильно билось сердце, как вдруг:

– Ты, что делаешь? – От этого властного голоса я вздрогнул и вскочил с места.

– Ничего, товарищ ... майор!

– А ну, дай сюда бинокль! – приказал майор. Какое-то мгновение он неподвижно смотрел в бинокль на хижину генерала и вдруг впал в мое состояние.

– Вот негодницы, – сказал он, с трудом оторвав глаза от бинокля. – Смотри, какая изящная, тонкая талия. Прелесть! Особенно старшая. Словно ... телка, жаждущая бычка. Похоже, что без мужчины погибает. Я вчера узнал у приятеля, работающего в «СМЕРШЕ», что человек, которого мы считали генералом, на самом деле контр-адмирал, геройски участвовавший в морских боях и разгромивший американский флот в 1941 году. Жена его умерла. Живет он с двумя дочерьми. Старшую зовут Чикосан, а того маленького чертенка – Морико. Говорят, что муж Чикосан был камикадзе. Ты знаешь, что означает слово камикадзе? Так называли императорских летчиков, которые сами себя обрекали на смерть. Они на самолетах врзались в американские военные корабли и погибали... О, господи!

Майор, глубоко вздохнув, покружил по маленькой комнате, и вдруг неожиданно его темные глаза игриво сверкнули.

– Слушай меня, приятель, – сказал он тяжело дыша. – Не попробовывать ли нам вскружить им головы. Младшая еще

мала. Если сможешь соблазнить ее, можешь поразвлечься. Но старшая – моя. Что скажешь?

Я вспомнил о толках офицеров в штабе: «Связи русских офицеров с японскими девушками и молодыми женщинами строго запрещены. Кто попадется, за это жестоко наказывают!»

– Э, – сказал майор, нетерпеливо махнув рукой. Волков бояться – в лес не ходить! Господь бог поставил перед нами такие бесценные лакомства, и мы, даже не попробовав их, умрем?! – воскликнул майор и неожиданно спросил:

– Что у тебя есть из продуктов?

– Все! Вы же кроме спирта ничего не употребляете, товарищ майор!

– Тогда сделай так! – перебил он. – Найди одну коробку! Положи туда пару банок сгущенного молока, пару пакетов галетного печенья. Они до смерти любят его! Положи еще пару палок колбасы! А я пока напишу письмо.

– Они же не знают языка, как я объясню им?

– Растяпа. Столько живешь, и не видел? У сестер есть крохотный русско–японский словарь. Он постоянно с ними. Иди, выполняй приказ!

Спустившись в подвал, я нашел картонную коробку и наполнил ее всякими лакомствами. Мой начальник, волнуясь, нетерпеливо ждал меня.

– Прочитай! – сказал он – У меня от тебя секретов нет!

Письмо майора состояло всего из нескольких строчек.

«Чикосан! Я тебя люблю! Очень–очень люблю! Жду вечером, когда стемнеет. Если не придешь, я умру. Крепко обнимаю, майор Миша Ногов».

– Ну как, хорошо?

Майор весело расхохотался. – Знаю из опыта: ни одна молодая женщина не устоит перед таким посланием! Что ты понимаешь в этих делах, молокосос? Ты, вообще, хоть однажды

целовался? – майор опять громко захохотал, поглаживая свои тоненькие усики. – Теперь вот что сделай, приятель! Спрячь коробку под дерево и знаками позови того маленького чертенка.

– А если увидит генерал?

– А что он может сделать. Ну, увидит и что? Пусть гордится этот старый обшипанный петух, что русский офицер без памяти влюбился в японку. Эта хитрая плутовка должна стать почтальоном между мной и сестрой. Если ты ее уговоришь – очень хорошо! А если нет, выгоню из штаба. Будешь ходить на службу, с утра до вечера ползать по земле! Иди, боец, выполняй приказ! Вон, как будто чувствует, вышла во двор, поливает ели. Я сосватаю ее тебе!

Действительно, маленькая Мориико, босая, в нижнем белье, с оголенными руками, в коротких трусиках, длинным шлангом поливала деревья.

Я, простой паренек, по правде сказать, в жизни не общавшийся с девушками, трепеща вышел во двор. Положив коробку с нашей стороны под арчу, знаками подозвал Мориико. Я думал, что она испугается и убежит. Но Мориико, отбросив шланг, вприпрыжку подбежала ко мне (сестры давно ждали от нас знаков внимания). Она так близко подошла ко мне, что я почувствовал ее легкое дыхание. Грудь ее торчали, как спелые хандаляшки¹, и случайно коснувшись меня, зажгли огонь в моей душе. Её слегка раскосые глаза смеялись и блестели золотыми искорками на солнце.

– Это тебе, – сказал я, открыв коробку.

Мориико хихикнула.

– О-о, это очень много, – сказала она, произнося русские слова с японским акцентом. Её смех, произношение, коверканье слов, напоминающее лепет младенца, были милы.

¹Хандаляк – сорт скороспелой маленькой дыни, имеющей круглую форму.

– А это сестре Чико! – сказал я и протянул письмо майора. – Хочешь, можешь прочитать. Не секрет!

Морики, взяв письмо, пробежала его глазами:

– Я сейчас, сейчас, – сказала она, стремглав кинувшись в сторону своего двора.

Действительно, я не ошибся, сестры давно ждали от нас знаков внимания. Майор, открыв окно, нетерпеливо спросил:

– Ну, что там?

Я невольно рассмеялся.

– Не торопитесь, дело спорится. Пошла переговорить с сестрой!

Морики через несколько мгновений вернулась, прижимая к груди русско-японский разговорник. Ее лицо светилось по-детски озорно и весело.

– Сестра согласна, – сказала она, то глядя на меня, то подыскивая слова в разговорнике. – Только не сегодня, потом, завтра.

– Почему?

– Потому что... – она опять стала листать словарик. – Потому, что если девушка сразу согласится... будет стыдно! – она, как ребенок, весело засмеялась, с легкостью подняла коробку, помчалась к своему двору и молниеносно скрылась за дверью.

Обрадовавшись, я побежал к майору. Выслушав меня, он рассвирепел.

– Почему не сегодня, почему завтра? Боец, ты не смог хорошо выполнить приказ! Иди заново поговори, приятель. Вон младшая снова вышла поливать. Скажи ей, объясни! Скажи, если сегодня не придет, мой командир умрет!

На этот раз Морики уныло ответила.

– Хорошо, я объясню сестре! – она с неохотой пошла в дом, но через какое-то время, улыбаясь, вернулась.

– Хорошо, если капитан умирает... Сестра сказала, что пусть не умирает бедненький, выйду, –Морики, хихикнув, хотела скрыться, но я быстро схватил ее за оголенный локоть.

– Ты тоже приходи, Морики, придешь? – спросил я, задыхаясь от волнения. Не вырывая руки, она сказала со смешком:

– А что будем делать?

– Поговорим.

– И все?

– Если согласишься, если захочешь, я разок поцелую тебя! Морики, играя черными, как маслины, глазами, кокетливо промолвила:

– Нет, мне нельзя целоваться!

– Почему?

– Потому что... потому что я маленькая.

Она положила мне на плечи свои маленькие ладошки.

– Когда я буду как ты, мне можно будет целоваться.

Игриво расхохотавшись, она вырвала свои руки и убежала.

На этот раз майор остался доволен.

– Вот это другое дело, солдат! – сказал он и похлопал меня по плечу.

– А когда придет? Не назвала время?

– Зачем вам время? Как только стемнеет, она и придет. Потерпите немного!

– Иди, иди, занимайся своими делами. Дай храпака, к примеру. Дальше не твое дело!

И после таких усилий, не моё дело?! Я долго лежал, как лев в клетке, в комнате майора, прислушиваясь к шагам.

Уже стемнело, а Чико не было слышно. Чтобы отвлечься, я стал думать о Морики. Мои мысли были светлыми, как лучи солнца. Я был уверен, что если не сегодня, то на днях она обязательно придет. Если придет... что будет... что делать-а? – от этих вопросов тревожно трепетало сердце, бросало в дрожь.

В сладких грезах я крепко заснул. Утром меня разбудил майор, резко сдернув одеяло.

– Ты мой подчиненный, или я твоя прислуга? Уже полдень, бездельник, – майор стоял надо мной, по-детски улыбаясь.

– Товарищ майор, Чико сан приходила?

Майор, поглаживая усики, иронично усмехнулся

– Ишь, приходила ли?! Только сейчас ушла! Такая нежная, как шелк! Черт, ластится к рукам, словно кошечка! Нет! – взъерошив волосы, он покачал головой.

– Сколько я перевидал красавиц! наших русских марусек, хохлушек, полячек, немок. Только твоих узбечек не пробовал! – сказал он, по-моему, желая меня обрадовать – когда я служил в Ташкенте, я много раз пытался. Ни разу ничего не вышло! Наши маруськи со всеми встречаются: и с узбеками, и с грузинами. Но ваши девушки не попали в мои сети! Но, по-моему, и узбечек не сравнить с японками! Они совершенно другие... Ну, да ладно!

Майор внезапно смутился от своих слов и, громко кашлянув, приказал мне:

– Значит так, эта Чико сан не пьет спирт, черт бы её побрал! Нужно найти пару бутылок вина, друг! Ты сегодня не ходи в штаб, сразу беги на склад. Скажи завскладу, что от майора. Передай, чтобы хоть из – под земли нашел пару бутылок вина. Если не найдет, то получит пинок... вот сюда! – майор похлопал себя сзади и расхохотался – Боец, задание понятно, приятель?

– Понятно, товарищ майор!

– Если понятно... выполняй приказ! Убери дом. Может тебе удастся уломать младшую. Может, и она вечером придет. Если придет... будем свояками!

Майор в прекрасном расположении духа отправился в штаб. Я сразу схватил бинокль, но ни Чико, ни младшей не было видно.

При мысли о предстоящей встрече сердце мое тревожно сжималось. Я тщательно убрал дом, выгладил сначала одежду майора, а потом свою, наконец, взяв под мышку торбу, помчался на склад. Завсклад, близкий приятель майора, выслушав меня заворчал:

– У меня есть пара бутылок вина, припас для командира полка. Если он потребует, что я скажу?

Однако не отказал. Завернув бутылки в плотную бумагу, спросил:

– Твой начальник случайно не связался с какой-нибудь японской девушкой?

– Нет, ваш друг разве обратит внимание на японку? Вы же знаете, сколько у него друзей-приятелей. Каждый вечер собираются, кутят!

– Ты, парень, смотри за ним. Пусть глупостей не наделает. Есть приказ. Офицеры, спутавшиеся с японками... Не только майора, но и генерала выпрут из армии пинком под это место! – и завсклад так же, как и майор, похлопал себя сзади.

Слова завсклада не возымели никакого действия. В прекрасном настроении (выполнено второе боевое задание командира), со светлыми мыслями о Морики я, засунув бутылки в торбу, рысью помчался домой.

Морики во вчерашней легкой одежде, босая, поливала цветы под нашими окнами из дырявой посуды. Я с надеждой поспешно подбежал к ней.

– Морики, идем, зайди ко мне!

Морики, перестав поливать, посмотрела мне в глаза

– Что будем делать?

По ее губам пробежала кокетливо–лукавая улыбка.

– Поговорим.

– Какая польза от пустых разговоров?

– Есть толк, – ответил я, показав бутылки.

– Я не пью вино!– сказала Мориго.

– Мориго! Умоляю! Дорогая Мориго!

– Хорошо,– обворожительно улыбнулась она.– Если не будешь приставать, зайду. И, как экзотическая бабочка, вспорхнула и скрылась за нашей дверью.

Трепеща я вошел за ней.

От моей былой решимости и след простыл.

Мориго сидела на кровати в моей комнате, от былой ее игривости не осталось и следа. Ее черные раскосые глаза были наполнены какой-то глубокой печалью.

Я сел рядом.

– Что с тобой, Мориго?

– Это была моя комната, – она тяжело вздохнула. Вон те стены были украшены моими рисунками и собственноручной вышивкой.

– Зачем ты их унесла? – спросил я, и сам поежился от своего вопроса.

Мориго бросила быстрый взгляд, и на ее нежном лице появилось холодное, похожее на ненависть выражение.

– Почему я должна оставлять свои рисунки, вышивку, которую я с любовью вышивала, солдатам, унижающим нас, – сказала она с какой-то неожиданной яростью.

Опешив, я не знал, что ответить.

– Мориго, оставь эти разговоры...

– Подожди, – сказала она, слегка смягчившись. – В комнате напротив жила Чико со своим мужем, а в комнате, где живет твой начальник, жили отец (она произнесла отес) с моей покойной мамой. На окнах и дверях висели красивые шторы. Цветы в горшках, в комнатах были дорогие столы и кресла. Сейчас везде пусто.

Я обнял ее нежные, по-девичьи хрупкие плечи.

– Мы же солдаты, Мориго. А что есть у солдат. Лучше разреши разок поцеловать.

– Отпусти, – сказала она.

– Не отпущу! Один поцелуй!..

– Отпусти, – сказала она не шелохнувшись. – Я сильная, так и знай. Не веришь? Вот! – рванувшись, она выскользнула, как рыба, из моих объятий и по-детски рассмеялась. – Я была первой среди гимнасток в Порт-Артуре, так и знай. Не веришь?

– Верю, верю, Морико.

– Еще знай, что в конкурсе красавиц я заняла первое место. У меня есть диплом, – сказала она все с той же детской гордостью. – Вот смотри! – и она высоко подпрыгнула, едва не задев потолок. Затем грациозным движением перевернулась в воздухе и мгновенно оказалась передо мной. Она была похожа на милую, несравненной красоты девочку с горящими глазами и обворожительной улыбкой.

– Морико, ты еще получишь титул первой красавицы не только Порт-Артура, но и в конкурсе красавиц мира! Иди, садись!

– Постой, – сказала она. – Не давай воли рукам. Я сама тебя поцелую.

Наклонившись, она прикоснулась к моим губам своими пухлыми, нежными губами. Ее губы пахли медом и были вкуса сладкого галетного печенья. Мне показалось, что моя комната, да и не только комната, весь мир, наполнился каким-то волшебным светом. Забыв о просьбе девушки, я обнял ее тонкую, изогнутую, как прутик ивы, талию.

– Отпусти, солдат! – Морико тем же изящным движением рыбы выскользнула из моих объятий.

– До свидания, солдат! – она рассмеялась веселым детским смехом, и как удивительная бабочка, выпорхнула за дверь.

Застонав, я замер, у меня не было сил пошевелиться.

Около недели или десяти дней моя жизнь была наполне-

на волшебным светом, проказами, милыми проделками, медовым вкусом Морико, а для майора ночи превратились в праздник. Каждое утро, приходя ко мне, он поглаживал усы и повторял одну и ту же фразу:

– Нет, никто не сравнится с этими японками! Я очень много видел красоток, но таких не встречал! – И каждый день задавал мне один вопрос:

– Ну, как твои дела?

– Неплохо, товарищ майор!

– Перешел дальше поцелуев?

– Нет, товарищ майор.

– Тряпка!! – усмехался он, натягивая мне пилотку на глаза – Так тебе и надо, растяпа!

К сожалению, эти сказочные дни, озарившие мир чудесным светом, неожиданно закончились. Закончились внезапно, как гром среди ясного неба, как ливень среди погожего летнего дня. Генерал, по – видимому, все узнал и запер дочерей. Злой, обросший, в лохмотьях, он временами появлялся и в полном одиночестве кружил по двору, как сумасшедший, бросая ненавидящие взгляды в нашу сторону.

Майор терпел день, терпел другой, а на третий – пришел навеселе, почернев от тоски.

– Что делает этот сумасшедший старик? – спросил он, взяв в руки бинокль. – Он что, запер их в подвале? Если он сегодня их не выпустит... Вечером я этого негодяя расстреляю! – злился майор и внезапно воскликнул:

– Ого-ого, куда направляется этот безумный старик, еще и генеральскую форму надел! Кто разрешил ему?

В ту же секунду из-за густых деревьев, стройным рядом закрывавших убогую генеральскую хижину, появился сам генерал, почесывая востановленную бороду. Он действительно был в генеральском кителе, в фуражке, с прикрепленным к

ней японским гербом, и сверкающих сапогах. Насупившись, не глядя в нашу сторону, до смешного гордо задрав голову, он прошел мимо наших дверей.

Ударив меня по плечу, майор сказал:

– Беги, возьми топор! Если он закрыл подвал... Освободи девушек, даже если придется сломать замок.

– Сначала сделаю разведку! – решил я и пошел к дому генерала. Ломать замок не пришлось. Едва я приблизился, из дома стремительно выскочила Морико, схватила меня за руку и нырнула в густые заросли арчи справа.

– Идем быстрее, пока не вернулся отец!

Ветки арчи больно царапали мое лицо. Мы остановились на ровной, как ладонь, полянке. Солнце уже село, но еще было светло, с моря дул легкий ветерок. За это время Морико слегка осунулась, она всхлипывала и тяжело дышала.

– Мы сегодня будем прощаться (будем делать прошай-прошай), – сказала она.

– Что случилось? Почему вдруг будем делать «прошай-прошай»? Где твоя сестра Чико?

– Чико сейчас пойдет к твоему командиру. Пойдет на одну минуту. Пойдет делать прошай-прошай, – Морико, размазывая слезы по лицу, рассказала что произошло. По ее словам, генерал все узнал.

«Вы, дочери генерала, опозорили честь собственного отца, встречаетесь с офицерами – врагами. Какой позор, лучше убейте своего отца, растопчите меня! Я не вынесу такого позора, я пойду к русскому начальству, расскажу все, что случилось, я их выгоню из армии. Я знаю, что русским офицерам строго запрещено встречаться с японскими девушками!»

Крича, причитая, генерал стал надевать свой генеральский мундир.

Тогда Чико тоже стала кричать.

– Отец, если вы так поступите, я сегодня же вечером повешусь, – вопила она. После этого отец и дети обнявшись долго плакали, сестры пообещали, что больше не будут встречаться с русскими офицерами. После этого разговора генерал пошел в японское представительство и попросил поскорее отправить их на родину. Утром поездом они поедут в большой порт под названием Дальний. Там сядут на пароход для японских служащих и уедут к себе на родину в Японию.

– Сейчас мы будем с тобой прощаться... будем делать прощай–прощай.

Морики, глубоко вздохнув, бросилась в мои объятия и прижалась мокрым от слез личиком к моему лицу.

– Целуй! Умоляю!– шептала она. – Сколько хочешь целуй!

Ее нежные губы, имевшие прежде вкус галетного печенья, были солеными от слез. У меня судорожно сжалось горло.

– Погладь – сказала Морики и, прижав к своей груди мою правую руку, застонала. Ее маленькие груди были тверже и нежнее острых хандаляшек. Как только я прикоснулся к ней, она, словно пробудившись ото сна, широко раскрыла глаза и нежно выскользнула из моих объятий.

– У вас! ... не по-русски, а на вашем языке, как называют любимого, очень-очень любимого? – спросила она, трепеща.

– Жоним, жонгинам, говорят, Морики.

– Морики скрылась за деревьями, и оттуда послышался смешанный с рыданиями голос.

– До свиданья, жоним, жонгинам!

Вероятно, Чико тоже уже приходила, так как майор сидел насупившись в своей комнате в деревянном кресле. Перед ним стояла бутылка спирта и буханка черного хлеба. Почувствовав, что я вошел, он открыл свои мутные глаза.

– Так, приятель!– сказал он, пьяно уставившись на меня.

– Они отправятся утром на рассвете. Ты приготовь два буке-

та из цветов, которые растут под нашими окнами. Завтра мы проводим их.

– Как же, товарищ майор? Ведь вы же известный офицер, начальник штаба?!

Майор ударил кулаком по столу. Подпрыгнув, как лягушки, бутылка со спиртом и буханка черного хлеба упали на пол.

– Какое твое дело, что будет со мной, мелюзга?! Иди, выполняй приказ!

Вокзал находился недалеко от нашего дома, всего за версту. Еще были сумерки, когда майор разбудил меня. Возможно, Морико с родственниками уже ушли. Перрон был пуст, скорее всего, из-за строжайшего запрета провозить японцев. Но вагоны были полны людьми, оставляющими Порт–Артур. Всюду кричали дети, плакали женщины. Морико с родными расположились в третьем или четвертом вагоне. Генерала не было видно, сестры, в надежде попрощаться с нами, стояли у окна. Завидев нас, они просветлели и опустили окно. Чико рыдала, пряча лицо в букете цветов. А Морико... Морико, ну не ребенок ли, с глазами полными слез смеялась. Мы не успели сказать друг другу ни слова, паровоз, издав долгий гудок, тронулся с места.

Чико все еще плакала. Морико, вытерев глаза, помахала рукой.

– Ты говорил, у вас влюбленные как называют друг друга?

– крикнула Морико.

– Жоним, жонгинам, говорят, Морико.

– Жоним! – прокричала она. Прощай, прощай, прощай, жоним!

Исчез из вида последний вагон. Мы молча шли по опустевшему перрону.

В конце перрона нас окликнул строгий и грубый голос:

– Майор!

К нам торопливо приближались подполковник высокого роста с двумя маленькими офицерами, подойдя к нам, они окружили нас.

– Ты, солдат, – сказал подполковник – возвращайся в полк, понял? А вы, майор (он не сказал товарищ, только майор), пройдемте с нами

Майор, насмешливо выпятив грудь, отдавая честь, сказал:
– Есть, пройти с вами!

Подполковник и два офицера куда-то повели майора. Я вернулся не в полк, а в дом майора. Майор пришел, когда уже стемнело, пьяный и без пагонов.

– Так, приятель, – сказал он, похлопав меня по плечу. – Утром пойдешь в свой полк, будешь служить в третьем батальоне девятой роты. Я сказал командиру батальона, что ты хороший парень, грамотный, что у тебя хороший почерк. Может быть, возьмет в штаб батальона.

– А вы? – спросил я, – Что будет с вами?

Он беззаботно рассмеялся, тряхнув головой.

– Со мной?! Ни четыре года войны, ни мои геройские подвиги, ни мои пленные, которых я тащил на плечах из немецких окопов через колючую проволоку... Ничего не приняли во внимание! Меня выгнали из армии. Поразительно! Выгнали за мою любовь, – нервно засмеялся он – что теперь я буду делать? Уеду на Дальний Восток, или наймусь матросом на какое-нибудь торговое судно, или буду работать кочегаром на судне, но уеду в Японию. Найду Чико. Может быть, умру в той стороне. Ну, все, иди спать, я очень устал, приятель.

* * *

Мы встретились в красивом фойе гостиницы «Интерконтиненталь». Было многолюдно. Фойе превратилось в рабочее

место многих предпринимателей, приехавших из-за границы. Как только я вошел, сразу же обратил внимание на супружескую пару с мороженым. Возраст японцев трудно определить. Пожилые люди часто выглядят молодо. Иссиня черные волосы мистера миллионера, еще не тронутые сединой, блестели на солнце, сам он выглядел респектабельно: в очках в золотой оправе, в черном дорогом костюме.

А дама... выглядела странно из-за того, что посередине пробора ее коротко остриженных серых волос выделялась прядь ярко-рыжего цвета, зачесанная на затылок. Она умело пользовалась косметикой, поэтому лицо ее было гладким, без единой морщинки. Одета была просто, только на правой руке сверкали рубиновое кольцо и браслет.

«Это та Морико, или другая красавица?»

Когда я приблизился, мадам встала и протянула нежную белую руку (маленькая ладонь маленькой Морико)

– Господин такой-то?

Я кивнул головой.

– Пожалуйста, садитесь, – сказала дама.

Она неплохо говорила по-русски, только произношение было все тем же, до боли знакомым и милым.

Когда я сиделся, господин, сказав что-то даме, встал с места.

«У моего мужа много работы, он извиняется перед вами», – сказала дама.

Мы остались одни. Я с трудом узнавал в даме еще не забытую мною красивую девочку. Ее раскосые черные глаза по-прежнему блестели, только в зрачках уже не было солнечных бликов.

Разговор не клеился, мы оба чувствовали себя неловко. Я нарушил молчание и спросил о Чико. Дама тяжело вздохнула.

– Чико умерла в прошлом году. Она так и не вышла боль-

ше замуж. Десять-пятнадцать лет назад умер генерал.

Я спросил о майоре, не приезжал ли, спросил и сам смутился.

– Майор? – нахмурив брови, спросила дама и засмеялась. – Руси капитан. Хороший был человек.

– Он хотел ехать, отыскать Чико.

Дама грустно улыбнулась.

– Юношеские мечты! Сказка!

В моей голове невольно промелькнула мысль «Зачем ты приехала, зачем тебе нужно было беречь чистые, как родник, воспоминания?»

Дама, словно догадавшись о моих мыслях, глубоко вздохнула и улыбнулась. В этот момент она стала похожа на ту Морику, которую я знал в тяжелое солдатское время, и мне стало не по себе. Кто знает, может, и ее тревожили эти воспоминания, и она приехала ко мне. Видимо, эти искренние, трепетные и неповторимые чувства тоже не давали ей покоя. Виногато склонив голову, я пригласил супругов в гости. Мадам Морику поблагодарила меня по этикету японских женщин, попросив прощения, она сказала, что они с мужем едут в Самарканд, затем в Бухару. Договорились по возвращению созвониться. Но ни они, ни я так и не позвонили...

У одного из моих любимых писателей Чехова есть рассказ «Дом с мезонином». Герой, если я не ошибаюсь, молодой студент, приехал на летние каникулы на дачу к своим дальним родственникам. У родственников было две дочери. Старшая Лида очень красивая, но несчастная старая дева, не сумевшая выйти замуж. Молодой человек полюбил младшую Мисюсю. Но старшая сестра разрушила их счастье, в одну ночь разрушила счастье влюбленных...

И я, подобно чеховскому герою, в конце своей истории с горечью восклицаю: «Где ты, Морико!»

МУХАММАД АЛИ

(род. 1942 году)

ЛЕПЕШКА

Как обычно старуха Жаннат проснулась еще до рассвета. Совершив ритуальное омовение, вошла в дом и посмотрела на центральную стену. Между двумя нишами на гвозде висела надкушенная с краю лепешка. Старуха, с облегчением вздохнув, разложила молитвенный коврик и начала читать утреннюю молитву. Затем, сгорбившись, поспешила к небольшой супе¹ рядом с калиткой. А вдруг возвратится ее сын Турсунбай, ушедший на войну и без вести пропавший пятьдесят лет назад, она должна встретить его у двери. Вчера не пришел, она сидела до сумерек. Может, сегодня придет...

С ней поздоровался проходивший по улице человек:

– Здравствуйте, матушка! Как вы?

– Приедет, сынок, приедет. Даст Бог, сегодня – завтра... – сказала она, подумав, что ее спрашивают о сыне.

Жаннатой² немало повидала на своем веку. Её муж, известный пекарь Мирзахамдам ака³, был оклеветан и расстрелян как «враг народа» в 37 году. Несмотря на это, незадолго

¹Супа – глиняное возвышение во дворе, на котором обычно отдыхают.

²Ой – прибавляется к имени собственному при почтительном или ласковом обращении к молодой женщине, девушке.

³Ака – прибавляется к мужским именам при почтительном обращении к старшим.

до войны она сумела достойно выдать замуж обеих дочерей, одну за другой. Обе, Слава Богу, попали в хорошие руки. В год перед самой войной Жаннатой женила своего единственного ненаглядного сына Турсунбойжона¹, который казался ей самым красивым юношей в мире. Такова судьба, огорчив многочисленных сватов, она сумела женить его на очень красивой девушке Чаманой, дочери своей подруги детства Рухсораби. Да, она была первой красавицей кишлака. Свадьба была пышной. Как красиво звучали свадебные песни! До сих пор все вспоминают.

Не прошло и полгода, пришла страшная беда, весть о начале войны. Турсунбаю, как и многим, принесли из военкомата повестку на фронт. Жаннатой тогда рыдала и громко причитала. Чаманой тоже всхлипывала, едва сдерживая слезы. Отовсюду слышались горестные причитания, у всех кто-то уходил на фронт.

– Ну, хватит, мам... – утешал мать Турсунбай, впервые он назвал её «мама». – С вами остаётся невестка. Рядом сёстры. Война закончится быстро, и я вернусь. Вернусь...

Жаннатой жадно глядела в грустные мальчишечьи глаза, на едва пробивающиеся усы сына. Затем повернулась к Чаманой:

– Невестка! Принесите, моя хорошая, одну из молочных лепёшек, которые вы испекли специально для своего супруга.

Красивые глаза невестки покраснели от слез, потупив взор, она передала свекрови одну из лепёшек, запах масляного патыра² заполнил всё вокруг.

¹Бой – прибавляется к мужским именам, придавая оттенок уважения; Жон – употребляется как приставка к именам собственным для выражения уважения и ласки.

²Патыр – тонкая лепёшка, сделанная из пресного теста на молоке с салом.

Жаннатой, поцеловав лепёшку, приложила ее к глазам и сказала:

– Сыночек, откуси от этой лепешки...

– Я сыт, мам... – улыбнувшись, сказал Турсунбай. – Я же только что поел.

– Нет, мой хороший, откуси кусочек, говорю тебе... – не отставала Жаннатой.

Турсунбай надкусил лепёшку.

– Теперь, сынок, это твоя доля.... Твоя доля.... Это традиция наших предков. Так поступают те, кто отправляется в далекое путешествие, чтобы вернуться живым и здоровым, понял? Да... доля – великое дело. Лепёшку я повешу на стену. Доля твоя, вот увидишь, потянет тебя. А когда вернешься, Бог даст, доешь остальное...

* * *

От Турсунбая пришло единственное письмо, в котором было написано: «Завтра у нас бой за Сталинград»...

После войны в родной кишлак вернулись многие.

От Турсунбая вестей больше не было...

В томительном ожидании, как миг, прошло десять лет.

Жаннат биби¹, скучая по Турсунбаю, все чаще, входя в дом, поглядывала на патыр на стене. Лепёшка напоминала, как ей казалось, лицо ее сыночка.

Чаманой не заводила разговора о возвращении Турсунбая, о том будет ли она его ждать, ей и в голову это не приходило. Встав утром, она спешно завтракала и бежала в поле. Возвратившись, занималась домашними делами. Работа спорилась в ее руках, на радость Жаннат биби. Вот такие дела...

¹ Биби – прибавляется к женским именам собственным при почтительном обращении.

Тайком наблюдая за невесткой, Жаннат биби замечала, как она постепенно увядает, и сердце её больно щемило. Разлука с сыном одна беда, а тоска бедной невестки – другая... Наконец, однажды, когда Чаманой вернулась с поля, она посадила её рядом и без обиняков выпалила:

– Доченька, дорогая доченька... Называть невестка не хочется, как будто к чужой обращаюсь, моя хорошая. Доченька, родненькая... Все происходит по воле божьей. У моего сына есть доля, он вернется. Вон лепешка висит, которую он надкусил. Но вернется, когда Богу будет угодно. Что делать. Не думала я, что его так долго не будет! Теперь... Но я Бога боюсь, совсем ты увянешь, страдая, деточка. Ты все-таки молодая... Теперь я должна отпустить тебя... Мама будет ждать, невестка так долго ждать не может.

– Ой, что вы говорите, матушка!... Матушка! Моя матушка!! Как я вас брошу?...

Чаманой с плачем бросилась к Жаннат биби и спрятала заплаканное лицо на груди свекрови, беззвучно горько рыдая. Слезы Жаннат биби тоже лились на дрожащие хрупкие плечи невестки. И никто не смог бы утешить двух несчастных беззащитных женщин...

Дочери Жаннат биби, посоветовавшись, решили забрать одинокую мать к себе. Старшая дочь Угилой заикнулась об этом, но получила отказ:

– Нет, дети мои. Я никогда не уйду, не оставлю Турсунбая! Как я его брошу. Вот вернется сын, передам ему дом. Потом, что скажете – то и будет.

Словом, дочери не смогли уговорить мать и решили по очереди навещать её. По правде сказать, жили они поблизости. Дочери поручили одной из внучек каждый день навещать бабушку.

Прошли годы.

Угилой, сегодня мне приснился мой Турсунбай, – сказала однажды старушка Жаннат. – Будто бы он вернулся, молчит. Может... обиделся, увидев свой дом... мол, запущен совсем. Деточка, побели мой дом, моя хорошая. По-моему, он сегодня–завтра вернется–а.

– Хорошо, мама! – громко ответила Угилой, у матери в последнее время стало туго со слухом.

– Принеси–ка мне лепёшку моего Турсунбая. Положу осторожно. Когда побелите, обратно повесишь. Только осторожно! Хорошо?

Угилой бережно сняла с гвоздя лепешку, которая за тридцать лет превратилась в камень, и вышла. Сдунув пыль, поцеловав, она приложила ее к глазам и осторожно передала матери. Старушка Жаннат долго смотрела на лепешку, ей казалось, что она видит сына. Через неделю лепешку снова повесили на прежнее место.

В те дни учащиеся и учителя кишлячной школы решили установить памятник бойцам, погибшим на войне. Послали человека пригласить старушку Жаннат, мать Турсунбая, на праздник, посвященный открытию памятника.

– Вот, я же говорила! Что придет весточка от сына! – обрадовалась мать, важно садясь в машину зятя. – Езжай, сынок, быстрее!

В школьном саду была установлена мраморная плита в человеческий рост, на которой позолоченными буквами были написаны имена более двадцати погибших бойцов. Старушка Жаннат сослепу имя Турсунбая не различила.

Затихли звуки траурной музыки.

– Дорогие друзья, – громким голосом начал открытие памятника директор школы. – Сколько славных парней из на-

шего кишлака осталось лежать на чужбине. Этот памятник – светлая память сынам, отдавшим свою жизнь Родине...

Старушка Жаннат не слышала этих слов. Она думала о сыне, который со дня на день должен вернуться. Уходил он восемнадцатилетним юношей с едва пробившимися усами. Сейчас, наверно, стал взрослым мужчиной. Может, он уже вернулся? А она здесь!

Старушка Жаннат поспешила домой. Пришла и с порога кинулась взглянуть на лепешку. Лепешка по-прежнему висела на своем месте, печально дожидаясь своего хозяина.

– Ничего не говоришь–а, моя хорошая. Хвала твоему терпению! – с упреком обратилась старушка Жаннат к лепешке. – Знаю, тяжела твоя участь Ты же доля Турсунбая. Ты же ждешь...

Прошло пять лет.

Потом пролетело еще пять...

Всем, проходившим мимо дома, была хорошо известна сгорбленная старушка, сидевшая на супе с утра до вечера и ожидающая своего сына. Громко, чтобы старушка расслышала, они здоровались:

– Здравствуйте–е–е, матушка! Как вы?

Старушка, не различая прохожих, отвечала одинаково всем:

– Да, вот, жду, мои хорошие... Сегодня–завтра вернется мой сын, даст Бог, сегодня–завтра...

А спустя какое-то время старушка Жаннат ранним утром как обычно хотела выйти к супе, но тихонько умерла сидя. В последние минуты она лишь успела прошептать: «Лепешка...», «Лешка...»

– Хорошо, хорошо, дорогая матушка! Лепешка останется на месте-е-е! Будет ждать Турсунбая-я-я!.. – закричала Угиллой, бросившись к исхудавшей, ставшей совсем маленькой

матери. – Пропади ты пропадом, проклятая война, о Боже! Эх, бедная моя мама–а! Какая у меня была мама–а!.. Была–а!... Скорбь по сыну извела маму–у!

... Угилой с опухшими от слез глазами за чем-то вошла в дом. Она невольно взглянула на стену между двумя нишами, взглянула... и вскрикнула!

Столько лет... Неподвижно висящей лепешки на месте не было! Она упала, расколовшись на мелкие кусочки...

ЗВЕЗДА АЛТАИРА

Удивительно, за несколько мгновений правитель Мавераннахра, обладатель титулов «его светлейшество», «царь царей семи частей земли» и других Мирзо Улугбек спустился со ступенек древнего Кок – Сарая, почувствовав заметное облегчение. Слава Богу! Он больше не падишах самого большого величественного султаната, на его плечах не лежат заботы огромной страны... Он обычный, такой же, как все, человек, раб божий, мударрис¹, обыкновенный чиновник обсерватории Кохака.

Мирзо Улугбек не знал, куда податься. Он, легкий, как пылинка, парил между небом и землей в кромешной темноте неба родного Самарканда. Удивительно, ни одной звезды!..

...Вельможи, приехавшие поздравить Мирзо Абдуллатифа, вступившего на престол государства Мавераннахр, заполнили Кок – Сарай, присоединяясь к роскошному пиршеству. Мирзо Улугбек чувствовал себя неуютно, стоя у дверей Кок – Сарая в разгар веселья, начавшегося с вечера, во всепогло-

¹Мударрис – преподаватель медресе.

щающем гуле пира. Вместе со своим младшим сыном Мирзо Абдулазизом они преклонили колени на самом пороге комнаты, у двери. Амирзода¹ внезапно куда-то исчез, его кто-то вызвал. Мирзо Улугбек, сидя, наблюдал за происходящим, еще раз отдавая должное хитрецам, так хорошо постигшим это изменчивое время. Только вчера эти особы, целуя ноги Мирзо Улугбека, мечтали прикоснуться к краю его халата, теперь, подобно мотылькам, выются вокруг другого! Сейчас они словно не узнают внука Сахибкирона Амира Темура, сорок лет просидевшего на троне султаната. О боже!

Мирзо Улугбеку казалось, что широкая просторная комната сузилась, стала тесной. Отчего-то ему вспомнился трактат Шейха Фариддина Аттора, который он с упоением читал в отрочестве. В нём шейх этот мир сравнил с колодецем. Действительно, мир – колодец, но колодец высохший... И он чувствовал себя так, будто упал в этот колодец.

На самом почетном месте восседал Мирзо Абдуллатиф, довольный, радуясь подарку судьбы, и ему не было никакого дела до того, что его великий отец остался у порога. Пристально глядя на юношу, надевшего на голову корону из сапфиров, Мирзо Улугбек с горечью подумал, неужели он мой потомок. Неужели?.. В этот миг султан вспомнил откровенные беседы со своим учеником Али Кушчи, когда они ночами наблюдали в обсерватории за звездой Алтаира:

– Мавлоно Али, Вы как сын мне, может еще ближе! Я благодарю Всевышнего за то, что он мне даровал такого ученика как Вы, мой родной, Вы, словно любимый сын!

– Спасибо, учитель! Чрезвычайно обязан вам, ваш покорный слуга!

– Дети... О, господи! Что за умысел был у тебя, о детях...

¹Амирзода – царевич

Нет, нет, спасибо, что есть дети! Ну-ка, пусть попробует человек сам создать хоть волосок или ноготок своего потомства! Всевышний тоже не всем дает детей! Но почему мои дети так не дружны между собой – а?.. Почему? Почему они не догадываются об отцовских желаниях и даже не пытаются узнать, что у него в душе? В конце концов, отец же единственный! Почему дети заставляют страдать, гореть в аду души своих отцов? Только потому, что это отцы? Только потому, что он открыл им путь в этот светлый мир?.. Эх, человек не безгрешен!

– Помилуйте, учитель, – сказал Али Кушчи. – Может, Ваше светлейшество, Вы зря так печалитесь, и на самом деле все не так уж плохо, может, нет оснований печалиться! Нужно благодарить...

– Я благодарю, несомненно, мой сын, благодарю! – хриплым голосом отвечал Мирзо Улугбек – Благодарю Всевышнего за все созданное! Но дети... Я не говорю, что дети плохие. Какой отец скажет, что его родной ребенок плох? Но я хотел бы, чтобы они выросли властителями, поддерживающими народ и способными на великие дела для страны! Я бы хотел, чтобы они стали мудрыми сыновьями своего народа, чтившими своего отца, не пренебрегающими его словом, ценили своего отца! О, господи! Почему моим мечтам не суждено сбыться? Почему? Ох!..

– О чем Вы говорите в такой счастливый день? – послышался чей-то грубый голос. – Почему в радостные дни печаль, вздохи – ахи?..

Задумавшийся Мирзо Улугбек увидел двух людей, пристально смотревших на него. Он огляделся широко открытыми глазами. Выкрики стали громче:

– Пусть будет непоколебим султанат под предводительством Мирзо Абдуллатифа!

– Пусть Аллах подарит ему долгие годы жизни!

– Пусть достигнет вершины величия как во времена Амира Темура!

– Пусть слава распространится на семь частей света!

Голоса стали несколько тише.

– Певец, где певец? – закричал захмелевший Мирзо Абдуллатиф. – Пусть поёт свою песню!..

В комнате зазвучала песня.

– Давненько Вы не произносили таких слов, такие слова – а, будто змея кожу сбросила! – сказал один из тех двоих Мирзо Улугбеку.

– Что скажет Султан Мавераннахра, если услышит? Вы хотите пострадать? Кажется, Вы не в своем уме... – прошептал второй.

– Ему дурно... Видно же... – вмешался в разговор третий. – Иначе он не произнес бы таких слов!..

Происходящее стало привлекать внимание присутствующих. Два поодаль стоящих эмира стремительно направились в их сторону.

– Пойдемте! – сказал один из них Мирзо Улугбеку, пытаюсь взять его под руку. – Ваше место не здесь...

– Вай? Я... Я...

– Не трогай беднягу! – приказал второй эмир. – Пусть идет, куда хочет.

Мирзо Улугбек увидел в глазах окружающих печаль, гнев, сожаление. Увидел и почувствовал себя абсолютно чужим здесь. Стоп, нужно незаметно и быстро уйти отсюда, пятясь назад подумал он... И неторопливо двинулся к выходу. Слава Богу, никто не попытался остановить его.

На улице было безлюдно. Уличные фонари светили так тускло, что едва можно было узнать прохожего. Временами эмирский ночной стражник – миршаб¹, играя колотушкой, покрикивал: «Эй, кто это? Смотри под ноги!»... Мирзо Улугбеку было все равно куда идти, куда угодно, только побыстрее уйти отсюда...

– Стой! Куда путь держишь? – грозно спросил миршаб, стоящий на углу улицы, приближающегося Мирзо Улугбека. – Что ты делаешь в столь поздний час?

Мирзо Улугбек, на секунду растерявшись, торопливо ответил первое, что пришло в голову:

– Я – приезжий, сынок...

Сказал, и как будто комок застрял в горле. Приезжий! В своем городе, в своем краю, в стране предков... Приезжий!

Миршаб поднес фонарь к лицу Мирзо Улугбека, внимательно осмотрел его и, кажется, поверив, что он приезжий, сказал:

– Говорят, что в городе ходят люди свергнутого Улугбека. По указу султана Мавераннахра, если такие встретятся, немедленно следует заключать их под стражу... Четверо арестованы. Ты, случайно, не обессудь, что спрашиваю, не из них, эй, долгих лет тебе?

– Нет же, сынок? Что говоришь? Где люди султана Улугбека, а где я! Я бедный человек... Иду с Шаша, пристанища у меня нет. Ищу приют себе, приют...

– Ты раньше не был в здешних райских местах? – немного смягчился миршаб. Мирзо Улугбек увидел, что ему лет трид-

¹Миршаб – начальник ночного дозора эмирской полиции.

цать – тридцать пять.– Так... ты хоть немного знаешь город, эй, долгих лет тебе?

– Нет... Никогда не был... – ответил Мирзо Улугбек.

– Никогда – а?

– Никогда. Я впервые в Самарканде...

– Э-э... Если не был в Самарканде, значит и не родился!

Итак, куда путь держим?

– Я шел в караван-сарай... Если подскажите путь...

– Пойдешь прямо, на перекрестке повернешь налево, не заблудись! Караван – сарай с левой стороны будет, эй, долгих лет тебе.

– Пусть все, что найдешь, будет золотом! – благословил его Мирзо Улугбек и, обрадовавшись, что легко отделался, продолжил путь.

– Сохрани Бог... – ответил миршаб, стуча колотушкой и выкрикивая. – Эй, кто тут? Смотри под ноги!..

Приближаясь к караван-сараяу, Улугбек почувствовал облегчение. Удивительно, но ноги его сами сюда невольно принесли, хотя, если подумать, ему больше и идти некуда. Весь мир и есть караван-сарай!..

Люди из двух караванов, пришедших с левой стороны, с Исфахана, и с правой, с Хотана, суетились, надеясь поскорее разместиться, ни на кого не обращая внимания. Собака не замечает хозяина. Неподалеку разговаривали двое мужчин в чекменях¹, кажется, кого-то поджидая. Их разговор отчетливо слышал Мирзо Улугбек, стоящий поодаль:

– Новости слышали? – спросил толстяк.

– Что вы имеете в виду, господин? – глянул на собеседника высокий мужчина.

¹Чекмень – верхняя одежда типа кафтана.

– В Самарканде смута, бек! Надо быстрее исчезать. Здесь нельзя долго оставаться. Страна беспокойна...

– Верно говорите. Город потерял привлекательность, все опустело...

– Уже тридцать лет я с караваном хожу из Хотана в Рум, – продолжал главный. – Это же Шелковый путь. Нигде я не видел такого спокойного и безопасного города. Всегда, придя в Самарканд, я отдыхал, восстанавливал силы и вновь отправлялся в путь. При самом упоминании о Самарканде у меня трепетало сердце. Достопочтенный отец еще во времена Сохибкирона Амира Темура ходил по этому пути. Я до сих пор все еще помню одну его байку. Во времена Амира Темура было так спокойно, что, если на голову мальчика положить лаган¹ с десятью золотыми, то ни один золотой не пропадет, даже если этот мальчик от Султании, ха-ха, Ирана дойдет до Самарканда! Вот, видите, бек!

– Да, были такие времена... Сейчас очень беспокойно. Быстрее нужно отправляться, господин! На сердце не спокойно!

– Перевести бы дух, передохнуть бы, один-два дня... Нам предстоит еще далекое путешествие.

– Лишь бы до зимы, до холодов, дойти до места.

– Несомненно! – в темноте невозможно было разглядеть их лица. – Даст Бог, до зимы, до холодов мы доберемся до Рума.

– Пусть сбудется, что говорите, господин! В самом деле, что давече прокричал глашатай падишаха? Я не расслышал, был занят караваном...

– Да-да... говорят, свергнут с престола султан Мавераннахра Улугбек Кураган. Вместо него стал падишахом его сын Мирзо Абдуллатиф. Вот так. Говорят, Мирзо Улугбек в бегах. Если какой-то караван попытается спрятать его у себя...

В это время слева сильно заржал один конь, второй при

¹ Лаган – большое блюдо с плоским дном.

соединился к нему. Мирзо Улугбек не услышал продолжения разговора.

– Поэтому нужно быть осмотрительным, господин! Пойдемте, проведем караван.

Сердце Мирзо Улугбека замерло. Эх, не услышал до конца – а! Но понял в чем дело. «Слава Аллаху...» – зашептал он слова благодарственной молитвы... Он действительно намеревался быстрее уйти из страны с каким-нибудь караваном и отправиться в хадж¹! Давно он мечтал посетить священную Мекку со светлой Мединой. Но и этого тебе не суждено, эй бедный Мухаммад!

* * *

Мирзо Улугбек незаметно отошел подальше. С опаской осмотрелся вокруг, боясь как бы кто-нибудь не узнал его и чувствуя, что ему необходимо где-то спрятаться для ночлега. Куда же идти, кому бить челом?..

Внезапно Мирзо Улугбек увидел справа сидящую в полумраке кучу людей. Посередине мерцала единственная свеча, вокруг, подобно мотылькам, столпились около тридцати мужчин. Оживленно беседуя, они ни на кого не обращали внимания, им было море по колено. Какие могут быть заботы у бездомного чужестранца без роду и племени? Сверху в тусклом свете фонаря хорошо видно каждого: кто-то, готовясь ко сну, делает из кирпичей подушку, кто-то сушит портянки, сняв сапоги, кто-то давно уже храпит... А здоровенный палван², собрав вокруг себя людей, устроил вечеринку, изредка негромко напевая: «Нам нет дела до мира, у нас на душе спокойно, у нас на душе спокойно – о – о!», при этом выполняя обязанности виночерпия: разливая по кругу вино.

¹Хадж – паломничество в Мекку.

²Палван – богатырь

Мирзо Улугбек на минуту остановился около этих беззаботных, беспечных людей. Палван почувствовал, что на них кто-то смотрит:

– Подходи, не думай! Мы открыты, душа наша чиста, эй, чужестранец! – крикнул он, прервав свое мурлыканье. – Подходи, чего стоишь, как столб?.. Хо-хо-хо, стоит неподвижно!.. Ой, ведите его сюда! Быстрее!

Все повернулись к Мирзо Улугбеку. В одно мгновение двое мужчин, резко встав с места и подхватив его под мышки, усадили в круг. Палван, налив ему вина, протянул чашу и уверенно сказал:

– Возьми вот это и осуши! Осуши.

– Я... Я... Я не пью вино, сынок... – стал отнекиваться гость.

– Ийэ-е-е?! Разве есть не пьющие люди? Хи-хи-хи – захихикал один из круга.

– Если будешь отказываться, насильно в рот вольем. Вот наше условие! – теперь голос палвана прозвучал грозно.

– Ха-ха, зальем! – вмешался кто-то в разговор. – И я, хи-хи, говорил, что не пью. И вот, повалили и залили в рот. А через некоторое время я сам попросил выпить! Хо-хо-хо!

Поднялся дружный хохот.

– Пей! – приказал палван...

– Нет, нет... Не смогу выпить.

– А ну, ребята! Покажите, как надо пить!

Двое мужчин тут же бросились к Улугбеку, готовые насильно залить в него вино. Желая их остановить, Мирзо Улугбек закричал: «Я сам ... я сам». Затем со словами, мол, пусть Бог меня простит, ведь он же видит моё положение, я выпью всю отраву, все страдания мира, взял в руки чашу. Зажмурив глаза, выпил. В кругу раздались восторженные крики. Мирзо Улугбек тут же почувствовал, как крепкое вино ударило в голову.

– Bravo! Э, молодец! – слышались слова одобрения.

–... Давайте, послушаем продолжение! Ведь так интересно! – обратился к палвану скрипучий голос. – И где же был Улугбек Тарагай? Кто его видел? Или никто не видел?

Глаза Мирзо Улугбека широко раскрылись. Он тут же вмешался в разговор, словно боялся, что его обнаружат и, желая отвлечь от себя внимание, спросил:

– А Улугбека Тарагая ... поймали?

– Не – е – ет! Пока нет, – ответил палван. – Но все равно поймают. Куда он убежит бедняга...

Бедняга! Совсем недавно в Кок – Сарае он был чужаком, на улице получил статус приезжего, а вот теперь ему досталась корона бедняги...

– Эй, голубчик, пускай чашу по кругу, – крикнул кто-то.

– Пусть движется чаша, словно месяц на небосклоне! – вмешался второй.

– Пусть кружит чаша, начиная с тебя, как вечное светило на небосклоне.

– Чаше наливай и пусть кружит!

Зазвучал веселый смех. Чашу с вином передавали по кругу.

Хмельной Мирзо Улугбек, осушив очередную чашу, протянул её палвану и сказал, стараясь угодить ему:

– Падишах... ты, оказывается, настоящий царь, а не падишах! Наливай, сын мой!

Количество захмелевших росло, круг становился все реже. У Мирзо Улугбека стала кружиться голова. Палван тоже захмелев, еле сидел покачиваясь. Он начал петь какую-то песню.

– Не касаются нас мирские дела, эй – ей – ей, наша душа спокойна, эй – ей – ей...

– Вино... крепкое... Не видеть тебе нужды, приятель... – Мирзо Улугбек похлопал палвана по плечу.

– Крепкое ... да – а – а...

– Ургутское вино!.. Да, ургутское! В нем всё блаженство мира. Ох, и опьянел же я... Теперь я лягу спать.

Теперь я лягу спать...

Буду храпом ночь коротать...

Палван, оборвав свое мурлыканье, причмокивая, стал готовиться ко сну.

– Я падишах... – сказал Мирзо Улугбек, неожиданно глянув на палвана. – Я падишах... падиша – а – ах!

... Да... все мы падишахи... – беспечно ухмыльнулся палван. – Только я большой падишах, а ты маленький! Понял?! Маленький падиша – а – ах! Хо – хо – хо!

Круг постепенно таял, многие ушли спать, другие отошли в сторону.

– Я скажу тебе... не смейся, сынок.

Мирзо Улугбек, прищутив глаза, посмотрел на собеседника, смотрит, а палван уснул сидя.

– Говорю, я падишах! – стал будить его Мирзо Улугбек. – Я падишах! Понял?

– Ладно... ладно – о – о. Ты падишах... – палван лениво открыл глаза. – Вчера тоже один падишах приходил.

Мирзо Улугбек с пьяным упрямством закричал на приятеля:

– Не смейся, говорю! Я – Улугбек Тарагай! Мирзо Улугбек, который сорок лет правил Туркестаном. Падишах, который написал «Новую астрономию Тарагая»... Понял?... Я...

Слова Мирзо Улугбека застряли в горле. Настало время теперь кричать палвану:

– Нет! Ты не Улугбек Тарагай! Ты Сохибкиран Амир Темура! Ты Чингизхан! Александр Македонский! Понял! А теперь иди, исчезни с моих глаз! Ты дашь мне спать или нет?.. Пошел прочь!

Сказав это, палван растянулся на земле и уснул.

Мирзо Улугбек огляделся по сторонам. Куда-то пропали люди, еще недавно копошащиеся у окон караван – сарая, не было слышно шума, гама. А приятели из круга лениво перебра- нивались, готовясь ко сну. Мирзо Улугбек почувствовал себя таким одиноким. В Самарканде нет ни одного близкого челове- ка. Великий отец султан, потомок Мухаммеда, Мирзо Шахрух покинул этот мир три года назад. Пусть его место будет в раю. А мать его, почтенная Гавхаршод бегим, в Герате, далеко...

– Мама! Мамочка! Если бы я был рядом с вами! Был бы рядом!

Он заплакал. Что делать теперь? О боже!..

Спустя некоторое время, он медленно встал и вышел нару- жу, но куда идти?! Лишь бы уйти подальше от этого караван – сарая. Сторож тоже заснул, и он незаметно вышел за ворота. На улице было безлюдно.

Подвыпивший Мирзо Улугбек внезапно пришел в себя, от хмеля не осталось и следа. Он внимательно огляделся. Ему казалось, что его преследовала какая-то тень, может быть, тот стражник, с которым он столкнулся на углу улицы, неизвест- но. Вон, будто слышался топот коней...

Он внезапно побежал! Чуть погода остановился и зажал уши руками. Затем прислушался.

Точно, наверное, начальник дозора, потом услышал голос: «Не убегайте! Не убегайте!» Он побежал ещё быстрее. Куда можно спрятаться? Если бы можно было вот так убежать от этого мира! Запыхавшись, он все бежал, неожиданно перед ним появился старый колодец. В голове мелькнула мысль – спрятаться в этот колодец, чтобы никто не нашел! Шейх Фа- риддин Актор тоже сравнивал мир с колодцем, да! Тот коло- дец, вот он...

Мирзо Улугбек поспешно стал спускаться в колодец. Он опустил на колени в давно высохшем колодце и тихонько прислушался... Вокруг безмолвие, лишь сверху виднелся кусочек неба. Удивительна жизнь, мир сейчас состоял только вот из этого кусочка неба. Неожиданно в небе над колодцем засияла во всем своем блеске одна звезда!

– Алтаир! – прошептал Мирзо Улугбек, прошептал и вздрогнул. – Ты пришла узнать о моем самочувствии? Эй, верный друг!

В этот момент со стороны звезды послышался голос:

– Учитель! Учитель... – Звезда звала?! Вдруг Мирзо Улугбеку захотелось зарыдать во весь голос. Звезда Алтаира не захотела оставлять Мирзо Улугбека одного в этом бездонном колодце, он наблюдал за ней не шелохнувшись.

– Учитель! Учитель... – молила звезда Алтаира...

– Господи, благословенный, даруй мне силы! – перестав плакать сказал сам себе Мирзо Улугбек. – Милость божья безгранична!...

– Учитель! Учитель...

– Да, да... Алтаир! Алтаир!

– Учитель! Учитель... – восклицал голос сверху. – Это я Али Кушчи.

– Да, да... Алтаир! Алтаир, превратившийся в Ал... Али Кушчи!

Мирзо Улугбек смотрел на кусочек неба, на сверкающую звезду, не видя больше ничего.

– Я не поспел за вами. Я искал вас повсюду. Слава Богу, нашел, учитель...

Действительно, голос был похож на голос Али Кушчи. Мирзо Улугбек, почему-то не совладав с собой, снова стал плакать. О, господи! Спасибо тебе, что не оставил своего раба в бездонном колодце!

– Поднимайтесь наверх, учитель!..– чувствовалось, что Али Кушчи еле сдерживается. – Учитель... Дайте руку, учитель...

Растроганный Мирзо Улугбек понял, что мир – это не только этот кусочек неба. Он стал выбираться из колодца, двигаясь в сторону звезды Алтаира.

– Осталось совсем немного, учитель! Совсем немного, – приговаривал Али Кушчи, подхватив своего учителя под мышки, ободряя его.

– Слава Богу, мир широк и безграничен, мавлоно¹ Али, – выбравшись из колодца сказал Мирзо Улугбек, жадно наблюдая за сверкающими в небе звездами. – Я определил местонахождение тысяча двадцати двух звезд! Они подают мне знаки, тоже просят определить им место. Я найду! Среди них я найду и свою звезду, найду без сомнения!

– Обязательно найдете, Учитель, – сказал Али Кушчи, с сыновней любовью обняв Мирзо Улугбека. – Ваша звезда засияет!..

В тот миг Мирзо Улугбек, любимый внук Амира Темура, султан, правивший Тураном сорок лет, даже не догадывался, что жить ему оставалось всего–навсего один день...

¹Мавлоно – ученый у мусульман.

ХАЙРИДДИН СУЛТОНОВ

(род. в 1956 г)

ТАЙНА МИРА

Вот... Воздуха, которого хватает четырем миллиардам человек на земле, мне не хватает...

Эти слова он сказал шутливо. Но Кундуз почувствовала в них нотки едва различимого скрытого сожаления...

В каморке читального зала, пахнущей сыростью и краской, было холодно. Юноша, запахнувшись в легкий плащ, сидел в кресле, равнодушно листая журнал. Всю неделю он приходит к открытию библиотеки, целый день читает, вечером, когда Кундуз начинает собираться домой, говорит «спасибо» и уходит.

Осень – мертвый сезон. В санатории почти никого нет. Библиотека пуста. Кундуз одна–одинешенька скучает в душевной комнате, разглядывая книги. Лишь бы рабочее время закончилось, и поскорей уйти... Господин молчун до вечера не произносит ни слова. Кундуз из курортной книжки знает, что он студент, зовут Музаффар, безразличие и равнодушие юноши задевают ее. Конечно, она не нуждается во внимании этого болезненного человека, наглухо укутанного в плащ. Месяц назад она вышла замуж и пребывает в опьяняющих объятиях новой для нее таинственной жизни. Каждый день утром, надев наряд молодой невестки, она отправляется на работу и сожалеет лишь о том, что в сырой узкой каморке, куда не заглядывает солнце, нет ни одной живой души, способной оценить

ее красоту. Чуть погода, вслед за ней приходит этот недотепа Музаффар, наспех здоровается и погружается в чтение.

Три дня назад она пыталась разговорить юношу. Хитрила: то какое-то время сидела молча, то специально что-то писала, чертила. Музаффар, прикрыв ладонью рот, глубоко зевал. Кундуз, безгранично уверенная в своем обаянии, очень рассердилась тогда. «Высокомерному студенту» она вынесла приговор – «Нелюдимый», и отныне твердо решила не обращаться на него внимания.

Однако сегодня утром невольно спросила:

– Чем болеете? – спросила и прикусила язык.

Худое, бескровное лицо Музаффара стало грустным, и он с горечью ответил:

– Вот. Воздуха, которого хватает четырем миллиардам человек, мне не хватает.

Кундуз удивленно глянула на него.

– У меня астма, – вздохнув, пояснил юноша.

Его притворная бодрость разжалобила Кундуз.

– Вам лучше, выздоравливаете? – также притворно бодро, спросила она

– Врач говорит, должен выздороветь. Но... если бы было так, как обещают доктора, на земле давно бы исчезли все болезни.

Кундуз торопливо утешила:

– Э, еще будете здоровеньким как никогда!

Юноша покачал головой:

– Как знать...

– Не думайте об этом, не мучьте себя! Здесь столько людей вылечилось! Горный воздух...

– Потом своим избавителям я отправлю музыкальный привет: «Я исцелился у вас», так? – усмехнулся Музаффар.

– Вы как-то тоже похожи на доктора–а... А может, вы врач?

– Нет, – Кундуз огорченно усмехнулась – Хотела стать фармацевтом...

– Не поступили?

– Провалилась на химии.

– Ээ... – махнул рукой юноша. – Поступите на заочное отделение.

– Теперь учеба... – засмеялась Кундуз – Мы росли без отца. Поэтому, что скажет дядя, то и будет...

– Да-а, – покачал головой Музаффар.

Кундуз начала складывать газеты и журналы.

– Откуда у вас взялся этот недуг? Вы же еще так молоды! – спросила она, не поднимая головы.

– Знаете ли... – юноша растерялся, подыскивая слова. – Это... отец мой был сторожем на полевом стане. Часто болел. Тогда вместо него сторожил я. Во время дефолиации... В горах хлопок не сажают, вы знаете, что такое дефолиация?

– Интересный вы – а почему не знаю?

– Вот в это время на поле никого не должно быть. А я лежал там – не мог уйти, оставить полевой стан. – Он виновато улыбнулся.

– Ну, вы даете! – сказала библиотекарь.

– Что волки бы съели этот стан?!

– Молодость глупа! – горько усмехнулся юноша.

– А учеба?

– Год придется потерять. – Музаффар стал листать журнал, который держал в руках. – В этом году особенно много болел.

– Выздоровеете! – уверенно сказала Кундуз. – Кстати, когда окончите институт, кем будете?

– Человеком, – сказал он, усмехнувшись.

– Только что спустился с гор, – сказал он на следующее утро, увидев Кундуз. Он стоял в толстом свитере, запыхавшийся, облокотившись о косяк двери.

– Ну как?

– Горы такие же грустные, как моя душа... – Юноша прищурился от солнечных лучей. – Нет слов! Не смог высоко подняться, задыхаюсь.

– Почему... грустные? – спросила библиотекарь, сдвигая занавески на окне.

– Поднимитесь, увидите.

– Я еще не поднималась.

– Неужели?!

– Не верите? Один раз, в девятом классе ходили за тюльпанами вон на ту сторону. Потом так и не довелось.

– О. боже!

– Сапожник без сапог, – Кундуз смущенно улыбнулась. – Весной, даст Бог, ходим. Красивые места...

Музаффара душил кашель. Он кашлял, прижав ко рту кулак, лицо побагровело, плечи сотрясались.

– Проклятие – е... – воскликнул он, когда приступ закончился, вытирая слезы на глазах. – С раннего утра начинается – а! Да–а, красивые места, исключительные места... – Взяв из шкафа толстую книгу в черном переплете, он еще раз с сожалением сказал: «Красивые места–а», – и начал читать.

А за окном трепеща бродила осень, волоча под деревьями, озаренными холодным сиянием солнца, подол желтого платья. Сороки то взлетали, то опускались, ворошили опавшую осеннюю листву. Вдалеке сверкали и переливались снежные вершины, словно узоры на тубетейке. В голубоватом тумане смутно виднелись дикие миндаль, алыча, кусты боярышника, покрывавшие горные склоны.

Кундуз скучала, вздыхала, растерянно ходила из угла в угол. Сердце сжимали тревога и беспокойство. Она чувствовала себя несчастной и одинокой. «Взять и уйти что ли куда-а-а-нибудь...» – Через мгновение, придя в себя, усмехнулась: «Как дура...»

Беседовать с Музаффаром как-то интересно. Но юноша увлеченно читал, словно забыв о ее существовании. Кундуз поглядывала на его решительно сжатые губы, грустные карие глаза, на длинные, тонкие, как у девушки, пальцы.

– Что читаете? – наконец отважилась спросить она.

Юноша поднял голову.

– Гегеля.

Кундуз постеснялась спросить, кто такой Гегель, и понимающе кивнула головой.

– Интересно?

– Как сказать! Кто интересуется – интересно. Он философ.

– Вчера по телевизору тоже показывали одного философа.

– Кого?

– Какого-то кандидата наук, Шарипова или Шарапова?!

– Может быть. и есть такой, – сказал юноша. – Знаете, на свете много кандидатов, бакалавров, докторов, магистров, профессоров – ученых мало.

Девушка была удивлена, ей трудно было понять эти слова, кажущиеся слишком сложными.

Пожалела, что не пришлось учиться. Если бы училась, может быть, и она так красиво говорила бы...

– Вы не пойдете кушать? – спросила она, глянув на часы.

– Уже время обеда? – Музаффар привстал с места. – Вы же до вечера работаете – а? Хочу немного почитать.

– Да.

Юноша, кивнув головой, закрыл дверь. На душе у Кундуз снова стало тревожно, она неторопливо полистала книгу,

оставленную Музаффаром на столе. Внимательно посмотрела на подчеркнутые строки:

«Реальные вещи – истинные, истинные вещи – реальные»

* * *

Ночью лил дождь. С утра небо и землю окутал туман. Кундуз, глядя на черные тучи, закрывшие небо, на мокрый асфальт подумала, что целый день придется сидеть и мерзнуть на работе, и почувствовала легкое раздражение. Позвонив из школы на работу, отпросилась на один день.

Хотела убрать дом, но руки не поднимались. На сердце было беспокойно. Обвязавшись толстым пуховым платком, надела плащ и отправилась в санаторий.

Как только открылась библиотека, вошел седой старик, опрятно одетый, в очках. Какое-то время полистал журнал, выписал книгу и ушел.

Кундуз сидела, набросив на плечи платок, согревая дыханием руки. Как только на пороге появился Музаффар, бледный, в шапке, с шарфом на шее, она поспешно встала с места.

– В такой холод все же пришли?– сочувственно спросил ее юноша.– Простудитесь же! Почему не поставить сюда хотя бы электропечку?

– Отопительный котел вышел из строя, чинят, – виновато сказала Кундуз.

– Котел лопнул? Стихийное бедствие! – щелкнул языком юноша.

Кундуз, не зная как поддержать разговор, спросила:

– Вашу книгу дать?

– Да. Погодка только для чтения!– кашляя, он невольно опустился в кресло.

Их разделяла стена безмолвия. За окном весело капал до-

ждик, с полей поднималась завеса тумана.

– Вчера я поссорила с Захидой, – неожиданно посетовала Кундуз.

– Кто такая Захида?

– Женщина-бухгалтер.

– Почему поссорились?

– В библиотеке нет уборщицы: сама мету, убираюсь. Но зарплата уборщицы пишется на кого-то другого, я сама видела в ведомости и пообещала сказать директору, а она в ответ: «Если хочешь уволиться – говори» Я убираю в библиотеке для себя, на зарплату не претендую, но после ее слов я не выдержала, вспыхнула.

– О боже! – покачал головой юноша. – Интересные люди: будешь ласковым – проглотят, будешь злым – осудят! – затем нервно подрагивая руками сказал: – Поэтому на земле так много людей, которые ничего определенного не говорят.

Поднялся ветер. Снежные вершины вдали вновь засверкали. Всадник, поднимающийся в горы через ореховую рощу, был едва различим.

У Музаффара внезапно начался приступ кашля. Он захрипел, откинувшись в кресле ослабевшим телом.

– Позвать доктора? – всполошилась Кундуз.

– Нет... ух–ху,ух–ху... пройдет, – юноша сморщившись от боли, замахал рукой со вздувшимися синеватыми венами.

– Окно... откройте окно...

Из окна впережку с дождем хлынул поток холодного воздуха, парусом вздувая занавеску. Кундуз поежилась.

Музаффар, тяжело дыша, метался.

– А я и сам... ух–ху... подумывал, почему это сегодня не начинается...

Молодая женщина закусила губу: «Ох, и измучился же-е!».

– Вам не будет холодно?– обеспокоенно спросила она.

– Сейчас... Сейчас-с закончится... Ух-ху...

Дрожащие пальцы бессильно царапали подлокотники кресла, из узкой грудной клетки слышались звуки: «ших–ших».

– Вот, закончилось. – Юноша вытер со лба капельки пота, слабо усмехнулся. – Мои больные легкие привыкли к горькому газу,... страдают на свежем воздухе.

Дождь хлынул сильнее, Музаффар, выглянув из окна, вздохнул:

– Эх, занудный же дождь! Что вы читаете?

Кундуз показала книгу, которую держала в руках.

– О чем?

– В нашем возрасте, о чем читают?

– Эх-а, – многозначительно кивнул Музаффар, закрывая окно.

Дробь дождя затихла.

У меня есть одна книга, – сказал он, сев на место. – Французского писателя. Читая ее, я, юноша, плакал.

– Правда–а?

– Пусть сгорит дом лгуна. Хотите, почитайте.

– Сегодня... нет, ладно, завтра принесете, да? Такая трогательная? Похожа на «Минувшие дни»? Когда бы я эту книгу ни читала, всегда непроизвольно плачу.

– «Минувшие дни»... О! – Глаза юноши загорелись – Не только вы, даже Кадыри, когда писал, сам, оказывается, плакал!

* * *

Утром муж Кундуз, нахлобучив шапку на голову, выходя из дому посоветовал:

– Теплее одевайся, когда пойдешь на работу. Не верь ясному солнцу, это обманчивое, коварное солнце.

Солнце светит, но не греет. На железных крышах по обеим сторонам улицы сверкает иней. После вчерашнего дождя на подсыхающей дороге кучами лежат светло-бежевые листья, похаживают две безрогие козы, лениво жуя их.

До обеда о Музаффаре не было ни слуху, ни духу. Кундуз вновь забеспокоилась. «Хотел же книжку дать!» – подумала, стараясь отвлечься.

После обеда сердцем овладела тревога. Заперев дверь, поднялась в третий корпус.

Музаффар, плотно укрывшись, лежал в четырехместной палате один-одинешенек.

– Я оказался обманщиком, да? Видите... – сказал он, печально улыбнувшись.

В глазах Кундуз мелькнули испуг и тревога:

– Как вы?

– Спасибо, с утра немного... – Юноша, сморщив лицо, шарил по бокам, потом отчаявшись, махнул рукой.

– Одному не тяжело, соседей по комнате нет?

Музаффар, выпрямившись, печально улынулся:

– Я специально устроился в этой палате.

– Почему?

– Я сам сбежал от людей. Потом... нехорошо мешать спать другим.

– Как вы живете без людей? – удивленно спросила библиоотекарь.

Юноша, положив руку на грудь, засмеялся

– Вы как Гете!

– Гете?!

– Был такой немецкий поэт, знаете, наверное. У него есть стих: «каким бы ни было абсурдным окружение, человек все равно не может жить без людей!» – важно прочитал он.

– Вот, видите! А вы...

– А я ... жалею дельфина.

– Кого?

– Вопрос с точки зрения узбекской грамматики неправильный, но в отношении сути очень верный!

Кундуз, не поняв, пожала плечами.

– Дельфин не говорит, не мыслит. Слова, называющие животных, отвечают на вопрос «что?», а не «кто?». В школе же учили? Но дельфин, о котором я говорю, достоин отвечать на вопрос «кто?» Вы думаете я глупец? – внезапно спросил он.

– Не-е-ет, почему?

– Я говорю так путано... В Индонезии один дельфин перевозил в школу детей с одного острова на другой. Он всегда приплывал к берегу в определенное время и ждал учеников. Однажды вместе с детьми на него взгромоздился какой-то пьяница. В руках у него был нож, завернутый в тряпку. Когда они доплыли до середины, он, прицелившись, всадил дельфину нож в сердце.

– Вай-й! Почему?

– Говорите, почему? Когда у злодейства была логика? Слушайте дальше: дельфин, окрасив воду черной кровью, доплыл до берега. Как только дети высадились на берег, он плюхнулся и, перевернувшись, умер... Видите? Если бы вместо него был «что», то, как только в него всадили нож, он сбросил бы всех со своей спины.

– Вай, бедняга! Если бы сразу перевязали рану, может, не умер бы.

– Кто перевязает? Тот, некто, который соответствует вопросу «что»?

На тумбочке в пустой банке без воды торчал пучок начавшей сохнуть травы, издающей горьковатый тонкий аромат. Увядаящая трава еще более подчеркивала невзрачность пустой комнаты.

Кундуз, взглянув на беспорядочно разбросанные на подоконнике бумаги, спросила:

– Вы занимаетесь?

Нет, – покачал головой юноша. – Это дневник.

– Посмотрю, не тайна?

– Тайна!

– Служебная тайна? – засмеялась Кундуз.

– Тайна мира! – улыбнулся юноша. – На свете есть одна тайна, которую не может познать человечество. Её никто не может познать. Если человек познает ее, жизнь потеряет смысл.

У него снова начался приступ. Кундуз, всем своим существом сочувствуя парню, прикусила губу: «Боже мой–й!».

Музаффар, вытерев рот полотенцем, поправил одеяло и, тяжело дыша, сказал:

– Вот так...

«Пусть поправится, бедняга», шептала про себя Кундуз.

– Когда у вас была свадьба? – внезапно спросил юноша.

– Прошло больше месяца... – Неожиданное признание взволновало Кундуз.

– Чем занимается ваш муж?

Этот вопрос почему-то обидел ее.

– На канале... техник

– Так, хорошо, – хрипло сказал юноша, нахмутив брови.

Разговор не клеился. Кундуз, поглядывая на небо виднеющееся из окна, спросила:

– В вашей группе девушки тоже учатся?

Музаффар, опершись на руки, приподнял плечи.

– Вы хотите сказать, люблю ли я кого–нибудь, да? Нет, не люблю. Меня тоже, кроме мамы, никто на свете не любит, – сказал он, пытаясь улыбнуться.

– Почему?

– Потому что...– сказал он, на минуту заколебавшись. – Давайте, пусть это тоже будет тайной!

– Значит, везде тайна? – Молодая женщина направилась к выходу. – Ладно, я пойду.

– Вы торопитесь?

– Пить хочется.

– В чайнике есть чай. Немного холодный.

– Нет, спасибо. Врача позвать?

Юноша покачал головой.

– Почему?

– Лекарь говорил: «Эй, глупец, твоя болезнь неизлечима», – с этими словами он взял с тумбочки небольшую книжку и протянул ей: – Вот та, которая заставляет плакать...

Кундуз плотно закрыла дверь, из-за которой вновь послышался кашель.

* * *

Домой возвращалась грустная. Ворота открыты, в руках у свекра садовые ножницы, он хлопчет под яблонями. Поздоровавшись, вошла во двор, собрала высохшее белье, которое повесила утром. Комната с атласными шторами, узорчатыми сюзанае утопала в лучах заходящего солнца, в углу сверкало зеркало, в серванте и на часах вспыхивали лучи заката. Кундуз глянула на фотографию улыбающейся старушки в цветном, закрывающем лоб, платке, висящую на стене.

Она не застала покойной свекрови. Соседские женщины шутили: «Невестка вошла в свободный дом».

Закончив доить корову, Кундуз взялась за приготовление ужина, засигналила машина. Младший брат мужа, четырнадцатилетний Исроил, готовивший уроки, открыл ворота. Въехал пыльный желтый «Москвич», Комил в болоньевой куртке и синих брюках вышел из машины, отряхнулся и пошел в

сторону хлева, где отец обрабатывал кожу. Кундуз налила в обдасту¹ теплой воды, повесила на ишком² полотенце и издалека тихо сказала мужу: «Бог в помощь!».

Шинкүя морковь, Кундуз неожиданно порезала большой палец. Когда она торопливо делала перевязку, в комнату в поисках спичек вошел муж.

– Руку порезала? Э! Смотреть надо! – сказал он, строгим голосом. – Да. Ладно, кровь к хорошему. Опусты в рассол – сразу остановится.

Во время ужина, сидя у двери и рассеянно подавая чай, она слушала обрывками доносящийся разговор свекра:

– ...жмых красного бычка... Завтра нужно закопать в саду... виноградник... К мулле Нурмату...

После чая старика охватила дрема. Невестка постелила ему и стала убирать посуду.

Когда вернулась в дом, работал телевизор, муж, лежа ничком, дремал. Почувствовав тень, быстро открыл глаза.

– Выключить?

– Э-э, уста-ал... – Комил зевнув встал.

Кундуз, подложив угля в печку, выглянула из окна. Темным-темно, крошечная тьма. У двора виднелся старый тутовник. Где-то жалобно мяукнула бродячая кошка.

«Прекратится ли его кашель? Говоря «тайна», что он имел в виду – а? Никто не должен знать... Почему? Потому что тайна?...»

Тихо вздохнула, взяла из сумки книгу, которую он дал. Лениво полистала. Начала читать с первой попавшейся страницы. Поначалу равнодушно пробежала глазами, затем, словно столкнувшись с чудом, забыла обо всем на свете.

¹Обдаста – кувшин для умывания с узким горлом и с длинным носиком.

²Ишк – сводчатая галерея, образованная из дугообразных деревянных подпорок и виноградных лоз.

Она не слышала ни скрипа двери, ни кашля мужа. Только когда Комил, наклонившись, положил ей на плечо ледяную ладонь, она вздрогнула.

– Что за книга? А ну? Бар-бюс? Имя человека?.. Были конфеты барбарис...

– ...

Муж, сняв чапан¹, откинулся на спинку стула. Почесывая голову какое-то время растеряно постоял, затем зевнув, сказал:

– Воду в машине надо слить. Похоже, будет снег, – и вышел из дома.

Кундуз не слышала его слов... плача, она шевелила губами: «Дорогой Луи! Это письмо я пишу тебе через двадцать лет...». Вспомнила Музаффара: «Читая эту книгу, я, юноша, плакал...»

Не замечая мужа, вытерла глаза, лицо.

Комил, раздевшись, растянулся на кровати. Положив под голову свои сильные руки, лежал на спине, его широкая грудь при дыхании равномерно поднималась и опускалась.

– Ну, не ляжешь? – весело засмеявшись, прошептал он. Глаза его горели!..

Кундуз, покачив головой, продолжала читать. Каждую ночь, когда она слышала эти слова, ее охватывало таинственное волнение. Сейчас почему-то тело ее содрогнулось.

Муж некоторое время разглядывал потолок, потом недовольно сказал:

– Что, за целый день не начиталась, хватит! Выключай свет!

Затем, вскочив и обняв жену за талию, решительно притянул ее к себе.

– Ах, ты моя образованная-я! Ну, хватит уже!

¹ Чапан – стеганный ватный халат

Кундуз, внезапно расслабившись, закрыла глаза.

Ночь. Тишина.

Кундуз открыла глаза и вздрогнула: холодно, темная-пре-темная комната, одиноко заворочалась, закашлялась... Музаффар!

Комил растерялся:

– Почему плачешь?

Кундуз чувствовала себя оскорбленной, плечи ее вздрагивали...

Муж встал, включил свет.

– Говори же, что случилось? Где-то болит?

–...

Комил, теряя терпение, сел на край кровати.

– Всю кровь выпила! Говори же!

По-своему поняв ее молчание, муж тихо прилег рядом:

– Знаю, работы много, ты заскучала, – сказал он ласково, чуть погодя. – Даже в кино не могу сводить тебя. Видишь, все руки не доходят. Сдадим объект, спустимся в город, отдохнем. Хочешь, в театр пойдём?

Эти уговоры-утешения совсем испепелили сердце Кундуз.

Комил, выключив свет, лежа закурил сигарету. В свете ее мерцающего огонька едва различалось его усталое, почерневшее от ветра лицо. Он глубоко вздохнул.

Супругам не спалось, никто не произнес ни слова.

Кундуз глядела на окно, из которого сочился тусклый свет, вспомнила сестру, свой двор, где родилась, выросла, вспомнила пылающие ранней весной маки на крыше дома. В тот год, когда сестра заканчивала десятый класс, она сбежала из дома с одним парнем. Мать часто проклинала его, а когда злилась на Кундуз, обязательно вспомнила и о сестре: «Сгинуть бы тебе, похожая на свою коварную сестру! Чтоб тебе сгинуть в молодости, становишься похожей на ту бесстыжую!»

Она росла, страдая от позора сестры, а когда окончила школу, мать принялась ее «сбивать». Когда Кундуз работала в столовой, ее отправили учиться на месяц, а по возвращению просватали за сына друга дяди домлы Миркамола.

Опрятный дом. Простодушный свекр. Послушный братишка мужа...

Внезапно что-то вспыхнуло в ее сознании, заставило вздрогнуть: ей показалось, что рядом лежит Музаффар...

Она испугалась. Зажмурила глаза: снова Музаффар!

Кундуз впала в панику, к горлу подступили рыдания. Неужели?!..

Комил, мирно посапывая, спал.

Этот человек ее муж! На всю жизнь!

Машинально дотронулась пальцами до горячего лица Комила. Муж во сне причмокивал. Повернувшись на бок, открыл глаза:

– Все еще не спишь?

Кундуз, глядя в его сонные глаза, проговорила:

– Слушайте, – голос ее был спокойным, от волнения не осталось и следа. – Вы любите... меня?

Комил не понял:

– А?

– Вы любите меня?

Муж обнял ее за плечи.

– Интересная ты. Если бы не любил... разве женился бы.

– А я?

– Что ты?

– А я вас люблю?

Комил опешил.

– Если ты моя жена,.. значит, любишь, – пробормотал он, сон как рукой сняло. Мгновенно насторожившись, привстал. Обняв колени, он в замешательстве уставился на жену.

– Что с тобой? – спросил он. – Говори правду...

Молодая жена при тусклом свете, падающем из окна, внимательно разглядывала его: надутые губы, ввалившиеся глаза – ей стало жалко его.

– Ничего, – прошептала она.

– Нет, не похоже на «ничего»! Или... кому-нибудь...

Сердце Кундуз екнуло.

– Почему ты молчишь? Говори!

– Почему вы так говорите?

– Да? Тогда, что с тобой, почему ты такая?

– ...

Комил потерял терпение и, не зная, что предпринять, снова закурил сигарету. Они лежали рядом неподвижно, не сомкнув глаз до первых петухов, и чувствовали, что между ними что-то исчезло, а что-то появлялось.

* * *

В ранних рассветных сумерках, не попив чаю, муж ушел на работу.

Кундуз едва поднялась с чугунной головой.

* * *

...Письмо было кратким:

«Кундуз! Уезжаю внезапно. Холод одолел. Вы должны быть счастливы! Если бы вы знали, как сами о том не догадываясь, морально поддержали меня... Очень благодарен вам.

Музаффар».

– Еще вот это оставил, – сказал старик-сторож, протягивая толстую переплетенную тетрадь.

Кундуз удивленно посмотрела на старика.

Он, не спеша потягивал крепкий зеленый чай.

ЗА СТЕНОЙ ВРЕМЕН

– Э, ну хватит, отец, итак осрамили меня! Может переехать отсюда, чтоб избавиться от вас?!

В конце концов, Санокул бобо¹ вынудил Дадаматова сказать так в гневе, но теперь он сожалеет об этом. Чем больше сожалеет, тем сильнее раздражается.

И почему он так разгорячился? Самому удивительно. Если Санокул бобо не дрался, не бранился, не клеветал, не выпрашивал у него ничего, так в чем его вина?.. Его вина в том, что он ежедневно, не пропуская ни дня, здоровался и благословлял его?

Неужели только за это можно сердиться на человека? Тем более, Дадаматов не из жестких и твердолобых, он мягкий, будто из воска. Почему же обидел старика? Разве об этом он мечтал, возвращаясь на родину?

Уму непостижимо. Даже не верится. Потому что Бегмата Дадаматова я знаю как свои пять пальцев. Знаю, поэтому и удивляюсь. Давайте, я расскажу вам о нем.

Итак, Дадаматов Бегмат Эрматович родился в нашем кишлаке² еще до войны, в тридцать шестом году. Учился как все, как все переживал трудности, горести, печали, окончив сначала техникум, потом институт, в кишлак наш не вернулся – поехал работать на угольный рудник в Шаргуне. Время от времени приезжал в кишлак – к майским праздникам, Новому году – появлялся со своей красивой с огромными глазами женой, разговаривающей совсем не так, как у нас в кишлаке. Словно бусинка из связки кораллов первым оторвался Бегмат

¹Бобо – прибавляется к именам стариков при почтительном обращении к ним или упоминании о них.

²Кишлак – село, селение, деревня.

Дадаматов от нашего густонаселенного кишлака, многим казалось это странным, его считали не то, чтоб чужаком, но ски-талцем.

Бегмат Дадаматов, естественно, был не в курсе этих пересудов. С модно одетыми женой, сыном и дочерью, он приезжал проведать своего пожилого отца и старенькую мать. Дети тоже говорили не так, как у нас в кишлаке.

Когда он в первый раз приехал в кишлак на молочной «Волге», поползли разные слухи. Одни говорили: «Поднялся, машину купил», другие судачили: «Сын Эрмата–рыжего на руднике не уголь добывает, а денежки». Кто-то радовался, кто-то завидовал.

Как-то приехал Дадаматов на какой-то праздник навестить своих стариков, видит, отец болеет, мать хлопочет, ухаживает за ним. О чем говорили они в семье, нам неизвестно, но через неделю Дадаматов переехал в кишлак. Теперь у него «Волги» не было. Снова поползли слухи: «Его с работы выгнали», «Ловкач, на дом и землю нацелился... ах, пусть сгинут эти материальные соображения, какими бы соблазнительными они не были!»

Бегмат Дадаматов, естественно, прослышал об этих разговорах, но не обращал на них внимания. Был беспечным и веселым. Постепенно кишлак привык к нему – больше его не обсуждали.

Дадаматов какое-то время пожил у стариков в доме, похожем на каморку, затем, к осени, купил в махалле¹ Дала дом со всеми удобствами и переехал. Устроился на работу в энергоуправление в районе. Дети, говорившие не так, как в кишлаке, вместе с прочими кишлачными детьми стали учиться в школе. Жена его, медсестра, устроилась на работу в больницу.

¹Махалля – квартал населенного пункта (города, села)

Как говорится, болезнь – одно, смерть – другое, Эрмат бобо, вроде доживающий свой век, к весне оклемался, стал показываться на людях, неожиданно полюбил лошадей и перепелок, ездил на жеребце, похожий на тучу, в полушубке, за пазухой перепелка, где улак¹ или скачки, там и он, тут как тут. Старуха, которая все хлопотала и ухаживала за ним, вскоре преставилась. Старику сейчас восемьдесят три, он продолжает жить упрямо со своим внуком, шестнадцатилетним Шерматом в своем доме, временами скандалит с Бегматом Дадаматовым, мол, почему не ищешь мне старуху. Но тот только молча посмеивается.

Вот здесь можно было бы и поставить точку в рассказе о Бегмате Дадаматове, но Санокул бобо... Да, Санокул бобо! Если бы не Санокул бобо, то и рассказывать было бы нечего.

Санокул бобо в жизни Бегмата Дадаматова, как и этот рассказ, появился абсолютно внезапно.

Я тоже знал Санокула бобо. Когда ходил в библиотеку за книгами, видел его сидящим на огромном валуне в начале улицы и дремлющим под теплыми мягкими солнечными лучами, положив подбородок на посох, прикрыв глаза, слегка опьяненного насваем¹. Он обижался, если поздороваешься, наверное, от того, что нарушалась его истома.

Дом, купленный Дадаматовым, был за библиотекой, у самого сая², и, чтоб выйти на дорогу, надо было перейти через переулок, под ветхими деревянными окнами дома Санокула бобо.

Все началось через неделю после поспешного переезда Дадаматова.

¹ Улак – козлодрание, спортивная игра.

² Насвай – особо приготовленный табак, закладываемый под язык.

³ Сай – небольшая речка

Во вторник утром, когда он спешил на работу, с ним почтительно поздоровался крепкий с худощавым лицом старик в голубом поношенном летнем халате:

– Э, здравствуйте, мой господин!

Дадамаатов, опешив, остановился, вокруг никого, кроме них со стариком, не было. Он удивленно пошел в сторону старика, стоящего в уважительной и смиренной позе, и протянул руку для приветствия:

– Здравствуйте, отец.

Не по годам ловко и проворно старик подбежал, взял в обе свои ладони его ладонь, приложив к своим глазам, скороговоркой сказал:

– Хорошо ли вы себя чувствуете, господин мой, как живы – здоровы?

Дадамаатов растерялся еще больше, потом его лицо просветлело, он улыбнулся. Старость!..

– Вы меня с кем-то путаете, отец? – осторожно улыбаясь, спросил он.

Старик еще больше изумился:

– Э, почему путаю, мой господин? Слава богу, я еще в своем уме. Если Творец сам не ошибся, то и я не ошибаюсь, мой господин. Кстати, поздравляю с покупкой дома! Очень рад, мой господин, очень рад. Слава Аллаху, пусть увидите в нем хорошие счастливые дни, укореняйтесь здесь и размножайтесь!

– Спасибо, – сказал Дадамаатов, – спасибо, пусть сбудутся ваши пожелания.

– Смотрите, мой господин, вот превратности судьбы, кто думал, что мы будем с вами соседями? Слава Богу, большое спасибо за твою благосклонность, Творец!

У Дадамаатова времени было в обрез.

– Да, отец, – извиняясь сказал он, – ладно, всего доброго вам.

– Э, мой господин, зайдем ко мне на пиалу чая? Утренняя доля, мой господин-а?

– В следующий раз, – сказал Дадамаатов, оборвав его на полуслове.

«Приятель отца,- подумал он по дороге, – но почему все время повторяет «мой господин» – удивительно»

Вечером, возвратившись с работы, он удивился еще больше: кто-то оставил целую чашку самсы¹.

– Кто принес? – спросил он у восьмилетней дочери, оставшейся днем дома.

– Какой-то дедушка, имя... по имени Санокул бобо.

Удивляясь, самсу съели. Утром, как обычно, он снова отправился на работу и снова на углу улицы повстречал того же старика. Дадамаатову показалось, что старик со вчерашнего дня так и стоит здесь. Он собирался поздороваться первым, но не успел, старик ловко опередил его:

– Э, здравствуйте, мой господин! Как самочувствие, здоровье? Как дома, дети здоровы?

«К чему это «мой господин»?!» – Дадаматова это покорибило, однако на лице старика не было и тени насмешки.

– Спасибо, – сказал он сухо и подумал – Э, неужели это он передал самсу?

– Мой господин, проходите, проходите! – Старик, согнувшись пополам и скрестив руки, посторонился, освободив дорогу.

– Слушайте, отец, – сказал Дадамаатов. – Почему вы называете меня «мой господин», я не понимаю. Вообще, все это странно, меня зовут Бегмат, называйте по имени.

В тусклых кошачьих глазах старика мелькнул ужас:

¹Самса – пирожок

– Нет же! Нет!– Пролетел он. – Не дай Бог, почему я должен называть вас по имени, непростительно, мой господин. Проходите, проходите.

Дадамаатов задохнулся:

– Пожалуйста, не говорите «мой господин»

Глаза старика забегали:

– А что говорить?

– Называйте по имени, или соседом, или «сынок» скажите.

– Нет,– сказал старик, энергично замотав головой. – Вы же потомок моего господина, как я...

– Какого господина? – спросил Дадамаатов, повышая голос.

– Казия¹ Дадамата, – пояснил старик и покачал головой, сожалея о таком невежестве. – Покойный ваш дед был моим господином, а я – его слугой, выполнял разную работу: пас его скот у разлива реки, погонял скотину на маслобойне, боронил. Меня казий, пусть земля ему будет пухом, человеком сделал. «Э, Санокул, – говорил покойный, – в мире много людей, но настоящих мало!» Какой он сам человек был, а! Каждый вечер сам приносил то гужу², то болтушку, то затирушку, или что Бог послал. Однажды, тогда земли были на Тохтасае, мы сеяли весной пшеницу, он подозвал меня и сказал...

Дадамаатов стоял с открытым ртом прямо посередине улицы, не сводя глаз с неказистого старика, похожего на старую калошу. «О, Боже! что он говорит?! Какой-то доисторический человек что ли?»

–... утром в день Хаита³ мы с моим господином пошли к казию Мирали, а там народу видимо-невидимо, младший брат Мирали упал на уллке с лошади и умер, повсюду плач, столпотворение.

¹Казий – судья, судивший во законам шариата.

²Гужа – похlebка из джугары

³Хаит – религиозный праздник.

– Отец, – нетерпеливо перебил Дадаматов – это когда было? Сощурился, восторженно вещавший Саноккул бобо, задумался.

– Когда, говорите? Да совсем недавно, кажется, в год, когда свергли царя Николая, ей богу, или в следующем году... Во всяком случае, место, где жили слуги Абдурахмана... за стеной – это было в год, когда погиб, задавленный в конюшне его младший сын в Корабазаре. Покойный Абдурахим родился в год свиньи, если посчитать, да, это совсем недавно было, мой господин.

Дадаматов рассердился, будто над ним кто-то зло пошутил и, еле сдерживая себя, сухо попрощался с Саноккул бобо.

Через день все повторилось. В этот раз Дадаматов не сердился, а сдержанно сказал:

– За ваше уважение, отец, спасибо, но, пожалуйста, не называйте меня «мой господин». Потому что...

– Йе, почему? – сказал Саноккул бобо.

– Потому что, – продолжал Дадаматов, пропустив мимо ушей его вопрос, – я в глаза не видел своего деда, как вы говорите, казия, его могила давно заросла травой еще до того, как я появился на свет. Потом, что раньше было, то было, но сейчас уже нет таких понятий «слуга», «господин – маспадин»¹. Поэтому вы смущаете меня, называя так. Если кто-то услышит, некрасиво получится. И улицу спокойно переходите... в ваши годы..!

– Нет–нет, не говорите так, это недопустимо, при вашем высоком положении.

Дадаматов нахмурился:

¹Господин–маспадин – типично узбекский прием – повторять созвучное слово.

– Отец, мы же уже договорились?!

– Бросьте, – не уступал Санокул бобо. – А дух казия, мой господин?!

– Э, если так хочется говорить «мой господин», идите к моему отцу! Он от скуки не знает, что делать.

Санокул обиженно улыбнувшись, склонил голову.

– Хорошо, мой господин.

– Ведь я работаю в большом управлении, а вы, отец, своими разговорами меня компрометируете.

– Сохрани Боже, мой господин, – испугался Санокул бобо. – Пусть сгинет тот, кто на вас покушается.

– Э, идите вы! – Дадамаатов сердито махнул рукой и пошел своей дорогой.

Пройдя двести шагов, он внезапно засмеялся.

Вечером пошел проведать отца. Отец сидел на террасе, опрыскивая водой перья старого перепела. Некоторое время они оживленно беседовали, потом Дадамаатов осторожно спросил:

– Что Санокул бобе был у нашего деда слугой?

– Какой Санокул? Сано дурачок? – Отец, подняв перепела, подставил его под свет лампы. – У отца моего было много слуг. И Сано тоже. Дурачок он, – сказав это глянув в сторону дома, отец крикнул: – Эй, Шермат, где ты, там на полке в мешочке есть просо, принеси!

Наутро, у Дадамаатова него даже сердце заныло от предстоящей встречи с Санокулом бобо, чтоб избежать ее, он пошел нижней улицей в обход сая и опоздал на работу.

В воскресенье в махалле была свадьба. Дадамаатов тоже пошел туда. Хозяева, не допуская возражений, сразу же потащили его в одну из комнат дома. В комнате было полно гостей, они, весело беседуя, пили чай, когда вошел Дадамаатов со словами приветствия, все обратили на него внимание. Он, сняв обувь, хотел опуститься на свободное место у двери, вдруг послышался писклявый голос:

– Ну, мой господин, сюда проходите, сюда.

Сердце Дадаматова ёкнуло, он обернулся. Сложившись вдвое, в углу смиренно глядел на него Санокул бобо.

– Сидите, – сказал он раздраженно.

– Нет, нет, мой господин, я... как я смею, ну ладно, не смущайте меня, мой господин, ведь неприлично же, э!

Дадаматов почувствовал, что все наблюдают за ними и, едва сдержавшись от необдуманного поступка, прошел и сел на указанное место, а Санокул бобо засеменял на его место.

Многие с изумлением переглянулись.

Свадьба не доставила удовольствия Дадаматову.

Однажды его шестилетний сын спросил:

– Папа, а что такое господин?

– А почему ты спрашиваешь?

– Нет, скажите, это хорошее слово или плохое?

Дадаматов не знал, что ответить.

– Это Санокул бобо сказал? Не обращай внимания, он пошутил.

– Я тоже могу говорить Санокулу бобо «мой господин»?

– Нет!

– Почему?

– Ну, хватит, не надоедай, – сердито оборвал он сына.

Конечно, он мог бы уже привыкнуть к Санокулу бобо, смириться с его выходками, но он не хотел уступить ему в упрямстве.

Дадаматов беспокоился, как отнесутся к странным выходкам старика люди. Чего боялся, то и произошло. Подстанция в кишлаке Куруксай¹ была старая, каждый раз выходила из строя. Жители Куруксая были под стать названию своего

¹Курук-букв. с узбекского «сухой, высохший»

книшлака и беспрестанно писали и писали жалобы. Ну, если руки чешутся, пусть пишут, но разве из их заявлений можно сделать трансформатор?! Наконец – публикация в районной газете. Редактор, некий Эргашев, не разобравшись, задал в статье гневный вопрос: «до каких пор районное энергоуправление (начальник Дадаматов Б.) на законные требования трудящихся не будет реагировать и будет относиться к ним как господин?»

Статья вышла в пятницу. Настроение Дадаматова испортилось, когда он возвращался домой, ему казалось, что все тычут в него пальцами. Правду говорят, если коза хочет умереть, то заигрывает с мясником. Если это не так, разве появился бы в этот момент Санокул бобо перед Дадаматовым, как бельмо на глазу?

– Здравствуйте, мой господин!

Дадаматов сразу взорвался:

– Э, ну хватит, отец, итак осрамили меня! Может переехать отсюда, чтоб избавиться от вас?!

Санокул бобо оторопел.

Дадаматов от злости хоть за бесценок был готов продать свой дом, но, к счастью, в гости домой приехали родственники жены, занявшись ими, он успокоился.

С тех пор он перестал здороваться с Санокул бобо. Если повстречается с ним на улице, отворачивается. А старик стоял растеряно, все с той же смиренной улыбкой, скрестив руки, не понимая в чем его вина.

В один из зимних дней Санокул бобо умер.

Дадаматов, как и все, участвовал в траурных хлопотах. И чувствовал себя очень виноватым, и когда шел на кладбище, и когда возвращался. Но уже на следующий день он забыл о Санокуле бобо. Ежедневно, как обычно, он торопясь бежал на работу.

Приблизительно через несколько недель у окон Санокула бобо он увидел его сына (точная копия старика, но на тридцать лет моложе) в теплой меховой шапке, изъеденной молью. Выбросив в сторону папиросу и дую на руки, он двинулся навстречу Дадаматову.

– Здравствуйте, – юноша, чуть-чуть поколебавшись, повторил. – Здравствуйте... мой господин...

Дадаматов вздрогнул.

«Э, упаси Боже! Они всем потомством дурачки, что ли?!»

Почувствовав, что он изменился в лице, юноша торопливо заговорил:

– Ничего, ака¹, не сделаешь – завещание деда...

– Какое завещание? – спросил сбитый с толку Дадаматов.

Юноша страдальчески сморщился.

– Когда отец был болен, он постоянно повторял, вы должны уважать Бегмата ака, этот человек потомок моего господина, вы его тоже так называйте... Теперь, ака, куда деться, ведь как говорится, отец доволен, значит, Господь доволен...

– Э, бросьте вы! – Дадаматов, сердито отвернувшись, пошел прочь подумав: «Этот старик даже после смерти не оставляет меня в покое». Дойдя до начала улицы, он, как будто вспомнив что-то, быстро возвратился и постучал в окно Санокула бобо. Из ворот вышел тот же юноша с вилами в руках и, посторонившись, пригласил:

– Э, заходите, заходите.

– Слушайте, – Дадаматов, оглядевшись, вошел. – Давайте договоримся: ладно, завещание отца это важно, но вы меня так не позорьте. Хорошо? Хватит того, что покойный бобо столько страданий мне принес.

– Да ну, что вы говорите, ака, принес вам страдания...

¹Ака – прибавляется к мужским именам собственным при почти-тельном обращении или упоминании.

– Если я не могу вас убедить, сейчас я на самом деле буду вашим господином, и вы, исполняя мой приказ, должны будете называть меня Бегмат ака, я приказываю. Поняли, а? – нашел выход из положения Дадаматов, грозно уставившись на юношу.

– Э, я же ничего не говорю, ака, я и сам...

– Вот и хорошо! – вздохнул с облегчением Дадаматов и отправился восвояси.

Вечером ему опять придется идти по этой улице. А до вечера еще далеко.

ХУРШИД ДУСТМУХАММАД

(род. В 1951 г.)

КИЧКИРИК

Ежегодно летом, сколько помнит себя Султан, трое–четверо ребятишек да и взрослые мужчины погибают в Кичкирике. Вся махалля целыми днями, а иногда и неделями ищет пропавшего, и, хорошо, если он найдется в тот же день, а если нет, то через пять семь... десять дней всплывает распухший, как барабан, труп бедняги где-то в западной части анхора. Были и без вести пропавшие... И тогда несколько дней все – и стар, и млад – твердили: «Кичкирик взбесился!», «Кичкирик жаждет крови!», «Не приближайтесь к Кичкирику-у!». Но проходит время, тихое и размеренное течение анхора¹ успокаивает людей, забывается его дикий и необузданный нрав. Одной из интереснейших особенностей человеческой природы является то, что человек не представляет и даже мысли не может допустить, что именно с ним может что-то случиться, что именно он может попасть в водоворот и исчезнуть. Интересно и то, что с давних пор взрослые, казалось бы, здравомыслящие люди, прекрасно знающие непредсказуемый нрав анхора, считают Кичкирик тихой и мирной речкой. Кто знает, может, действительно какая-то часть анхора может быть обманчиво степенной и спокойной, что и вводит людей в заблуждение...

Ни о чем таком не размышляя, Султан, босой, неторопливо вошел в реку и сделал пару шагов, ледяная вода резанула

¹Анхор – большой оросительный канал

его по лодыжкам, маленькие, как кукурузные зернышки, камешки, покрывающие дно, защекотали пятки. Уже несколько дней его терзали странные мысли и чувства, они – то, как будто и вели его за руку к берегу анхора, подталкивали за плечи к воде. Он забыл обо всем: забыл, что с детства недолюбливал Кичкирик, ну не то чтобы совсем не любил, но всякий раз при слове «Кичкирик» в его нежном детском сердце рождалась и сотрясала его тень жуткого необъяснимого панического страха; что, когда вместе со сверстниками учился плавать на мелководье Кичкирика и, освоив технику плавания саженками, наконец, поверил в себя, поверил, что пересилит страх, течение вдруг унесло его, и сколько Султан ни силился выплыть, вместо того, чтобы двигаться в сторону берега, он, не справившись с течением, несмотря на то, что смог два–три раза вынырнуть из воды, почувствовал, что какая-то дикая сила тащит его в самую бездну; ... потом он не помнил, что произошло,.. а придя в себя, повалился, обессилев на берегу под ивой, будто душа покинула его тело; что стоящие над ним толпой люди переговаривались между собой; что впоследствии, придя в себя, он стал посещать плавательный бассейн в центре города; что принял решение никогда не приближаться к этому коварному анхору; что каждый раз, когда видел радостно кричавших и плескавшихся детей, целыми днями не вылезавших из воды, сердце у него уходило в пятки. Ничто не могло отвлечь Султана: ни волшебное журчание воды, ни щебет ранних птиц, ни доносившийся издалека шум торопливо мчащихся по большой дороге авто.

Вода билась по коленям, голеням, а через минуту и по спине Султана. Он недолго размышлял с какой стороны войти в воду, с наступлением лета вся местность вокруг железного моста, единственного над анхором, превращалась в место от-

дыха ребяташек и разгоряченных жарой мужчин, река здесь была разливистой, текла размеренно и спокойно, и только 50-60 саженей ниже русло анхора резко сужалось, течение становилось более быстрым и порывистым.

Молодая невестка, бедняга, именно здесь хотела зачерпнуть ведро воды...

Султан, едва достигнув узкого места, нырнул, его тело привыкло к холодной воде, он предполагал, что его ждет, но течение, вернее глубинная его часть, вдруг как-то ускорилося, забурлило с двух сторон у прибрежных деревьев, он почувствовал, что его с легкостью закружило, точно клочок бумаги, или листок с дерева. Султан попытался слиться с направлением течения, и как бы то ни было, удержаться на плаву, в лицо ему била беспрерывно набегающая волна, он поворачивал голову то вправо, то влево, чтобы не сбить дыхание... но не для того же он вошел в воду, чтобы продемонстрировать мастерство, приобретенное во время посещений плавательного бассейна, он решился на это, чтобы найти тело молодой невестки, вышедшей замуж всего пятнадцать дней назад! О том, что утонула невестка, он рассказал Башорат на следующее утро. Девушка с сожалением воскликнула: «Ах, несчастная!». Султану тогда показалось, что белые, как молоко, щечки Башорат стали еще белее. Через несколько дней девушка сама позвонила, интересуясь утопленницей, казалось, что поиск тела стал смыслом жизни его возлюбленной и, чем больше она интересовалась той бедняжкой, пропавшей в Кичкирике, тем больше казалось, что она возлагает на Султана определенные надежды.

Султана целую неделю не покидали мысли об этом: выходя из дому ни свет, ни заря и возвращаясь вечером, он всё расспрашивал жителей махалли, которые, как и родственники, близкие, знакомые, с утра до ночи безрезультатно бегали, как

угорелые, по берегам Кичкирика, не теряя надежды, а Султан, не скрывая недовольства восклицал: «А что водолазы? Неужели они ничего не могут сделать?!» На эти вопросы никто не давал вразумительного ответа, тогда он сам отправился к руководителю водолазов, который, не выслушав его даже для приличия, раздраженно махнул рукой, мол, не вмешивайся в нашу работу. Султан, пытаясь что-то прояснить, обошел берег реки, был у мелководья, обрыскал все прибрежные заросли – в общем, пешком обошел все, что мог, вот тогда-то и зародились в его душе неожиданные неведомые чувства, Султан сердцем что-то почувствовал к анхору, к его извилистому руслу, его бушующим водам, к волнам, которые стремительно гоняясь друг за другом, то непринужденно играя, то пенясь и бурля, то кротко и нежно ласкаясь, шумят и жаждут чего-то. Ему показалось, что и анхор почувствовал его состояние, и, будто в ответ на его чувства, водная стихия готова была выразить свою благосклонность и манила красивого юношу в свои объятия. Неожиданно Султан столкнулся с водолазом, всплывшим из глубин анхора. Вокруг было безлюдно, Султан, не задумываясь, кинулся к нему с расспросами.

– Я перевидал много вод, но такого не встречал! – сказал коренастый водолаз, тяжело дыша и ругаясь. Его лицо то ли от холода, то ли от сильного страха было бледно – синим.

А теперь... Султан почувствовал, как что-то то и дело цепляется и ударяется о его ноги и спину, и тут же понял, как несправедлив был к водолазу. Зимой, во время морозов, когда воды в Кичкирике становилось совсем мало, он, проходя по единственному во всей округе железному мосту, видел собственными глазами всякий хлам на дне реки: затонувшие ветки, металлолом, кости, части оград домов, домашняя утварь, унесенная течением, всякие вещи, отходы, отбросы, бутылки, проволока... истлевшие трупы крупного рогатого скота, со-

бак и кошек... Весеннее половодье не в состоянии было все это расчистить! Водолазы наверняка подвергались опасности, цепляясь одеждой или обувью за железки или ветки! Может, и тело бедняжки-невестки не всплыло поэтому в течение всей недели?! И еще... Может, именно для того, чтобы очистить свое дно от всякого затонувшего хлама, Кичкирик ведет себя так непредсказуемо, неистово и своенравно?!

Султан поплыл против течения, он был рад, что сила течения оказалась гораздо слабее, чем он предполагал, обогнув берег, окинул взглядом деревья, раскинувшие ветви над водой. Вдруг его ногу обвилось что-то клейкое, похожее на ленту, оно было холоднее холодной воды! Змея что ли?! – внезапно вырвалось у Султана, и он, зажав голень, попытался оторвать холодную ленту. Не похоже на живое, если бы змея, то ужалила бы!.. Водоросли?.. Если так, то как ни тяни, ленты не оторвать. Султан ослабил ноги, повернул голову в сторону течения, в лицо била вода, он почувствовал, что, если не освободит зацепившуюся ногу, ему грозит опасность и, расслабившись, отдался воле течения. Несколько секунд он плыл как утопленник. Терпел. Через мгновение холодная лента соскользнула, нога освободилась из петли. Султан пришел в себя, вынырнул и, наполнив грудь воздухом, не мешкая, поплыл против течения. Осмотрев все потайные и укромные места, хотел дать передохнуть рукам и ногам – не удалось, буйная волна бросала Султана из стороны в сторону; он, приняв удобное положение, оглядывался вокруг, а когда выпрямился на мгновение его отнесло, хоть он и учитывал силу течения, продолжая плыть саженками. Он догадывался, до какой степени дикий нором у Кичкирика, но, оставшись один на один с ним, впервые ощутил упрямство и силу его вод!

Широко открыв глаза и не обращая внимания ни на злую волну, которая угощала его «пощечинами», ни на брызги

воды, застилавшие глаза, Султан все плыл и плыл по анхору, стараясь не упустить из виду трудно различимые с берега укромные места, веря, что где-нибудь обязательно покажется подол желтого платья, или хотя бы часть его. Приняв решение обследовать шаг за шагом всю реку, Султан то и дело нырял, соблюдая все предосторожности ныряльщиков, и старался достать до самого дна, его руки, голова, плечи обо что-то ударялись, но он не чувствовал боли, лишь ощущал всем телом: плечами, спиной, ногами как волны, будто делились на слои, от поверхности воды до самого дна движущиеся с разной скоростью. Это мешало сохранять равновесие в воде.

Султан словно сговорился с анхором, заключил договор о недопустимости преднамеренного вероломства, т.е. беспощадное течение ни в коем случае не могло покушаться на молодую жизнь юноши, верил, что не утонет, он ощущал, что у него хватит сил выстоять, а когда ему не хватало воздуха, он всплывал на мгновение на поверхность воды и, как голодный, хватал воздух всей грудью, озирает оба берега, чувствуя, что отдаляется на все большее расстояние, снова и снова осматривал все уголки, лелея надежду что-то обнаружить, и вновь плывя саженками против течения.

Странно, кто бы ни говорил об утонувшей невестке, обязательно делал акцент на том, что она была в желтом платье. Султан видел ее, кажется, раза два, когда она рано поутру поливала улицу и подметала, ей так шел новый наряд невестки, прекрасная молодая женщина на мгновение перестав мести и соблюдая правила приличия, отходила в сторону, опустив голову, а Султан, который вот-вот должен был жениться, волновался, представляя как Башорат будет так же благовоспитанна, в такие моменты сладких и радостных грез он даже не отвечал как следует на застенчивое, едва слышное приветствие невестки. Эта красивая, обаятельная девушка вышла за-

муж за лысого соседа, которого с детства все звали «Мавла», «Мова», и теперь Султан пытался привыкнуть называть его полным именем «Мавлон», «Мавлонбек». Мавлонбек тоже рассказывал,.. что она была в желтом платье и узорчатой безрукавке. Молодой муж старался держать себя в руках, но Султан заметил, как он был растерян и осунулся за два-три дня.

– Как мне быть теперь, ака?..– спрашивал Мавлонбек, войдя в какой-то ступор. – С рассвета не отхожу от воды, ни слуху, ни духу – тишина.

Эти слова Султана коробили, но он не показывал вида Мавлону, потому что в таком состоянии человек верит до последнего, хватается за любой шанс. «Говорят, что в ночной тишине слышатся крики о помощи утонувших в анхоре!..»

Слова молодого мужа «ни слуху, ни духу-тишина», выражающие последнюю все еще теплящуюся надежду, передаваясь из уст в уста, стали, своего рода, прискорбным анекдотом. Значит, Мавлонбек, веря разговорам о криках утонувших, не спал ночами и надеялся услышать в ночном плеске Кичкирика голос жены, человека, едва успевшего стать ему близким... «Эх, надо было позвать Мавлонбека на помощь», – промелькнуло в голове Султана. Вместо того, чтобы ждать жалобных криков о помощи утонувшего не найденного человека, лучше бы Мавлонбек был рядом, стоял на берегу и держал конец веревки, обвязав ею спину Султана, тогда течение не было бы таким опасным для него, и было бы легче шаг за шагом исследовать и поверхность, и дно анхора. Либо вместе с водолазами... нет, они бы не позволили, это их твердое решение было известно Султану! Поэтому-то он и пришел к анхору, когда было безлюдно, отважившись один на один сразиться с норовистым Кичкириком, непокорные волны которого, закручиваясь в большие и малые водовороты, старались с силой отнести Султана к западной стороне, Султан не надеялся, что

будет легко, но как бы то ни было он должен найти тело пятнадцатидневной невестки, которое вот уже неделю не могут найти, найти и передать несчастному соседу, несостоявшемуся пятнадцатидневному мужу! Тело ныло, но он не обращал внимания ни на ломоту в плечах, ни на то, как горели пятки и голени, не чувствовал холода. Иногда он плыл саженками против течения, иногда по течению, временами, собрав силы, нырял в воду и, коснувшись дна, вытаскивал попавшуюся под руки вещь, а когда не хватало воздуха, или начинало щипать глаза, всплывал на поверхность. Если бы в это время появилась на берегу Башорат, Башоратхон!.. Если бы девушка увидела его, наверняка, сильно бы перепугалась, растерялась, от волнения протянула бы руки к Султану, словно желая броситься в анхор, просила бы своего Султана быть осторожным и не кануть в этой свирепой пучине, последовав за ним, рьяно подбадривала бы своего возлюбленного, вступившего в эту неравную схватку.

Эти мысли придали Султану сил. Он забыл все трудности. «Если Башорат поддержит, – сказал он, высунувшись из воды и осматривая анхор сверху, – то я не отступлю, не изменю решения найти невестку, даже если в Кичкирике вместо воды будет огонь!..»

У берега внезапно появилась огромная собака, она, царапая землю и виляя хвостом, смотрела на него, затем, подняв голову, завыла, вслед за собакой показались мужчина и женщина, идущие под руку.

– Зачем в такой холод купаться! – воскликнула женщина, теснее прильнув к своему спутнику.

– Молодые же, молодые, – засмеявшись, весело ответил мужчина, – они не думают о болезнях!..

Султан отдался воле течения. С обеих сторон анхора поднимались густые стены камыша–тамариска, покрывающие

оба берега, в расщелине между ними текла вода, и он пожалел о том, что ему не пришло в голову взять с собой подводные очки, которые могли быть очень кстати. Унесенное водою тело могло застрять в этих камышовых зарослях. Сквозь них пробраться невозможно!.. Султану трудно было продвигаться. Тонкие длинные камышовые стебли мешали движению, и Султан с трудом раздвигал камыши вперед, назад, в разные стороны. Султан чувствовал, как малюсенькие рыбки ударялись хвостами о подошву его левой ноги, на всякий случай он потряс ногой, и рыбки бросились врассыпную, оставив ногу в покое. Султан двигался в сторону берега. Через какое-то время у его ног, между пальцами снова собрались рыбки, теперь среди них были более крупные, они, словно свирепые водные существа, пытались сбить его с ног, били хвостами. Пальцы, лодыжки, подошвы стало щипать, значит, его ноги изранены, из них течет кровь...

Султан покинул густые заросли камыша, выбираясь из воды по колено увяз то ли в железках, то ли в ветках и увидел, что по воде мутными кругами расплывается его кровь. По мере того, как редели заросли камыша, усиливалось течение, Султан поплыл в сторону берега, где, как пальцы какого-то злобного существа, выпирали корни дерева, покрасневшие от воды. Он все-таки отважился схватиться за эти «пальцы». Берег был высоким, и он по грудь оставался в воде. Долгое время он не мог вдохнуть полной грудью. Голова его кружилась. Султан с надеждой посмотрел в небо, солнечные лучи постепенно приближались к самой середине анхора. Оглядевшись по сторонам, на противоположном берегу он увидел большую ветку какого-то изогнутого дерева, достававшую до воды, течение то поднимало вверх, то опускало ее вниз, со стороны казалось, что ветка сердито хлещет воду. Султан не знал усталости от многочасового плавания, но теперь, здесь...

он с удивлением покачал головой, и, желая постичь нрав анхора, долго и пристально глядел на воду. Он столько проплыл, столько раз нырял с надеждой шаг за шагом исследовал всё дно!.. За время, проведенное в воде, казалось, с Кичкириком, с водой Кичкирика он нашел общий язык, почувствовал и понял его душу. Султан, стоя по грудь в воде, обессиленный и измученный, не отрывал глаз от анхора и как будто изливал горбатым волнам родившиеся в душе упреки, обиды, волны, пенясь и клокоча, бурля и вздымаясь, в спешке догоняли друг друга. Анхор – это непостижимое человеческому разуму некое живое существо, и как всякое живое имеет свой характер, так и анхор живет по своим правилам. Наполнять свое русло до краев водой есть образ и смысл жизни Кичкирика, поскольку его естество и судьба воплощены в поспешном течении воды.

Упреки и обиды у Султана сменились интересом, даже уважением к анхору. Анхор не понял этого, его бесноватость и подводные течения замучили Султана – с правой стороны течение кажется спокойным и вялым, течение же с левой стороны мгновенно утянет в бездонную пропасть и поглотит, и если ногами еще можно было двигать, то тело сгибалось в три погибели от натиска бьющих в бока волн. Султан вспомнил брань и недовольство коренастого водолаза и ... спокойно покачал головой, мол, «это не так». Его мысли, отношение к реке изменились, теперь он,.. даже если анхор не понял его, он понял анхор, капризное течение не открыло ему свою душу, но человек всегда найдет путь к капризной душе...

Султан давно почувствовал, как что-то нежно поглаживает его лодыжки. Это что-то, длинное, соскользнуло с ног Султана и нежно обхватило его спину. Султан почувствовал, что вот-вот встретится с чудом, его сердце заволновалось и застучало в ожидании. Он осторожно опустил руки в воду,

боясь неловким движением сбросить мягчайшую вещь, охватывающую спину. Что это могло быть, живое–преживое?! Его мысли стали сбивчивыми и прерывистыми, его охватило какое-то неясное чувство. Это что-то живое обхватило спину... похоже какой-то хлам или ткань, вообще в воде любая неживая вещь может показаться живой и превратиться в неведомое существо.

Кончиками пальцев, погруженными в воду, Султан нащупал это неживое существо, обхватившее его спину и грудь. «Неужели?!» – громко воскликнул Султан вне себя от радости. «А вдруг желтое?!», «А вдруг это платье невестки?!» Султан понял, что, отпустив «пальцы» диковинного существа, он с шумом плюхнется в середину водного течения. Он был вне себя не от того, что бросился в быстротекущую воду, а от того, что держал в руке... что-то, что это?! Неужели все усилия Султана оказались не напрасными, его смертельно опасные поиски... нашел подол желтого платья?!

Султана не унесло течением, двумя руками он схватил материю и стал медленно и осторожно наматывать на руку. «Лишь бы не оборвалось», – думал он и старался не делать резких движений. «В желтом! Была в желтом платье!... В желтом!...» В голове Султана звучало лишь это слово, он верил что нашел.

Это ткань... настолько длинная? Так тяжело достать до зацепившегося места?... Султан осторожно и бережно наощупь добрался до зацепившегося места, схватил желтоватую ткань, нет, широкий подол желтого платья и... на протяжении недели не обнаруженной пятнадцатидневной невестки труп... «Нашел, Башорат! Нашел, дорогая Башорат!» – воскликнул Султан.

– Не только ваше имя, но вы и сами султан, , – однажды сказала Башорат, положив свою голову ему на плечо. – Вы достойны любого султаната!..

«Свет моих очей, Башорат, вот сейчас, в эту минуту, в это мгновение, здесь, в воде, слова твои получают подтверждение!» Волнение Султана прибавило ему сил, он забыл об усталости и о боли. Тянул обеими руками желтоватую материю, наматывая на руку, перед глазами появилась стайка рыбок, мутная с раннего утра вода стала прозрачнее, он отчетливо видел, как плывут рыбки. Рыбки были цветными! Красные, желтые, зеленые!.. Они указывали Султану путь, направление движения. Плечи, грудь, живот, колени, кончики ног горели огнем. «Ничего страшного, потерплю! – думал Султан и, стиснув зубы, стал продвигаться вперед, в сторону берега. Он почувствовал, что руки затем и ноги перестают подчиняться ему, и пожелал себе сил: «Ну! Ну–у!.. Не пасуй! Не пасуй, говорю! Эге–ге–гей!»...

«В этом анхоре утопленники в полуночной тишине кричат и зовут на помощь ...» Султан тоже... нет, он не кричит, у него пока нет намерения утонуть, сдавшись бурным волнам. Не подчинится и не попросит пощады... Он настолько сблизился с анхором и его водами, что может деликатно просить его, делиться своими чистыми помыслами, а если надо, кричать во весь голос, так кричать, что Кичкирик хоть на миг приостановит свое движение, воды станут прозрачными, и русло обнажится. Название «Кичкирик» («Вопль») так подходит ему, редкостное название!. По словам живых, утопленники «молча кричат», вернее, их смертное молчание воспринимается живыми как крик. Вон, и слова Султана, обращенные к самому себе, со стороны воспринимаются как крик, как вопль. А между тем, до наступления темноты еще уйма времени, до ночной тишины еще эхе–хе–хе... Вон солнце ярко светит, только... только оно светит неровно,.. кто-то толкает что ли,.. оно похоже на пламя, которое то вспыхивает, то угасает...

Султан внезапно перестал ощущать свой вес, руки, ноги стали бессильными, его охватило чувство тревоги. Какие

бы усилия он ни делал, он оставался неподвижным, ему не хватало воздуха. Появившееся между ног доброе, мягкое и безобидное существо приподняло Султана, мысли его были подобны полотну, обхватившему сначала ладони, затем предплечья. Султан перестал двигаться, руки его были туго охвачены найденной желтой материей, которую он хотел, во что бы то ни стало, вытащить, и которая обвила его полностью, он не мог скрыть своего изумления и волнения. От волнения он взмок. Тело стало мокрым не от воды, а от пота. Он несколько раз поднимал голову над водой, желая выровнять дыхание, но потом уже не чувствовал в этом необходимости, он даже не заметил пятен крови, растворяющихся в воде. Существо, поддерживавшее и приподнявшее его... Султан почувствовал, что он верхом на смирном коне, это ощущение длилось недолго, нет, проблески мысли быстро исчезали, лошадь медленно стала высвобождаться из-под него. Что делает лошадь в анхоре?.. Это не лошадь, а рыба, но... если рыба, то похожа на лошадь. Рыба-конь!..

Султан никогда не слышал, что это существо обитает в водах Кичкирика, но даже если бы и услышал, то не поверил бы в эти сказки. Но вот теперь он видел его своими глазами, одно из них посадило на себя тонущего Султана и ... Султан обмяк как каша халим¹. Мягко, но решительно и отчетливо он сказал: «Я начну все сначала! Если нужно, пятнадцать раз войду в воду, но не остановлюсь, пока не найду!..»

До слуха Султана издали доносились непрерывные крики. Султан хотел прислушаться, понять их, но не смог сосредоточиться. Ему показалось, что вода сильно нагрелась, Султан почувствовал, как его ноги резко ударились о твердый грунт. Хотел поднять голову, но не смог. Русло анхора к западу в районе кишлака расширилось и очень мельчало – вода

¹Халим – особым образом приготовляемая каша из очищенных зерен пшеницы и мяса.

в некоторых местах доходила до колен, в ней шумно плескались ребятишки, радостно кричали, гоняясь друг за другом.

– Смотрите человек! Человек в воде!

Султан смутно слышал этот крик. А солнце было в зените и ярко освещало мир, плечо Султана, посиневшее от холода, стало согреваться...

ОПЕКУН

Молодая женщина, качая на коленях младенца, завернутого в белое чистое покрывало, вытянув шею, глянула через настежь открытые окна террасы во двор. Увидев двух кувыркавшихся в пыли горлинок, она осторожно положила сверток на курпачу¹, быстро встала, сунула ноги в калоши и спустилась во двор. Горлинки вспорхнули и одна за другой поднялись на крышу.

Женщина прошла в кухню, расположенную вдоль террасы, приподняв совок для мусора, прислоненный к стене, взяла стоящий за ним веник, вышла во двор, где совсем недавно резвились горлинки и, широко расставив ноги, стала вглядываться в землю, будто потерянную иголку искала, простояв так некоторое время, наконец, разглядела следы горлинок, и, оттянув назад подол своего платья, начала старательно мести то место.

Двор был и без того очень чистым, веник отколупнул небольшой кусочек сухой земли. Молодуха осторожно кончиками пальцев взяла его и стала искать, откуда он отвалился. Кажется, нашла, прижала к выемке кусочек глины, сначала придавив кончиком пальца, затем разровняла краем калоши,

¹Курпача – маленькое узкое ватное одеяло.

провела веником по заплатке и направилась к кухне, поставила к стене веник, аккуратно приподняв совок, и снова прислонив его к стене.

Возвращаясь к террасе, молодуха подошла к водопроводу, большим и указательным пальцем открыла кран, намылила руки мылом, смыла – намылила, намылила – смыла, затем, не касаясь крана пальцами, локтем попыталась закрыть его. Струйка воды стала слабее, но молодая женщина, не удовлетворившись, локтем продолжала быстро крутить кран: раз, два, три... наконец, кран закрылся, вода прекратилась. Молодая женщина, ожидая когда подсохнут руки, опустила их и, запрокинув голову, подставила лицо солнцу.

Заходящее солнце, еще не успев померкнуть, ласкало её красноватыми уже не жаркими лучами.

Молодая женщина пристально посмотрела на свои кривые худые пальцы, которые в зареве заката казались болезненно бледными и, не отрывая глаз от стиснутых пальцев, которые постепенно начали розоветь от прилива крови, разжала их, удостоверившись, что ладони и пальцы подсохли, шаркая направилась в сторону террасы, сняв калоши, она аккуратно поставила их в угол прихожей, прошла на террасу, окинув взглядом двор, осталась довольна и вернулась на прежнее место. Положив на колени сверток, она стала поправлять уголки покрывальца, один уголок, несмотря на её старания, постоянно загибался. Молодая женщина, взяв из-под курпачи ножницы, отрезала непослушные уголки и торчащие нитки. Наконец, успокоившись, она бережно стала покачивать сверток, что – то бормоча, временами вытягивая шею, поглядывая во двор, натягивая уголки покрывальца, стараясь прикрыть лицо младенца; вокруг: во дворе, на террасе – тишина, лишь изредка нарушаемая бормотанием молодой женщины. Со стороны коридора внезапно раздался какой-то звук. Руки молодой

женщины, поглаживающие сверток, нервно вздрогнули. Она побледнела, будто человек, теряющий сознание, с трудом переводя дыхание поджала губы. Потом спрятала ножницы под курпачу, переложила на неё сверток, встала и выпрямилась. Надела на ноги калоши и, проворно спустившись с лестницы, пошла в сторону кухни. Войдя в кухню, взяла в руки веник и совок и быстро вернулась в коридор. Там что – то шмякнуло, вскоре молодая женщина вышла оттуда с вытянутой рукой с совком, брезгливо морщась, в совке были новые газеты.

Не меняя выражения лица, женщина отправилась в дальний конец двора и вскоре исчезла из виду. Отсутствовала она довольно долго, не подавая никаких признаков жизни. Во дворе воцарилось тревожное безмолвие.

...Закрытое окно дома, словно не желая нарушать эту мертвую тишину, со скрипом нерешительно приоткрылась. Створки приоткрылись... чуть-чуть, слегка...

За углом показался силуэт молодой женщины. Она положила на прежнее место веник и совок и пошла к водопроводу. Большим и указательным пальцем повернув кран, открыла воду, два – три раза намывлив руки тщательно вымыла их, локтем закрыла кран и одновременно подняла ладони и голову вверх, подставляя их лучам заходящего солнца. Долго вглядывалась она в растопыренные пальцы, то приближая их к глазам, то отодвигая. Уходящие за горизонт солнечные лучи просвечивали ладони и слепили глаза. Вдруг женщина насторожилась. Она неподвижно, долго и придиричиво смотрела в одну точку, потом, забыв, что сушила руки, побежала к террасе. В смятении тревожно кинулась к свертку, её насторожили алые лучи багрового заката, высвечивающие верх оконной рамы. Один лучик, преломившись в стекле, играл на лице младенца. Молодая женщина, схватив младенца, переложила его на другую курпачу, затем быстро спустившись с террасы, побежала в конец двора, схватила прислоненную к

амбару лестницу и, положив ее на плечо, двинулась назад. Она тащила лестницу неуклюже с несвойственной для женщины силой. Когда, наконец, притащив лестницу, она приставила ее гладкой стороной к окну, стекло треснуло. Не обращая на это внимания, молодая женщина молча торопливо поднялась на две-три ступеньки лестницы. Лестница со скрипом стала клониться набок.

...Приоткрывшееся ранее окно дома резко, но без шума раскрылось настежь.

Молодая женщина рывком выпрямила лестницу. Поспешно поднялась и начала с силой тереть стекло в верхней части оконной рамы, на которую падал луч заката. Однако изгнать луч, сколько ни старалась женщина не смогла. Прекратив работу, она какое-то время пристально вглядывалась в стекло, на котором образовались, будто растекшиеся на воде масляные пятна с окрашивающим их переливающимся солнечным лучом. Молодую так пристально вглядывалась в луч, что глазам стало больно, будто иголки вонзились, не выдержав боли, мотнув головой, она отшатнулась назад и потеряла равновесие, но и падая с лестницы, с высоты трех-четырёх ступеней, она не отводила глаз от пятна на окне, отражающего закат. Её охватили смятение и ужас не столько от падения, сколько от этого багрово-красного луча.

...Из настежь открытого во двор окна выпрыгнул юноша. Прыгнув, он споткнулся, с трудом встал на ноги и, подбежав к лестнице, что есть силы схватился за нее. Удерживая лестницу дрожащими руками, юноша восстановил равновесие, а молодая женщина, словно ничего не случилось, снова начала тереть и без того безупречно чистое окно, алые лучи солнца, опустившегося за горизонт, уже не попадали на его стекла.

Молодая женщина продолжала размеренно и настойчиво тереть стекло и, наконец, увидела юношу. Побледнела, руки

ослабли, ноги подкосились, бессильно облокотилась о лестницу, тряпка, которой она протирала окно, повисла. Она медленно стала спускаться с лестницы.

Снова открыла кран водопровода, мыла руки, локтем закрывала кран, подставляла ладони заходящему солнцу. Ее длинные, тонкие, костлявые пальцы в полумраке казались безжизненными, глядя на глубокие линии ладоней и пальцы, она занервничала, будто пытаюсь настойчивым взглядом разглядеть их, и с раздражением поглядывала на юношу, стоящего у лестницы.

...Хилый, бледный, с взлохмаченной головой, юноша в майке, не двигаясь рассеянно смотрел на нее.

Встревоженная побледневшая женщина, спрятав за спину руки, бегом кинулась на террасу, схватила сверток с младенцем и, прижимая его к груди, бросилась в дом.

...Юноша, прислонившись к лестнице и наблюдая за молодой женщиной, намеревался последовать за ней, но не сдвинулся с места. Он не подавал вида, что наблюдает за молодой женщиной и лишь покачивал головой. Выждав некоторое время, он осторожно глянул в сторону двери. Молодой женщины не было видно. Юноша босиком на цыпочках сделал несколько шагов в сторону террасы. Дойдя до порога и услышав какие-то звуки, он резко остановился...

– Тебя хотят отобрать у меня!

– Но я же твой ребенок!

– Сколько – и – их родила!... Рожу – они заберут, рожу – заберут. Многих потеряла! Тебя не отдам!..

– А если меня все же отберут – а?

– Тогда снова рожу. Если и сейчас не выдадут замуж, я себя вот так разрежу на мелкие кусочки! Видишь?..

...Юноша с замирающим сердцем приблизился к двери, прильнул к щели...

Молодая женщина сидела посредине комнаты, повернувшись к тахману¹, на коленях младенец, завернутый в покрывальце, – кладет, поглаживает сверток, разговаривает с младенцем, у которого закрыто лицо:

– Кто будет кормить меня, если ты себя зарежешь?

– Ах, твой сладкий язычок! Если оставить тебя на них – погубят тебя! С них станется!.. Не отдам!

– Тогда их самих разрежь на мелкие кусочки!

– Молчи, чтоб тебе не жить! Разрежу! Всех изрежу. Если останусь одна, то, подперев ворота палкой, буду рожать, рожать. Всех вас положу рядами – ряда – – ами и, подели-ив – подели-ив свою душу отдам вам, мой милый! У-уф!.. У-уф!.. Бож-же-е!..

– Когда я избавлюсь от них – от извергов! Избавлюсь ли?! У-уф!.. У-у-уфф!..

Слезы градом катились на сверток. Вдруг молодая женщина перестала плакать. Как мать повзрослевшего ребенка, она, посадив его перед собой, словно наставляя его, уверенно советовала:

– Ты много не болтай. Лицо не открывай. Хорошо?.. Если они услышат твой голос, тебя заберут. Что будет со мной без тебя?! Как я найду тебя?

– Тогда спрячь.

– Не издавай ни звука, говорю! Они ходят по пятам, не оставляют нас в покое... Если услышат, дом мой сгорит, разорят меня!

– Спрячь быстрее! Торопись же!

– Не учи меня! Что, у меня не хватит ума тебя спрятать? Не хватит!... Вот!.. Вот!..

¹Тахман – большая ниша в стене для домашних вещей (главным образом одеял).

Молодая женщина резко встала с места и закружила по тому. Внезапно остановилась, начала что-то искать, дернула за край белой бумаги, постеленной на нише. Пиалы, собранные горкой, чайник и блюда с грохотом рухнули на пол.

...Юноша, стоящий у двери еле сдержался, чтобы не вернуться в дом. Обессилев, оперся о дверной косяк. Его била нервная дрожь, но он внимательно, настороженно, с любовью продолжал наблюдать за происходящим...

Молодая женщина стала собирать кусочки фарфора, попавшие на сверток, и вдруг резко отдернула руку, словно обожглась, поднесла ее к глазам. На краю ладони показалась кровь. Молодая женщина глядела то на ладонь, то на капельки крови, тогда... стукнула дверь...

Молодая женщина, сгорбившись, поднялась с места и неторопливо повернулась в сторону двери... за дверью тень человека... почувствовала. Она торопливо стала оборачивать сверток бумагой. Поглядывая на дверь и окна, надув губы, будто задыхаясь от смрада, произнесла: «Уф-ф!» – руки продолжали стремительно двигаться, заворачивая младенца. Прижав к груди сверток, она подбежала к двери и резко остановилась в нерешительности.

..Юноша не успел спуститься с террасы... молодая женщина тут же вернулась назад. Громко хлопнула дверью. Желая спрятать сверток, потянула на него курпачу. Потом, вытянув шею, посмотрела вниз. Казалось, что она хочет выпрыгнуть из окна. Но, видимо, не решилась, включив свет, вытащила сверток из-под курпачи, вытерла испачканные кровью руки о покрывальце, превратившееся в лохмотья. Вытирая, поглядывала на плотно закрытую дверь и тяжело вздыхала. Затем все еще не сводя тревожного взгляда с двери, приблизилась к ней и остановилась, почти касаясь ее лбом...

...а с другой стороны двери стоял юноша.

Молодая женщина, словно предчувствуя, что кто-то, взломав дверь, готовится ворваться в комнату, начинает дрожать, впадает в ужас и оцепенение. Пребывая в таком состоянии, она пытается справиться с собой, на лбу и лице выступают капельки холодного пота.

Через некоторое время ей удалось немного успокоиться. Исчезли страх и неуверенность движений, неожиданно спокойно она рывком опрокинула половину одеял с тахмана. Взяв сверток, завернутый в бумагу, положила его на оставшиеся одеяла и стала заваливать его сброшенными одеялами. Поднимая одеяла, она захватила платье, подол поднялся, мелькнуло нижнее белье голубого цвета.

...Юноша, стоящий за дверью, отвел глаза...

Из дома послышался хриплый и злой голос молодой женщины.

– Теперь не найдут! Точно не найдут. Пусть приблизятся к тахману. Искромсаю каждого ... Кто попадется - искромсаю!

– Меня не изрежь!

– Тебя не изрежу, мой милый! Только не помри, хорошо?.. Не потеряйся... Как мучилась рожая-я!.. Когда я еще смогу родить. Когда еще меня отдадут замуж... Ты не умирай, я спрячу тебя! Не умирай! Уф! Вон, уффф! Вон, уходи! Вон, уходи! У-уффф!

Молодая женщина горько-горько зарыдала.

...Юноша подглядывал в замочную скважину двери, сложившись вдвое, ни на секунду не сводя глаз с молодой женщины.

Из дома послышалась мелодия колыбельной песни. Колыбельная прерывалась вопросами и ответами молодой женщины, которая говорила то своим голосом, то голосом младенца, то восклицала: «Вай. Милый мой-ой!». Женщина бросалась к тахману, когда «ребенок» ее, якобы, произносил сладкие сло-

ка, протягивала руки, плакала и вновь продолжала колыбельную.

Это продолжалось достаточно долго. Наконец, остановившись посреди комнаты, она уставилась в одну точку, словно пытаясь расслышать неясный шум доносившийся издалека. Нельзя было предугадать, что будет дальше.

Через какое-то время молодая женщина, словно погрузившись в глубокие раздумья, не спеша сбросила с тахмана два-три одеяла. Затем, приставив сверток с младенцем вплотную к стене, снова стала складывать поверх него одеяла. Упавшие одеяла разровняла, подоткнув ладонью, где не ровнялось — отрезала. Наконец, успокоившись, опустив руки, устало облокотилась на одеяла плечом...

...Юноша продолжал наблюдать в замочную скважину...

Глаза молодой женщины устало закрылись, она соскользнула на ковер.

...Юноша, отойдя от двери, облегченно вздохнул и опустился на рядом стоящий стул...

Было далеко за полночь, оставалось совсем немного до рассвета. Лампа в доме высвечивала часть двора, чернеющую лестницу, лоскутки покрывальца, разбросанные по террасе, вырисовалась какая-то страшная таинственно-тревожная картина.

...Малорослый, с выпирающими ключицами, юноша в майке, облокотившись о стул, съежившись, обняв колени, дремал...

Молодая женщина проснулась ранним утром, села, окинула внимательным взглядом дом, перевернутый вверх дном, неторопливо встала, поправила волосы, воротник платья, затем свалила одеяла с тахмана, взяв сверток недавно спрятанный ею, растеряно посмотрела на засохшие капли крови на бумаге, изрезанное покрывало, тяжело и беспомощно вздох-

нула. Развернула бумагу, покрывало, вытащила оттуда младенца-подушку, положила на тахман, на цыпочках подойдя к двери, выглянула через щель на террасу.

...Юноша спал, свернувшись клубочком...

Молодая женщина, взяв с тахмана одно из одеял, понесла его к двери, медленно открыла ее, приблизившись к юноше расправила одеяло и высоко подняла его обеими руками. Когда дверь осторожно открылась, юноша вздрогнул и тот час очнулся от тревожного сна. Молодая женщина, не глядя ему в глаза, спрятав лицо за одеялом, виновато, беспомощно и смущенно сказала:

– Иди, ложись спать, братишка. Я здорова... Мне стало лучше...

НАЗАР ЭШОНКУЛ

(род. 1962 г.)

ЧЕЛОВЕК, ВЕДУЩИЙ ОБЕЗЬЯНУ

Это событие произошло три года назад. Когда я переехал в арендованный дом, оказалось, что на одной улице со мной в соседнем дворе на углу улицы живет дряхлый старик. Впервые я увидел его, сидящим в глубокой задумчивости на стареньком стульчике около дома. У него было хмурое, небритое, когда-то полное, некрасивое лицо, покрытое глубокими морщинами, он был похож на свирепое божество со страниц древних фолиантов, при одном взгляде на него неприятно екало сердце. Он восседал задумчиво-равнодушный с невыразительными глазами, отвисшим подбородком, в солидном кителе, сшитом по моде пятидесятых годов. Когда я переносил из машины в большом узле книги, он безразлично глянул на меня, словно уже ничего интересного произойти не может, и никаких милостей от мира он уже не ждет, и вновь, впад в прежнее состояние, продолжал сидеть, глядя в землю.

Через несколько дней от хозяйки дома я узнал, что этот старик когда-то был неплохим художником, да и сейчас пишет картины. Это меня несколько удивило. Я предполагал, что это какой-нибудь чиновник, которому не повезло в жизни. Потом я частенько встречал старика в том кителе, шагающего домой, или в продуктовый магазин в начале улицы тяжелой, словно измеряющей сколько шагов ему осталось сделать в жизни, походкой, иногда сидящего в махаллинской столовой, где он

ел, трясясь и бросая на людей неприязненные взгляды исподлобья. Тогда мне показалось, что эта удушающая, обессиливающая человека неприязнь, исходит из всего его существа, из всех истончившихся вен, как из таинственной крепости в густом лесу неизвестного мне замка жизни. Всякий раз при встрече мне становилось почему-то не по себе, как-то неприятно и тревожно, хотя наши отношения ограничивались только приветствиями. Мне не нравилось, как он гордо и высокомерно глядел на людей, буравя человека взглядом, несмотря на свое убожество.

Однажды хозяйка дома попросила меня отнести старику ужин. Я вспомнил неприятное лицо старика и смутился, однако не смог отказаться. Я вошел в старинный дом через узкие створчатые двери: старик сидел на большой террасе в плетеном кресле, склонившись над холстом. Дом старика был роскошным, просторным, но заброшенным, словно опустевшая площадь. Колонны, рамы прогнили, со двора несло мерзким зловонием. Неприятный запах исходил от деревьев, от сухих опавших листьев, оставшихся под снегом в цветнике, от бревен дома, от сваленных в кучу картин, громоздившихся на террасе, зловоние исходило от ящика с отбросами. На ум пришла мысль, что старик хранил отбросы, собирая их в этом ящике, всю жизнь. От вони меня затошнило, и я направился к террасе, где сидел хозяин. Он почти не обратил на меня внимания, лишь разок бросил удивленный взгляд и продолжал свою работу: он писал какую-то яркую картину. Я подвинул к старику столик, стоявший неподалеку, но и тогда он не обратил внимания: он, кажется, уже привык к тому, что ему приносят еду. Я видел, как он трясущимися руками накладывает краски на холст. Когда я поставил перед стариком принесенное, он перестал рисовать, повернулся к столику, испачканными краской руками спокойно отломил кусок хлеба

и положил в рот, обнажив между потрескавшимися губами почерневшие зубы. Мне вновь показалось, что он похож на свирепую статую древнего божества. Как будто забыв, что я еще здесь, он шумно ел, медленно, вяло пережевывая, как это обычно делают старики, с уголков его губ стекал бульон от лагмана¹, голова его тряслась, когда он глотал, вены на шее, синяя, вздувались, глаза слезились от усталости, временами он почесывал правой рукой переносицу. Похоже на то, что это было его привычкой – переносица была испачкана краской. Иссохшей рукой он держал ложку, разглядывая его бледное, невыразительное лицо, я с трудом верил, что этот нервный и неуклюжий старик, не умеющий кушать как следует, – художник.

– Можно я посмотрю ваши картины? Это картины двадцатых годов? – спросил я, стараясь скрыть свое недоверие. Старик неторопливо прожевал и, не глядя на меня, как будто его это совершенно не касалось, будто перед ним куча мусора, брезгливо поморщившись, показал рукой на террасу.

– Все расставлено по порядку, начинается с той стороны, – сказал он глухим голосом. Его голос был настолько скрипучим и некрасивым, что у меня невольно мурашки по телу забегали; я молча направился в сторону террасы.

Люди, искушенные в искусстве, хвалили картины старика двадцатых годов; мой друг, работающий в музее, говорил, что работы старика выставлялись. Говорят, что в двадцатые годы старик был комсомольцем, боролся против басмачей, активно участвовал в строительстве новой жизни. Рассказывали, что тогда стремительный ветер перемен вознес его достаточно высоко, так что в тридцатые годы он работал в структуре специальных служб, где и прослужил много лет вплоть до от

¹Лагман – восточное мучное блюдо

ставки. О его деятельности в те годы ходило много разных слухов. Говорили, что после того, как старик ушел с работы, он жил затворником в этом доме, ни с кем не общался, не желал видеть людей, которые когда-то немало пострадали от него. Жена старика умерла в конце пятидесятых, у него был единственный сын, еще безобразнее, чем он. Сын его был карманником, сидел в тюрьме за убийство, а сейчас существует за счет азартных игр. Он был очень вспыльчивым юношей. Я несколько раз видел его. Говорят, он живет с одной вдовой на окраине города, показывается у отца от случая к случаю, и их встречи, как правило, заканчиваются скандалами. Говорили, что он приходит к старику с единственной целью – выпросить денег, и если отец не давал их, то сын поднимал скандал и даже дважды побил отца. Многие говорили, что у старика деньги водятся, но он никого, даже сына, к ним не подпускает – очень скупой. Кто знает, может, и сын так думал; отца своего он несколько не уважал. Его голос я услышал переходя через улицу. «Ничего не знаю, – фальцетом кричал он – если не раздобудете, я вас вместе с вашим домом спалю». Затем – грохот, стоны, брань старика. Вечером хозяйка дома рассказала, что сын опять побил отца.

Терраса старика была оборудована под мастерскую. Это было застекленное помещение, которое можно было проветривать летом, настезь раскрывая окна. Меня заинтересовали картины старика двадцатых годов, вообще мой интерес к нему все возрастал. Вся терраса была завалена хламом: искусственные цветы, горшки, краски, пожелтевшие книги, статуэтка мальчика со знаменем в руках, разные безделушки из камня, сети, цепи – все было свалено в кучу, издавая тлетворный запах; двор, в отличие от террасы, напоминал запущенный чулан как память о хаосе прошлой жизни. Терраса была широкой, картины были разложены по годам написания

как на выставке, всего около сорока картин и эскизов, собранных в следующем порядке: «1957», «1947», «1937», «1928», «1926» и так далее. Подхожу к картинам и чувствую, что приближаюсь к ступеням жизненных тайн старика, скрытых за стенами крепости. В дальнем углу террасы висит картина с датой внизу «1921»: я подумал, что с этого года старик начал рисовать. Картина была написана хоть и не слишком профессионально, но краски на ней были яркими и чистыми. На картине был изображен рослый, крепкий юноша, ведущий за собой из густого леса обезьяну. Глаза юноши были живые, исполненные веры, шею обезьяны туго стягивала цепь. Я хоть и не понял, что хотел сказать этой картиной старик, но живой взгляд юноши поразил меня: яркие красновато-желтые тона картины отражали душевное состояние юноши. В других полотнах чувствовалось, что рука старика становилась увереннее, цвета чище, строже, пейзажи живописнее, краски удивительнее. Однако в осеннем пейзаже с воронами, почти закрывшими небесную высь, была воплощена какая-то мрачная фантазия. Преобладание черного цвета, которого становилось все больше из картины в картину, меня поразило: мрачность возрастала и в изображении, и в цвете. Черный цвет вытеснял в пейзажах другие краски. Картины, написанные в тридцатые годы, были абстрактными, мрачными. Наверное, старик не был увлечен искусством, подумал я, это было время, когда он работал в спецслужбах. Глядя на картины, я не понимал их смысла, идеи. Только юноша с первой картины, с жгучей верой в глазах, не оставлял человека равнодушным, рождая невольное желание вслед за ним броситься в пучину опасностей и вывести к свободе и свету из чудовищного, темного леса наших предков, избавить их от предрассудков и пережитков прошлого. Глядя в глаза юноши верилось, что он победит. Мой друг из музея, наверное, испытывал такие же

чувства, он очень хвалил старика как способного и перспективного художника. Картины старика первого десятилетия тоже впечатляют, невольно возвышаешься душой, испытываешь состояние, в котором пребывал старик в цветущем возрасте.

Я пришел к мысли, что полотна, написанные в последующие годы, создавались лишь для того, чтобы рука не отвыкла; на картинах этих лет были изображены опустевшие кишлаки и улицы, дома, брошенные хозяевами, кладбища, всякое оружие, будто источающее запах смерти, плачущие женщины и дети, голые степи, над которыми выются вороны–стервятники, камеры с решетками, сожженные кишлаки, арбы трупов, оторопевшая от ужаса и недоумения толпа (словно «Последний день Помпеи»), таинственные существа, хищные звери, люди с разными звериными масками (я еще подумал, что это карнавал), пиршество теней, голые женщины, невинные девушки, засохшие цветы. Было трудно поверить, что эти картины – результат вдохновения мастера. Ничего не понимая в изображенном, я посмотрел на старика. Старик, закончив трапезу, сидел у холста напротив, грунтуя его бурой краской. Он словно забыл обо мне. В последующих картинах старика я не увидел ни одного законченного портрета. Все портреты были смазаны, или едва набросаны. Изумляла их абстрактность. А между тем, это были лучшие картины. Я просто не мог поверить соседям, которые хвалили его как художника и, увидев его картины, окончательно разочаровались в его мастерстве. Мне показалось, что эти картины – куча жизненных отбросов, оставленных войсками надежд. Я начал подумывать, что его зря хвалили так. К слову, от этой абстрактности портретов почему-то шемило сердце. Приходило в голову, что жизнь старика когда-то безгранично сияла, как раскрывшийся цветок, была бурной и стремительной, затем эта стремительная жизнь растеклась абстрактными ручьями, словно потоки

четного дождя, поглощенные знойной степью. Напоминали прежние молодые годы только его глаза, они хоть и были воспаленными и красными, но смотрели еще достаточно живо и бодро. Но и в них уже не было ни веры, ни надежды.

Я поворачиваюсь к старику и, мимолетно взглянув на его картину, покрытую марлей, чтобы не запылилась, вижу – на ней изображена нога человека и какое-то животное. Это меня несколько озадачило – через столько лет на полотне опять появился человек. Картина была еще не закончена. Старик, сгорбившись, сидел перед холстом, будто стоял перед ним на коленях, краски нехотя ложились на холст, словно они очень устали от этой нелепой абстрактности.

– Ну, – сказал он, увидев, что я начинаю собирать посуду, – вам картины понравились?

Я пожал плечами и сознался, что картины мне не понятны. Он с сожалением пристально взглянул на меня утомленными глазами, из которых от усталости сочились слезы, и покачал головой.

– Да, правильно, мы непонятно жили, – сказал он с грустью, – каждый наш шаг был для людей подозрительным и непонятным, конечно, в этом не вы, а мы сами виноваты.

Он говорил так, словно иронизировал, посмеивался над человеком, каждое его слово вызывало раздражение. Или мне так показалось?! Затем взял кисть в руки, давая понять, что разговор окончен. Он больше не хотел со мной разговаривать, и даже если бы я задержался допоздна, вряд ли он произнес бы хоть слово. Собрав посуду, я быстро вышел. Старик даже не обернулся мне вслед. Я долго размышлял над его словами. Однако так и не смог понять их смысла. Из всех картин старика мне понравилась лишь одна, изображающая юношу, ведущего обезьяну. Конечно, я был плохим ценителем живописи, но меня взволновали исполненные веры глаза юноши

и частенько вспоминалось его решительное лицо. Остальные картины я помнил смутно. А через несколько дней все картины, кроме этой, перепутались, а потом и вовсе исчезли из моей памяти, словно птицы мимолетно, на секунду, присевшие на деревья.

В другой раз, когда я принес еду старику, меня снова чуть не стошнило от затхлого запаха. Но постепенно я стал привыкать к этому зловонию – свидетельству упадка и запустения. Однажды мы долго беседовали. Старик был очень грамотным и все делал со знанием дела и глубоким пониманием. Он был хорошо осведомлен о Тициане, Пикассо, современных модернистских тенденциях в искусстве, знал Жоржа Браже и Умберто Бачанино, которых расхваливал мой друг из музея. Однако в тот день мы говорили абсолютно о другом. Он рассуждал о том, что такое добро и зло, что его жизненный опыт позволяет сделать вывод о том, что невозможно их различить, разделить, что зло для одних, в какой-то момент становится добром, а добро для кого-то в какой-то момент оказывается злом.

– Нет, – веско сказал я ему, сердясь на то, что он говорил таким тоном, будто его выводы очевидны и обязательны для всех. – Это абсолютно противоположные понятия. Зло не может быть добром, все, что противостоит воле, свободе, благоденствию – это зло, – сказал я.

Он высокомерно рассмеялся, будто перед ним был несмышленный мальчишка. Затем, глубоко вздохнув, как будто вспомнив что-то, начал говорить.

– Я всю жизнь служил и добру, и злу. В каждом моем деле есть две стороны: добро и зло. Я не желаю с вами спорить, только хочу привести один пример. Когда-то у меня был друг из высокопоставленных чиновников, был он искренним, чистосердечным человеком, безусловно, заслуживающим уважения. Двадцать семь лет он никому не уступал своей

тожности; был профессионалом. Что он делал? Исполнял приказы: приходил приказ сверху – дать столько-то сырья. Приказ нельзя было отрицать или обсуждать, – мы были так воспитаны – его надо выполнять! Для того, чтобы выполнить это, все рабочие на предприятии должны были вкалывать по четырнадцать-пятнадцать часов в сутки. А это, как вы знаете, недопустимо. Вернее, можно было бы при желании, однако работать так все двенадцать месяцев невозможно. Человек не машина. Так тысячи людей можно искалечить. Если скажешь «нет» – уходи с должности: другие выполняют. Оттого, что ты один честный, жизнь лучше не станет. Тогда мой друг нашел самый приемлемый путь. Повторяю, он был очень честным, талантливым человеком. Он подписывал бумаги о выполнении всех работ. С другими предприятиями он тоже договаривался, они подписывали со словами: «с нас это, с вас то». Он делал это во имя людей, заботясь об их судьбе. Так он боролся с жестокими законами. Но, когда умер, его начали поносить, и первыми, кто начал бросать на его могилу камни, были тысячи и тысячи людей, которых он защищал. На его место назначили другого, этот начальник делал все, чтобы в точности выполнить приказ именно в том виде, в каком он поступал, даже прибегая к насилию. Прибыль упала, увеличилось количество нуждающихся, постепенно люди с сожалением стали вспоминать бывшего начальника, поняли его правоту. Ну, скажите–ка, где здесь добро, а где зло? Как их различить? Один, думая о людях, нарушал закон, другой, думая о законе, губил людей. Я не могу различить, что здесь добро, а что зло. И на протяжении всей жизни не смог этого сделать.

– А убеждения?– сказал я, сердясь на то, что он говорит столь убедительно, вернее, его доказательства сбили меня с толку; видно, он много думал о своей жизни, поэтому говорил так категорично и уверенно – Убежденные люди, вернее,

люди с твердыми убеждениями, глубоко понимают разницу между добром и злом, – сказал я, и, смутясь своей высокопарности, осекся.

– Убеждения, вера, – печально произнес он, – если вы всю свою жизнь были убеждены, верили, сражались, жили, исто-во горя и однажды поняли, что то, во что верили, чему поклонялись, на самом деле низость, пустота, обман – все пустое и дутое, как шар, что бы вы не говорили – вы перестанете различать разницу между добром и злом, и жизнь ваша превратится в пустую, скрипящую телегу, сошедшую с дороги. А чтобы заполнить пустоту и чем-то нагрузить телегу, вы не остановитесь даже перед злом. Это ли убеждения? Я не употребляю этого слова более сорока лет. Это слово настолько глянцевого, зыбкое, фальшивое, высокопарное, что как услышу, меня тошнит.

Он захрипел от досады и умолк. Что-то его сильно рассердило и взволновало, было ясно, если сейчас я возражу ему, он резко оборвет меня. Видимо, он не любил, когда ему возражали. Я пришел в ужас представив, что он всю жизнь искал что есть добро и зло, но так и не нашел ответа; понемногу я стал понимать его картины, доселе непонятные мне; эти картины были отражением его неуверенности в себе, его раздумий о тщетности прожитой жизни, полной обмана, и возвышенных порывов сердца. Приближаясь к закату жизни, чтоб укрыться от несправедливости, он, как в густом лесу, спрятался в своих фантазиях и одиночестве. Кажется, ему хотелось проанализировать и оценить прошедшую жизнь в спокойном одиноком затворничестве, хотелось сделать выводы, это чувствовалось по его словам, но главного вывода, по-моему, он так и не сделал. Видимо, одиночество стало его последним пристанищем. В его словах было что-то ядовитое. Проговорив с ним четверть часа, я почувствовал себя скверно потому, что если

нсерьез воспринять его слова, то разлетится все вдребезги. Он отравил меня своим неверием. После этого разговора я долго не мог изгнать из себя демона в облике старика, который вошел в меня. Долгое время я старался читать только веселые рассказы, чтоб как-то поднять себе настроение.

Больше я не ходил к старику. Я никак не мог прийти в себя от мерзкого затхлого запаха и его дурных разговоров. Как вспомню – начинает тошнить, наступает депрессия. Хозяйка дома раз в неделю носила старику еду, она говорила, что он увлеченно рисует, но ничего не понимала в живописи и недолюбливала старика, хотя, как и вся улица, снабжала обездоленного старика пищей. Вообще, у женщин-вдов есть естественная потребность проявлять милосердие. У них мягкое сердце, они чувствительны, легко обижаются.

Постепенно я перестал интересоваться и картинами старика, и его судьбой; в то время я был занят переводами рассказов Онетти. Я редко вспоминал соседа, а когда вспоминал, то передо мной будто появлялась черная тень, неустанно преследующая меня. Иногда, вспоминая его первую картину, я погружался в раздумья, мысли мои были такими же радостными, как и глаза юноши. Меня интересовала только последняя картина, над которой работал старик, предчувствовавший, что это его последняя работа. Иногда я встречал его – он выходил из продуктового магазина – и, когда я видел его безжизненное лицо и глаза, отражающие жалкие итоги его жизни, его фигуру, мне казалось, что его согбенная спина сгибается еще ниже, чтобы не видеть весну, красиво преобразующую молодеющую землю, все это будто раздражало его.

В течение всей зимы я видел старика два раза – он, поставив кресло у окна, сидел греясь в мягких солнечных лучах. Хозяйка дома была очень ворчливой женщиной. Обсудив всю махаллю, она шла «контролировать» старика. О старике она

говорила брезгливо морщась, но не пропускала своей очереди кормить его: в особенности не по нраву ей было то, что уклад жизни старика не таков, как у махаллинских.

В начале весны, вернувшись из месячного отпуска и войдя в дом, я увидел в хозяйку слезах, она сообщила, что три дня назад старик умер. Я поежился, словно по мне проползло что-то клейкое и холодное, и вспомнил о картинах старика. «Дом все еще пустует, – сказала мне хозяйка – нигде не могут найти сына, наверно, его опять посадили!»

Вечером я пошел во двор к старику. Осиротевший двор. Запах сырости исчез вместе со стариком, но зловоние сохранилось. Картины были сложены в сторонке. Я стал искать последнюю картину. Меня очень интересовало, успел ли старик закончить ее. Наконец, нашел желтый холст и, торопливо сорвав с него бумагу, посмотрел на полотно. Мне сразу бросились в глаза чистые яркие тона – эта картина не была похожа на картины–абстракции сорокалетней давности. Я был поражен пейзажем: на холсте был изображен такой же лес, что и на той, давней картине. Только здесь, наоборот, обезьяна вела в лес отчаявшегося, с тоской в глазах сгорбленного старика с безжизненным лицом.

Было заметно, что картина писалась наспех. Во многих местах краски были нанесены кое-как. Старик чувствовал, что ему осталось жить недолго, и поэтому спешил. На заднем плане картины цвета были смешанными, нанесены неравномерно. Это напоминало закат солнца в тусклой мгле. На этом темно–сером фоне были ярко изображены обезьяна и старик, такой контраст подчеркивал безнадежность на лице старика.

Тогда я невольно подумал о существовании в жизни подобия дверей для входа и выхода искусства. Картины старика были словно таинственная крепость: в ту минуту, когда я увидел первую картину, я вошел в эту крепость и почувствовал

некомфорт от других картин. Сейчас же я, кажется, понял причину своей тревоги. До этого дня я жил в крепости старика, а теперь вырвался из крепости в просторы бескрайней степи. Ощущение чего-то клейкого и гадкого покинуло меня, и я почувствовал беспокойство, навеяное картинами старика, будто потерявший что-то человек.

Когда я вернулся в дом, где живу, хозяйка разговаривала с одним пожилым человеком, работающим в махаллинском совете. «На собрании старейшин махалли решили этот дом отдать кому-нибудь, – сказали мне, – вы же хотели купить дом, возьмите этот».

Внезапно мне ударил в нос мерзкий запах, источаемый деревьями, цветами, каждым кирпичом этого дома, я поморщился, словно меня затошнило.

– Нет, – сказал я, направляясь в свою комнату. – Пока я живу без дома.

СОБАКА БАХОВУДДИНА

*«Шейх, мечтая увидеть красоту возлюбленной,
смешался со сворой собак с ее улицы...»
(Из религиозной книги «Мантик ут-тайр»).*

Причиной всему стала придирчивость редактора. На самом деле радиопьеса получилась хорошей, чисто записанной, без шумов и посторонних звуков. Мы с актерами месяцами ее шлифовали, композиторы специально написали музыку для пьесы, я с помощником шесть месяцев день и ночь без сна и отдыха ломал над ней голову и вот, когда уже показалось, что все мучения позади, вдруг у редактора родилась новая идея. На самом деле идея была не так уж и нова. Когда я работал

над пьесой, и позже, сидя в монтажной, я подумывал, что, если включить в запись природные звуки, то произведение только выиграет, станет совершеннее, но из-за перегрузок и недостатка времени я все откладывал.

А теперь редактор внезапно объявил:

– Произведение очень хорошее. Но для того, чтобы победить в конкурсе, мы должны включить в запись природные звуки. Пение птиц, шум деревьев, ветра, бляение овец, в общем, в зависимости от сцен в произведение надо включить задорно – веселые звуки природы. Необходима гармония живого веселого звукового фона с торжеством и ликованием героев. Природа должна радоваться счастьем героев и, если мы сможем создать удачный звуковой фон, награда, считай, у нас в кармане.

Главный редактор собирался сказать о том, что времени в обрез, но после фразы редактора, мол, «считайте награда в кармане», все внезапно согласно закивали головами:

– Обязательно нужно сделать. После таких финансовых затрат можно и еще чуть-чуть помучиться. Если придется увеличить расходы, компенсируете за счет премии. Но нужно торопиться. Времени очень мало.

Проявлять недовольство было бы неуместно. Итак главный редактор был недоволен потому, что расходы на радиопьесу были превышены. Получить эту премию было не только нашим, но и его искренним желанием, он был очень заинтересован в этом. Будучи художественным руководителем пьесы, он знал, что в премии была и его доля.

Хотя нам с помощником казалось, что работа уже закончена, и не хотелось снова возвращаться к этой головной боли, мы решили начать запись на следующий день. Для начала мы проверили звуковой архив радиофонда, убедившись, что ни один из этих шумов не подходит: одни от частого переписыва-

вания потускнели, другие звучали как-то искусственно. Ни один из них не мог отразить радость и ликование природы, что было необходимо нам. Значит, придется записывать новые звуки.

Мы мысленно перебирали всевозможные места: кишлаки, поля, примыкающие к городу. Но в кишлаках сейчас горячая пора полевых работ, шум тракторов. Наши микрофоны настолько чувствительны, что если попадут посторонние звуки, от них невозможно будет избавиться. Нам необходимо возвышенное ликование и радостные звуки под стать только что просыпающемуся времени года: стрекотание насекомых, щебетание птиц и пташек; необходимо такое местечко, где будут звучать и сливаться в единую мелодию счастливые голоса птиц и растений, деревьев, насекомых, букашек – всего живого. Поэтому мы решили отправиться для записи в аллею старого парка на окраине города. Отдел благоустройства, без ведома которого ни один цветок не имел права произрастать, почему-то забыл привести его в порядок. Заросли деревьев в парке были густыми, кроны раскидистыми, и казалось, все городские птицы свили гнезда на этих деревьях, много лет не слышавших звуков пилы. Мой помощник по телефону всё согласовал с администрацией отдела благоустройства. До десяти часов утра администрация никого на аллею не впустит. С раннего рассвета до десяти мы могли записать огромное количество звуков – шелест деревьев, щебетание птиц, стрекотание насекомых, радостный шум свежего ветра, переполненного ликованием и благодарностью жизни, подобно героям нашей пьесы, нашедшим себя и искренне мечтающим изменить мир, найти свое счастье. Эта возможность нас устраивала.

– Все, хватит, – послышался голос рядом со мной.

Открыв глаза, я увидел звукорежиссера, стоящего надо

мною и глядящего на меня сверху. Он уже давно собрал магнитофон и аппаратуру, приготовившись уйти.

– Достаточно. Я дважды записал нужные вам звуки. Их хватит еще на десять пьес.

Указав на часы, я хотел высказать свое недовольство, так как он сам не желая того, лишил меня удовольствия. Но часы показывали без пятнадцати десять. Через пятнадцать минут сюда хлынет толпа празднующихся людей, спасающихся от жары. Я понял, что нам пора покинуть это место.

Когда мы были уже в середине парка, в ворота ворвалась веселая толпа молодежи. Войдя, они сразу же растеклись по всему парку, и началось какое-то свое, особое веселье. Парк наполнился веселой музыкой, песнями, льющимися из радио, закружили продавцы, заскрипели качели, «Колесо обозрения». Картина, которую мы наблюдали совсем недавно – счастливое щебетание птиц, устроившихся на деревьях, величественное и торжественное шуршание деревьев – весело звучащая гармония парка, безусловно, значимая, исчезла, разрушенная новыми звуками. Это немного испортило нам настроение, но, закончив запись, мы все-таки радостно поспешили на работу.

– Вы эти звуки распишите по сценам, – сказал я звукорежиссеру, впрыгивая в трамвай. – Мой помощник будет рядом. Я поищу начальство и приглашу после обеда для прослушивания.

Звукорежиссер и мой помощник закивали головами. Я तोпил их потому, что они после окончания этой работы, попросили пару дней отпуска.

После обеда все, как обычно, собрались в моем кабинете. Главный редактор с удовольствием удобно устроился в кресле. Члены Совета, два глуховатых пожилых режиссера, сели поближе к магнитофону. Редактор, как обычно, сел рядом

с главным редактором. Он был доволен тем, что руководил всем этим, и что по его предложению сделано столько работы, поэтому слегка важничал. Звукорежиссер с чувством выполненного долга сидел около двери, попивая чай и обмахиваясь платочком, всем своим видом как бы говоря: «сейчас увидите чудеса, созданные мною». Мой помощник начал включать озвученные утром сцены. Поначалу я ничего не понял. Может, мне показалось, подумал я, и тихонько, краешком глаза глянул на главного редактора. Нет. Я не ослышался. Главный, недоумевая, вопросительно поглядывал то на меня, то на редактора. Двое же пожилых режиссеров, приставив руки к ушам, сидели разинув рты от изумления. У моего помощника перехватило дыхание. Он стоял, растерявшись, не зная, что делать у кнопки магнитофона. Вместо жизнеутверждающей гармонии звуков, передающих возвышенное состояние души, звучало что-то унылое, печальное, тоскливое, жалобное, то, что я смутно слышал в парке утром. Ничего не понимая, я посмотрел на помощника.

– Что это?! – раздался, наконец, разъяренный голос главного редактора. – Вы что шутите?

Мой помощник посмотрел на звукорежиссера. Лицо звукорежиссера побледнело. Вскочив с места и сердито глянув на моего помощника, он стал рассматривать номера поставленной ленты. Затем удивленно достал из кармана тетрадку и стал что-то искать, судя по всему, номер ленты. Потом, кажется, найдя, вновь посмотрел на ленту.

Ничего не понимая, он оцепенел на некоторое время.

– Кажется, мы записывали на эту ленту. Точно, эта лента. Интересно... – сказал он растерянно.

– Что, у нас времени девать некуда? – злился редактор. – Точно эта лента?

– Да, – неуверенно сказал звукорежиссер. – Эта была. Кто знает, ... может, перепутали...

Он виновато глянул на нас и поспешно вышел из комнаты. Мы слышали, как он бежал по коридору.

– У них с мозгами не все в порядке, – недовольно буркнул главный редактор. – Вот сразу видно, каково отношение к работе. Разве можно перепутать номер ленты, у него все в порядке с головой?

Он строго посмотрел на меня, потому что я всегда защищал группу, работавшую со мной. На этот раз мне нечего было сказать: он был прав. В самый ответственный момент звукорежиссер и мой помощник подвели меня. Чуть погодя звукорежиссер вернулся с целой охапкой лент.

– Вот все ленты, на которые я записывал звук и делал монтаж. Может, я от усталости перепутал номера ... – И стал внимательно просматривать принесенное. Но ни на одной из лент не было нужных звуков. Звукорежиссер все более изумлялся.

– Слушайте, – сказал, наконец, редактор. – Поставьте ленту, которую вы записали сегодня утром. Мы сами решим, какие звуки выбрать. Поставьте заново. Если так и дальше пойдет, все редакционные записи придется прослушать.

Мне показалось это разумным. Чем попусту спорить, надо прослушать все записи, сделанные с утра, и вмонтировать нужные звуки в сцены. Одобряя предложенное, звукорежиссер посмотрел на одну из лент и поставил ее. Нас как будто холодной водой окатили. Чисто и отчетливо зазвучал вой, который мы уже слышали недавно. Звукорежиссер обессилено плюхнулся на стул. На нем лица не было.

– Мы же утром на эту ленту записывали, откуда этот звук?

– Может, наша запись в конце? Прокрутите, – с надеждой предложил мой помощник.

Звукорежиссер перемотал ленту. Но ней была только одна

мелодия, словно над нами кто-то посмеялся, в каком бы месте ни нажимали кнопку, отовсюду звучали надрывные стоны. Но это были не просто стоны. Это была какая-то унылая, печальная мелодия природы, щебет и шелест удручали, терзали и печалили душу и совершенно не вписывались в нашу пьесу, это был тоскливый вой потерявшей хозяина собаки.

– Что это?! – вспыхнул главный редактор, привстав с места. – Вы позвали, чтобы подшутить над нами?

Он пристально и неприязненно глядел на меня. Я пожал плечами.

– Сегодня утром мы сделали прекрасную запись. Не знаю, что происходит!

Я смотрел то на звукорежиссера, то на помощника. Они суетились, хватая то одну, то другую кассету, пихали в магнитофон, слушали, но ожидаемых звуков не было. Наконец, звукорежиссер устал. Не глядя на нас, он сел на стул, стараясь что-то припомнить.

– Что случилось, я вас спрашиваю. Вы, что снова стерли запись? – главный редактор подумал, что они нечаянно стерли запись на пленке, такое частенько случалось на студии.

Звукорежиссер негодуяюще посмотрел на него, губы его дрожали. Теперь он не робел перед начальником, вел себя необъяснимо упрямо и грубо, как человек, которому нечего терять.

– Нет. Нет, мы ничего не стерли и не перепутали. Если бы мы стерли, то остались бы две другие записи. С ленты, которая была записана в парке, звучит то же самое.

– Я не понял, – еще больше поразился я. – Полчаса назад разве не вы говорили, что вписали звуки в сцены?

Звукорежиссер растерянно моргал:

– Да, говорили. Но вы же видите...

– А утренняя лента?

– Утром я на всякий случай записал на две ленты. Но и на

них вой. Но ни этого воя, ни собаки рядом не было. Что и удивительно. Недавно, когда мы распределяли звук по сценам, все было нормально. Не знаю, что произошло.

Главный редактор хоть и не понял ничего, но примирительно вздохнул:

– Вы, случайно, с утра не выпили? Может, вы навеселе записывали звуки?

Я раздраженно посмотрел на него, мол, «не возводите напраслину!». Он знал, что я не любитель пить, особенно по утрам. Поэтому он, отведя глаза, погрозил звукорежиссеру.

– Хватит. Ищите ленту, или завтра снова отправляйтесь на запись. На этот раз возьмите с собой другого звукорежиссера на всякий случай. Слишком затянулось это дело... – раздраженно сказал он и недовольно вышел. За ним вышли редактор и двое пожилых режиссеров. Теперь мы неторопливо стали снова прослушивать все по порядку. Но от записанных звуков не было и следа. Утром на лентах, специально отмеченных для работы, тоже звучала едва слышная унылая печальная мелодия – вой собаки, потерявшей хозяина. Если это шутка, то шутка весьма грубая.

– Может, когда мы уходили на обед, кто-то из вредности поверх записал эти звуки? – сказал мой помощник. – Сколько завистников!

Звукорежиссер покачал головой:

– Нет. Не может быть. Перед тем, как пойти на обед, я положил эти ленты в свой сейф.

– Что, думаешь, ни у кого нет ключа от твоего сейфа? У людей из не взломанных сейфов деньги пропадают.

Я не вмешивался в их спор. Объявив, что завтра утром мы снова пойдем в парк на запись и что необходимо взять с собой еще одного звукорежиссера и еще один магнитофон, я отправился домой. Еду в трамвае, а в ушах звучат те тоскливые

ночи. Интересно, я столько лет проработал на радио, знаю, как пять пальцев все его звуки и музыку, но такого воя никогда не слышал. Чья это шутка, или злодейство? Я перебрал всех коллег из других студий, претендующих на премию. Но не мог поверить, что они могут до такой степени быть подлыми.

Наутро мы снова записывали звуки в парке. На этот раз было два режиссера по звуку и три записывающих устройства. Звукорежиссер захватил с собой второй магнитофон. Мы стали записывать утренние голоса птиц, насекомых, растений — звуки, которые воплощали гармонию природы, все сущее, живое и созидающее. Я лежу с закрытыми глазами, погружившись в веселые птичьи напевы и стрекотанье насекомых, и вдруг слышу вчерашний вой с ленты. Испугавшись, я посмотрел на других. Они молча продолжали работать. Значит, мне почудилось, перенервничал вчера, подумал я. Но звуки становились все явственнее. В щебете птиц они были едва уловимы, но если прислушаться всем существом своим, то в этих веселых напевах слышен тоскливый вой, он то появляется, то пропадает, словно проигрывая в соревновании со счастьем и радостью. На всякий случай я посмотрел вглубь чащи: нет ли там какой-нибудь собаки. Чтобы опять не работать впустую, я присмотрелся внимательнее и мне показалось, что в чаще мелькнула большая собака, которая смотрела на меня высунув язык, как будто усмехаясь. Я зажмурился, открыл глаза — и увидел, что это топорщится ветка напоминающая силуэт собаки. Мне стало смешно. Но я явно слышал собачий вой. Это очевидно. Что это за собака, у которой разрывается сердце?! Чтобы засвидетельствовать чистую точность записи, звукорежиссеры низко наклонились к оборудованию, затем, довольные, подняли головы. Значит, ничего необычного нет. Мне показалось, что всё это результат вчерашних треволне-

ний. Мы ни на минуту не сомневались, что дело наше успешно продвигается. Поэтому я решил прослушать звуки завтра и, выйдя из парка, попрощавшись, отправился домой.

Вечером мне позвонил мой помощник. Он был очень взволнован:

– Скажу, не поверите. Со всех лент опять звучит вой. – Чувствовалось, что он готов разрыдаться, в комнате, откуда он звонил, наверное, были и звукорежиссеры, слышались раздраженные голоса. – Приходите.

Я, быстро одевшись, отправился в студию. В звуковой студии собрались звукорежиссеры и редактор.

– Никак не пойму. Откуда это? Ведь мы записывали другие звуки?! – раздраженно восклицал звукорежиссер.

– Может, вы записывали на другом канале? – спросил кто-то из специалистов.

– Все каналы проверили. Кроме этого воя, нигде ничего нет.

На самом деле, со всех лент звучал только этот тоскливый, надрывный вой и, самое интересное, именно этот звук почудился мне в парке. Я остолбенел. Я понял, что дело не в ленте, не в записи. На самом деле, собака была в парке среди деревьев и выла, как бы мы ни старались, на записи будет звучать только ее голос. Какая тайна в этом? Что это за собака? В ее вое было какое-то таинственное предостережение. Наши приборы записывали, казалось, голоса разных птиц, на самом же деле записывался тот же таинственный еле слышный вой. Почему? Что это за звук? Как он подчинил себе современное оборудование, и вместо необходимых нам счастливых звуков постоянно слышен только тосливо-горестный вой собаки? Что это за собака? Что это за вой, что за роковая мелодия?

Редактор вышел из себя. Он, кажется, вспомнил все недо-

разумения между нами и решил, что я делаю это специально. Выпучив глаза, он тыкал в меня пальцем:

– Вы... Вы ответите за это. Что вы хотите этим сказать? Что значит эта шутка?! Вы еще слушателям поставьте этот вой! Почему собака вост? А?

– Я тоже хочу это знать, – сказал я неожиданно спокойно. – Что это? Что хочет этим воем сказать нам природа? Я тоже не могу понять. Но это очень странная мелодия. Ее невозможно специально создать. Это готовый мотив.

Редактор, желая мне что-то возразить, снова затыкал в меня пальцем. Вспомнив, что он ничего не смыслит в музыке, я понял, что мои слова напрасны. В большинстве случаев, когда он давал текст для прослушивания, он говорил режиссерам: «Во время чтения поставьте какое-нибудь тренькание». А режиссеры посмеивались над ним: «Действительно, кроме этого тренькания – ничего, только это тренькание» Он знал отношение режиссеров к нему, но спорил с ними, чтоб поддержать свой авторитет. И сейчас насторожился, лихорадочно соображая, стараясь подавить раздражение.

– Через пять минут встретимся у главного редактора.

Он с силой хлопнул дверью. Я посмотрел на звукорежиссера. Он пожал плечами. Мы еще раз прослушали записанные ленты. Со всех лент звучал вой. Я попросил своего помощника переписать эти звуки на аудиокассету и, захватив ее, отправился к главному редактору.

Однажды, возвращаясь с обеда, я увидел, что в коридоре около моего кабинета собрались коллеги – как будто что-то случилось. Я ускорил шаг. Увидев меня, мой помощник кинулся мне навстречу. Он был бледным и, оказывается, долго меня искал.

– Вас ждет главный редактор у себя, – сказал он с тревогой и сочувствием.

– Что случилось? Делят премию? – спросил я, указав на собравшихся у моего кабинета.

– Нет. Кто-то видел в вашем кабинете собаку, – ответил он. – Многие видели. Все собрались засвидетельствовать это.

Его слова показались мне смешными. По-моему, коллеги сошли с ума. Торопливо вхожу к себе, помимо главного редактора, там еще редактор и два человека из хозяйственной части. Они о чем-то перешептывались. Увидев меня, тут же замолчали.

– В чем дело? – посмотрел я на редактора и главного.

– Вы знаете, что приводить на рабочее место собак нельзя, – спросил главный редактор, словно поймал меня на месте преступления.

– Знаю, – сказал я. – Я не приводил сюда собаку.

– Неправда, – сказал низенький человек из хозяйственного отдела. – Уборщицы уже месяц говорят, что в вашем кабинете пахнет псиной. К тому же... – он вопросительно посмотрел на главного редактора, будто спрашивая разрешения. Главный кивнул головой, он продолжал, – ... из этого кабинета ежедневно выметают собачий помёт.

– Не может быть, – сказал я. – Я никогда не приводил сюда собаки. Это клевета.

Редактор что-то прошептал главному на ухо.

– Вы правда держите дома собаку? – спросил главный редактор чуть погодя.

– Да, держу, – ответил я, вспомнив, что редактор недавно заходил ко мне и, увидев собаку, даже поостерегся войти, не этот ли франт все это устроил?!

– Тогда всё ясно, – сказал главный редактор. – Так вот. Выбирайте: либо работа, либо собака. Сегодня же выбирайте. И без того среди сотрудников ходят разные разговоры, что здесь везде пахнет псиной. Я не хочу, чтобы эти разговоры дошли до начальства.

Он встал, дав понять, что закончил, брезгливо держа у носа платочек. Редактор тоже поморщился. Только я не чувствовал никакого необычного запаха.

Ваша комната насквозь пропахла собаками. Нужно проветрить, – сказал низенький человек из хозяйственного отдела. Глядя на него, я язвительно рассмеялся. Он был из тех, кто готов был растоптать всякого, кого пнул начальник.

– Послушайте, нет ли здесь связи между воем собаки на улице, этим запахом и тем, что вы держите собаку? – спросил редактор, будто решая важную загадку. – Мало того, что вы издевались над нами, вынуждая слушать собачий вой, так еще собаку держите в кабинете, вы превратили рабочее место в псарню!

Я промолчал. Я знал, что ему бесполезно что-то объяснять. В коридоре стояли коллеги, наблюдая за происходящим, и было заметно, что они сочувствуют редактору. Наутро я объявил о своем выборе и пошел со своей собакой в парк.

Придя в парк, моя собака завывала и, закрыв глаза, я тоже завывал, телом оставаясь в парке, но душой уносясь с горестным воем далеко–далеко, откуда всему начало. Мелодия воя мне позволила ощутить еще уцелевшее душевное сияние. Потом мы будто возвращались с моей собакой оттуда, где еще ничего не названо, ничему не дано имени, и я ощущал, что мы с ней единое целое. Я ощущал в те минуты, что существо моё будто раздваивалось, и часть меня сливалась с собакой. Вой превращал меня в нечто, растворял в парке, затем опять возвращал в облик собаки, концентрируя, и опять растворяя. И тогда я понял, что вся моя жизнь – это секунда между этим растворением и концентрацией. Собака растворяла меня, а я мучительно собирал себя по крупичкам, она словно играла со мной распыляя, поглощая меня. Распыленный, рассеянный в этом мире, желая увидеть силу, которая так просто расправляется

с моим существом, я, глядя на собаку, шепчу: « Кто ты, чего ты хочешь, ты собака, почему мы как единое целое?!». Может быть, и она так же смотрит и спрашивает меня? Мы, стоя друг перед другом, пытались уточнить, кто мы друг другу. Почему и чем мы связаны воедино? Мы были одним существом, были поддержкой друг другу. Мне доставляло страдание разъединение душ, наше отчуждение. Когда мы вместе, боль разлуки стихала, если расставались ненадолго, все моё существо тосковало. Я хотел превратиться в собаку, быть рядом с ней,лизывать своим, пламенеющим, как знамя любви, языком ее длинное покрытое коростой тело и хотелось, чтоб она лизывала мое больное тело, покрытое струпьями невежества, и получать удовольствие. Я хотел раствориться в ней, тая от наслаждения, мечтая утонуть в этом удовольствии.

«200... год

Репорт помощника режиссера

.....»

СОБИР УНАР

(род. В 1974 г.)

БРАТЬЯ

Честно говоря, солнце попадает к нам только через дом хаджи¹ бобо². Перед тем, как проникнуть к нам, солнечные лучи освещают сначала его дом: просторный, с общей стеной, с широким, как степь, двором. Поодаль, чуть ниже, вот уже два года, стоит, как памятник, «хромой» на одну ногу трактор Т-28, если его и можно сдвинуть, то только на буксире, а если самостоятельно покатится вниз, тут же взорвется и сгорит, в кишлаке трудно найти транспорт со «здоровым» аккумулятором.

Так или иначе, пока трактор стоит, вреда от него никому нет. Если принять во внимание, что внуки хаджи бобо от младшего сына катаются на готовом «безгласом» ишаке, то его можно считать даже полезным.

В одном доме у хаджи бобо живут три семьи. Старший сын в степи, но его дети здесь, в доме. Младший сын тоже в доме. У него четверо детей. Средний женился во второй раз. Первая его жена не рожала – отпустил. От второй – три дочери. Невестка, говоря языком нашего кишлака, точь-в-точь «черная пятка»: не зная покоя ни летом, ни осенью, со всех близлежащих окрестностей собирает и несет в дом кизяк³.

¹Хаджа – мусульманин, совершивший паломничество в Мекку и Медину

²Бобо – прибавляется к именам стариков при почтительном обращении к ним или упоминании о них.

³Кизяк – прессованный навоз, употребляемый как топливо.

Всю зиму три хозяйства пользуются этими «дровами», греются. Конечно, другие тоже не сидят без дела, но стар и млад говорят только об этой невестке. Теплая вода для каждого религиозного омовения в перерывах между кратким сном хаджи бобо всегда готова, всегда готов крепкий чай, как только он пожелает. Люди желают невестке рождения ребенка. Общее благословение хорошо, да и хаджа бобо, в кишлаке единственный хаджа, – его благословение уж точно будет услышано. Бог обязательно подарит ей сына.

В маленькой комнате, где живет хаджа со своей старухой, на стене висит бубен, обернутый в белоснежную бязь, память о его умершей матери. Старуха прожила сто лет. Но в свои девяносто она еще у котла с сумаляком¹ хлопотала, или на свадьбах, когда не было артиста, пела такие терма², что молодухи не могли удержаться и пускались в пляс.

В прошлом году, совершая паломничество в священную Мекку, хаджа бобо и от имени матери посетил святые места. Может, поэтому дом его столь благополучный и светлый.

Мой однокашник, младший сын хаджи, увлекается улаком³. Есть у него одна беспородная лошадь. Во время празднеств в честь улака, он... ха-ха-ха, верхом на ней врывается в толпу. Поначалу Норбута изрядно выпивал, но, когда отец стал хаджой, сразу же перестал пить и стал молиться. А вот от «чертовой игры» – улака – не смог отказаться.

С вечера мы, два наездника и двое на обычных лошадях, отправились в Кизил Олму, где назавтра должен был быть улак.

Я предложил поехать не в самую Кизил Олму, а в селение Ингичка, к моему тестю, поставить там лошадей на выстойку,

¹Сумаляк – нац. блюдо, готовится по праздникам.

²Терма – фольклорный песенный жанр.

³Улак – спортивная игра, козлодрание.

а утром спуститься на праздник. Кумак ака¹ не согласился, объяснив, что с устроителем праздника Карабашем он дружит почти сорок лет, что тот примет нас с радостью, все, что есть на стол выставит, а если услышит, что мы остановились у кого-то другого, очень обидится. Он очень настаивал, и я согласился.

Вокруг темнога, электричества нет. У нас – то по вечерам хоть два три часа свет горит, а у этих бедолаг и этого не бывает.

На наш зов «дядюшка той»², кто-то в калошах, наконец, вышел. Объяснив, что Карабаш ака изрядно выпил с приехавшими армянскими друзьями, опьянел, человек отвел нас через сая³ и в сторону зарослей, к младшему брату хозяина Эсиргапу. Дом хозяина стоял на окраине, места для наших лошадей не оказалось, и мы, привязав их, где придется, вошли в дом. По середине комнаты стоял масляный светильник, было холодно, печка не топилась, ежась от холода, мы присели. Стали накрывать на стол – хлеба нет; через некоторое время появился хлеб, чая нет. О боже, сколько же еще это будет длиться! Сидим, ждем. Я надоел Кумак аке, мол, еще не поздно идемте к моему тестю.

Но ака не соглашался. «Твой тесть не умеет встречать гостей. А то уважасмые люди, они знают, что к чему», – убеждал он меня.

Через какое-то время принесли блюдце с несвежими окаменевшими конфетами и тарелочку парварды⁴, которая, кажется, еще с прошлого хаита⁵ осталась. И все. Наездники

¹ Ака – обращается к мужским именам собственным при почтительном отношении или упоминании.

² Дядюшка – родственник.

³ Сая – небольшая речка.

⁴ Парварды – сладость из муки и сахара.

⁵ Хаит – традиционный праздник.

рассчитывали на знатное угощение, но мы с Кумак ака не наездники, а алилуйщики, хотели просто пообщаться, весело провести время на празднике. Но Бог, кажется, не услышал наших желаний, и мы сидели как четыре молодца в заточении. О еде никто не хлопчет, никто не появляется. Хотели уже спать лечь, но дом холодный, печка не топится. Через некоторое время какой-то человек пришел вроде печь затопить, брызнул керосину, пламя вспыхнуло и снова погасло. Только комната дымом наполнилась.

Кумак ака, задыхаясь, открыл окно. За окном послышался чей-то хрип.

– Вот, из уважения к гостям барана режут, – обрадовался Кумак ака, потирая руки.

Но хрип продолжался и, внезапно прекратившись, перерос в сдавленную брань: «я твою мать так-то так». Трудно было воспринять это «уважение»: то ли нам, то ли кому-то другому оно предназначалось. Вслед за этим послышался громкий треск. Кажется, дрались двое мужчин. Поток брани последовавший вслед за этим, подтвердил этот факт.

Кумак ака хотел разнять их. «Оставьте, не вмешивайтесь, завтра загаскают по милициям», – уговаривал я. Драка и брань усиливались, достигнув кульминации. Теперь было слышно, как двое дубасили друг друга дубинками. Я вскочил с места: «Может, они из-за нас ругаются, а вы настаиваете здесь остаться. Идемте, отсюда».

Выскочив в переднюю, я задел ведро с водой, оно опрокинулось и, поскользнувшись, я уселся прямо в лужу. Весь намок, испачкался, однако все равно бросился наружу. На террасе в свете тусклого фонаря под столбом кто-то лежал. Смотрю – женщина, хотел помочь подняться – мертвая. Лежит неподвижно, словно деревянная. Из дому вышел старик. Поднес поближе фонарь и начал на чем свет стоит матюкать

драчунов.

Я похолодел. Только этого не хватало, теперь придется проходить свидетелем по убийству. Старуху подняли, внесли в дом. Не дышит она, ноги холодные. В этот момент я вспомнил, как учил нас наш командир, когда человек в бессознательном состоянии, надо сзади крепко сдавить шею и наклонить голову вперед. Я так и сделал, старуха вдруг захрипела, изо рта хлынула пена, но теперь она начала дышать. Положив старуху, я сказал, чтоб невестка или ее дочь массажировали старухе ноги, и вышел. На террасе размахивал увесистой палкой старик, грозя двум юношам: выходите обоих прибыю.

– Отец, остыньте, мы пришли к вам на праздник, мы гости, – обратился я к нему, уговаривая отдать палку.

У одного юноши разбита голова, кровь хлещет, у другого расцарапано лицо, подбит глаз.

– Приятель, – обратились мы к нему, – мы уходим, вызови врача, пусть он перевяжет рану брату и мать заодно посмотрит.

– Врач далеко, я за ним не пойду.

– Где он, мы сами ходим.

– В Кушилише.

– Эге, а своего у вас врача нет?

– И наш там, в Кушилише.

И, повернувшись, он направился к другому дому. Мы остались в растерянности. Потом нашли человека на мотоцикле и едва упросили его съездить за врачом, дав несколько сумов¹ за бензин.

Кумак ака предложил отправиться на праздник. Я же предлагал отправиться в селение Ингичка. Но было уже поздно.

¹Сум – узбекская денежная единица.

Мои попутчики – палваны² Олмос и Норбута – огорченные и напуганные происходящим, готовы были забрать своих лошадей и вообще уйти. В конце концов, решили идти к брату скандалистов, устраивающему праздник, Карабаш палвану. Пришли, нас вновь встретил все тот же человек в калошах. Ввел нас в дом полный пьяных гостей. Было так накурено – не продохнуть.

Пришлось терпеть. «По крайней мере, покушаем», – подумал я. Но стол был скудным: ни еды, ни чего-то стоящего, чем можно обмануть желудок, не было. Выпив пару пиал чая, мы немного согрелись.

Кумак ака присоединился к пьющим. И успел выпить пять – шесть пиал водки. Пьяно гримасничая, он начал бормотать что-то нечленораздельное. Вскоре всех пирующих сморил пьяный сон. Задремал даже парень – помощник, облокотившись о печку. Нам тоже хотелось спать, но пристроиться было негде. Волей-неволей мы были вынуждены возвратиться в скандальный дом.

Пришли, а «умершая» старуха, как ни в чем не бывало, копошится во дворе. О, Боже, что это – галлюцинации? Но то, что не умерла, хорошо.

– Это каменная старуха, она не умрет, моя матушка, она Корабош палвана родила, – забормотал Кумак ака и, шатаясь, первым шагнул в гостиную. Не успели мы еще сапоги снять, как оттуда выскочила женщина. Мы не поняли, что случилось.

Вошли, а у Кумак ака глаза стеклянные, неподвижные в свете масляного фонаря, как у памятника. Хмель его, кажется, улетучился.

– Что вы сделали? – спросил я.

– Ничего, ничего, – сказал он жалобно.

¹Палван – богатырь, силач.

– Лучше умереть, чем так позориться на старости лет!

– Да, ничего. Ничего, – повторил он снова. – Я в темноте подумал, что здесь тот парень-драчун, не понял, что это невестка, открыл лицо – молчит, откинул одеяло и как пнул в зад, а она как запищит, как вскочит, как коза. Что теперь будет?

– В тогдашней ссоре никто не погиб, похоже, что кто-то умрет сейчас, готовьтесь, – сказал я.

– Неужель, ай, неужель! – неожиданно для себя перешел на русский Кумак ака.

– Вот, увидите...

Говоря честно, действительно, такая опасность была. Поэтому мы стали готовиться к возможному побегу, открыв оба окна, надев сапоги, стояли готовые в любую минуту бежать, если появится какая-то тень со стороны двери.

Под окнами был достаточно глубокий овраг, так как дом стоял на склоне возвышенности, укрепленной камнями, упадешь – точно покалечишься. Та драка происходила в этой низине.

Рассвет никак не наступал, нам не спалось. Кумак ака сожалел о сделанном по пьянке и без конца повторял вздыхая: «меня надо убить, меня...». Смотрю на стены, сплошь увешанные узорчатыми сюзане¹, с портретом новобрачных в деревянной оправе под стеклом посередине.

– Вы не его, а его невесту под зад пнули. Сейчас жених топором всех нас перерубит, – подначивал я.

– Вай, умрем, – воскликнул Кумак ака. – И в самом деле, это дом невестки.

Но, что удивительно, это событие, способное спровоцировать убийство, в этом скандальном доме осталось без внимания.

¹ Сюзане – гобелен, гладкая ткань с вышивкой в национальном стиле.

Тем не менее, окна открыты настежь, мы до утра не спим, как солдаты бдительно охраняющие границу.

Зимняя хлопотная ночь показалась очень длинной...

Начало светать, в дом вошел старик с вязанкой дров.

– Гости дорогие, что же вы в зимнюю стужу окна раскрыли? Палваны и есть палваны!

Его появление свидетельствовало о том, что беда миновала, мы облегченно вздохнули. «Приговоренный к смерти» Кумак ака, внезапно придя в себя, загрохотал, обращаясь к старику «отец мой».

На печке засвистел чайник. Во время чая оживленно обсуждали предстоящий улак. Словно и не было в этом доме злополучного сражения.

Норбута – палван все же, между делом, спросил старика, кем ему доводятся вчерашние драчуны. Старик сначала выругался: «их мать так-то так», затем сказал:

– Оба – мои сыновья

– Да ну, – усомнился Олмос – наездник – мы думали, что это два пьяных с праздника.

– Нет, с разбитой головой мой младшенький. Немного избалованный. Держит пять–шесть клеток с кекликами. Приехавший из района к его брату приятель – финансист восхищался ими, ну тот и подарил одного. Невестка об этом мужу рассказала. Вот и произошел этот скандал: зарезу, зарублю кричит брат брату, сами же видели, а кому плохо – ему, на свою голову все. Если бы задел краем топора, голову начисто снес бы, а что потом было бы – погиб бы. Праздник превратился бы в траур. Вот стыд! Ведь людей для улака сюда создали. Старшего брата Карабаша почетным именем зовут «палван». Правда, палван!

Олмос – палван побледнел, как полотно, аж посинел.

– Ну, лучше, вашему сыну?

– Кто знает, лежит на той крыше, стонет, помирать собрался. Врач Тоштемир перевязал его, хоть тоже выпивший, прошил водки, не дали - ушел.

– А старуха как? – спросил Кумак ака.

– А что ей... – начал снова браниться старик. – Эти парни разбираются, а она решила разнять их, встала между ними. Кто-то из них оттолкнул ее, мол, отойди, ну, она и ударилась головой об столб, чуть не умерла. Хорошо, что столб был, а то упала бы с каменной стены, шею точно бы свернула и померла. Ай, не обращайтесь внимания, гости, давайте говорить об улаке.

Перекусив, мы отправились к месту, где должен быть праздник. Там остались лошади, нужно было их готовить к улаку. Ближе к полудню на джайлау¹ Карагатоша начался улак.

Выходя из злополучного дома, я глянул на место, куда упала старуха. Бог ее сохранил. Если бы не ударились об столб, то, упав с каменной стены, точно бы Богу душу отдала...

На окрестности опустился плотный туман. Устанавливают большой праздничный казан. Люди копошатся вокруг. Наши лошади привязаны за хлевом. Перед каждой охапка клевера...

Ничего худшего нельзя было придумать. Годится ли сытая лошадь для улака? Как ни гони ее, как ни бей плетью... толку не будет.

Как и предполагалось, улак оказался ужасным. Палваны наши не смогли ни приз, ни знамя завоевать. К тому же был густой туман.

Когда возвращались в кишлак, выглянуло солнышко, хоть уже вечерело. Это добрый знак – завтра будет тепло.

Возвратившись домой, я оглянулся в сторону кишлака Кизил Олма. Дом ходжи бобо казался светлым и благополучным.

¹Джайлау – выпас, летовка.

Его сын со степи, кажется, привез тележку и прицепил ее к трактору. Завтра, наверное, будет его приводить в движение.

СЫН МЕЛЬНИКА

В детстве дедушку Мардибоя, соседа моего дяди, к которому я частенько навещался, чтобы поиграть с его сыном, я видел много раз. Небольшого роста, в клетчатых штанах, зимой и летом в калошах на босу ногу и верхом на черном без седла и упряжки ишаке, проворный, ловкий, с хриплым голосом и привычкой часто-часто прокашлявшись, сплевывать. Говорили, что этот человек всю жизнь проработал на единственной в кишлаке водяной мельнице и из-за мучной пыли осип. Поговаривали, что в трудные годы коллективизации он один против двадцати человек побеждал в соревновании во время жатвы пшеницы. Районное начальство и председатель, оценив его труд, вечером ему преподнесли целый тандыр¹ лепешек. У этого человека всегда был волчий аппетит, он тут же съел весь хлеб, макая в воду, и ночью при свете луны закончил жатву еще на таком же поле. Чуть позже в более благополучные времена об этом человеке ходил один анекдот. Старик, хоть и был небольшого роста, но съедал за раз пятьдесят гилминди². Если учесть тот факт, что блюдо это, наподобие фаршированных блинчиков с начинкой из муки, молока и яиц, политых топленным маслом и сложенных в чашке горкой, очень сытное, и что даже самый отъявленный богатырь не более пяти мог осилить, то можете представить наше изумление! Вот аппетит!

¹ Тандыр – небольшая глиняная печь для выпечки лепешек.

² Гилминди – блюдо из муки, молока и яиц

С каким-то детским удовольствием мы часто ходили поглазеть на мельницу, построенную в давние времена в центре кишлака. При входе стояло двадцать-тридцать наполненных пшеницей мешков. Дедушка Мардибой сам сгружал их с ишака и поочередно засыпал в деревянную посуду, вмещающую целый мешок пшеницы. Ей Богу, из этой посуды пшеница полдня, или даже целый день по зернышку равномерно попадала через отверстие в камни, а снаружи, как вода, брызгала мука. Мельник никогда не брался за другой мешок, пока не закончит предыдущий. Из семи пудов один килограмм был долей мельника. Зная, что один пуд – это шестнадцать килограммов задумываюсь, не слишком ли мала эта доля.

Однажды, так как мой отец отправлялся в горы за стадом, меня послали на мельницу к старику. Отец научил меня, что говорить: если спросит, чей ты сын, скажешь сын того то; спросит, пшеницы один центнер? Скажи: да. Все равно старик своим мерным мешком определять будет. Если меньше одного центнера, или больше, он скажет. Спроси, когда прийти за мукой, приходи вовремя, а то он разозлится, мол, мешки угрождают мельницу.

Я сделал так, как велел отец, и меня поразило как малорослый, черный-пречерный, некрасивый, весь белый от муки старик с легкостью сам сгрузил поклажу в сто килограммов с ишака, а утром, погрузив муку и крепко обвязав поверх подруги веревкой, поднял меня и посадил на мешок.

Люди побаивались крутого нрава мельника, но уважали его за честность и даже не помышляли о том, чтоб заменить его.

С верхней стороны большого арыка с напором и шумом по деревянному желобу падала вода, с силой ударяясь о камни мельницы, заставляя двигаться лопасти мельничного колеса. В результате на мельнице стояли шум, грохот и буханье.

Мы, маленькие дети, в саю, что ниже мельницы, ловили

рыбу. Иногда на поверхности воды появлялась водяная змея, и мы все давали деру кто – куда. Однажды в запруде у мельницы, где вода почти неподвижна, мы наловили целое ведро рыбы. Затем искупались. Выходим из воды, а около ведра стоит сын мельника. Он начал пугать, что выкинет всю рыбу в воду. Юноша давно окончил школу и сейчас учится то ли в Самарканде, то ли в Каттакургане. Как и отец, он был черным-пречерным, к тому же неподобающе толстым.

Мы испугались, не зная, что предпринять. Еще бы, жалко столько рыбы! Сазаны в родниковой воде не бывают очень большими, и я надеялся, все ведро рыбы невестка Суймали, жена дяди, очень вкусно пожарит на сливочном масле.

Слава Богу, юноша не сделал того, что обещал. Взяв из ведра самую большую рыбину, он стал пихать ее голову в свой рот. Затем вытащил и заявил:

– Спорим, что я съем ее заживо?

Мы переглянулись. Потому что в наших кошелях¹ не было ни копейки.

– Нищие голодранцы, – сказал он и, взяв рыбу за голову, предварительно позволив ей немного потрепыхаться, снова стал совать себе в рот. Глаза его вылезли из орбит, он покраснел, но все равно с трудом проглотил ее. Затем, подняв рубашку, почесывая живот, сказал:

– Видите, до сих пор не умерла, брыкается.

Уже уходя, приостановившись, хриплым, как у отца, голосом, заметил:

– Если бы в городе я поспорил, то выиграл бы сумов пятьдесят, а из вас ничего не вытряхнешь.

¹Кошель – мешочек, затягивающийся шнурком.

Обрадовавшись, что парень ушел, мы направились в сторону мельницы. Вверху, у мельницы, где брызжет вода, растет кустарник «гулдирган». «Гулдирган» – это похожее на малину колючее растение с мелкими красными ягодами. Если колючки заденут руку, сразу пойдет кровь, если зацепиться за них одеждой, сразу порвешь.

Когда мельник у себя, никто к этому месту не приближается. Тем не менее, такие же, как мы, безголовые, уже собрали и съели поспевшие ягоды, нам же достались горькие, еще незрелые. Сын моего дяди, мой ровесник, толкнув меня, сказал:

– Дедушка Мардибой об эту стену трахнул чашку с гилминди.

Да, кстати, мы начали анекдот о гилминди и отвлеклись. Простите.

Так вот, старуха мельника Ойгул момо¹ испекла по заказу старика на ужин пышные гилминди.

Вечером, взяв фонарь и положив в глубокую чашку политую маслом еду, пришла на мельницу. Старик, давным–давно умывшись и изрядно проголодавшись, без дела слонялся из угла в угол. Обеспокоившись, что еды маловато, спросил:

– Сколько?

– Ваши дети, как и вы – обжоры, тридцать осталось, – сказала старуха.

Старик, на чем свет стоит ругая старуху, хотел даже побить ее, но та, зная крутой нрав деда, предусмотрительно поторопилась уйти. Старик в ярости бросил чашку в стену мельницы. Чуть погодя, пришел учитель Кумак за своей мукой и увидел, как при свете фонаря мельник собирает в сене и всяком мусоре гилминди и жадно их поедает.

¹ Момо – пожилая женщина, бабушка

вмещается в нее и собирается купить машину побольше. В те времена вошла в моду «Волга», считалась самой престижной машиной. Говорили, что Чиндоли ака «Волгу» купил. Проклятой «Волги» даже у председателя не было. Но никто не ездил на ней – ни он, ни дети его – стояла машина, как скакун, готовый для улака¹.

Однажды дети попросили отца разрешить покататься на машине, свадьба была у кого-то в кишлаке, но он не дал. Началась ссора, два сына, отобрав у отца ключи, сели в машину, отец, рассвирепев, взял большую толстую палку и стал бить по лобовому стеклу машины, пока не разбил его полностью; тут юноши все в крови, изрезанные осколками, начали избивать отца. Они избивали его яростно: один железкой, другой палкой, до тех пор, пока не размозжили ему голову, мозги вывалились, глаза вытекли.

На следующее утро они плача стояли, опершись на палки и причитали: «отец наш» По случаю траура, горюя по отцу, они сорок дней не снимали чапаны², поясные платки и тюбетейки...

Много воды утекло после этого. Что делать, эта вода двигала мельницу дедушки Мардибоя. Когда я прохожу мимо мельницы, всегда вспоминаю этого строптивного старика. На этих стенах остались следы его пальцев, его дыхание. При входе в мельницу в нос ударяет запах сырой муки и какого-то вкусного съестного.

Раньше эта мельница никогда не закрывалась, а теперь на ней висит огромный замок размером с голову. Кому она принадлежит – неизвестно. Но мельница, как и прежде, крепкая, ничто не изменило ее.

Неподалеку от мельницы кладбище. Ближе к мельнице покоится дедушка Мардибой. Его сын чуть в сторонке... места мало. Других будут хоронить дальше...

¹ Улак – спортивная игра, козлодрание.

² Чапан – национальная одежда, ватный стеганный халат без воротника

АБДУКАЮМ ЮЛДАШЕВ

(род. В 1962 г.)

ПРОЩАЙ, КРАСОТА...

Пустыня рано или поздно превратится в пустыню, в этих словах, кажется, есть доля правды, потому что вся красота нашего кишлака, расположенного в центре сухой безводной степи, вдруг стала блекнуть. Сначала снизилась урожайность, потом постепенно стали увядать благоухающие сады.

Старики поговаривали, что поднимаются грунтовые воды. В самом деле, особенно осенью земля становилась белой, словно ее круто посыпали солью, появлялись солончаки.

За последние три-четыре года наш аул заметно опустел. Те, у кого были кое-какие средства, переехали в город, а другие – снова в горы, в наш прежний кишлак.

Так и проходила наша жизнь неторопливо, однообразно, скучно. Я мечтал поскорее закончить школу и поступить в какой-нибудь институт, одним словом, как-нибудь вырваться из кишлака.

Большинство мужчин нашего аула были не прочь выпить, поэтому свадьбы без драк не обходились, а женщины целыми днями хлопотали по дому. По вечерам, собравшись за дастарханом¹, смотрели бесконечные сериалы, если их показывали...

В один из таких дней, похожих один на другой, как две капли воды, женился Муслим ака, недавно возвратившийся

¹Дастархан – скатерть, стол с яствами

из армии. На свадьбе мужчины, как обычно, по-скотски напившись, устроили драку, а женщины растаскивали по домам угощение со столов.

Сухонькая мама Муслима аки, мы называли ее, бабушка Марварид, вынесла детям целый белбог¹ парварды². А потом раздала ещё три-четыре больших-пребольших куска наватта³. Вот радость была детям!

Одним словом, свадьба прошла.

И тогда сначала среди людей, работающих в поле, а потом и в ауле поползли слухи о необыкновенной красоте снохи бабушки Марварид. «Эх, можно проглотить с водой ложку и не заметить, да-а!», – восторженно заявил тракторист Аман. Видевшие невестку единодушно присоединились к этой похвале. Как говорят, были даже такие, кто специально по пути на работу заворачивал к дому бабушки Марварид, чтобы увидеть невестку. А детвора уже не в счет – просто не уходила с их двора.

Нам казалось это пустой выдумкой. Но число восхищенных красотой и нежностью невестки росло, так что невольно верилось, что, как говорится, если нет ветра, то и верхушки деревьев не качаются.

Почерневшие от знойных ветров пустыни женщины аула с потрескавшимися губами, огрубевшими руками, на лицах которых только белки глаз сверкали, завистливо шушукались о красоте невестки, а некоторые прямо говорили: «Пусть эта нежная дамочка поработает с нами с кетменем в руках, тогда мы поглядим на нее!»

¹Дастархан – скатерть, стол с яствами

²Белбог – поясной платок

³Парварда – сладость, изготовленная из муки и сахара.

⁴Наватт – леденцы

Женщины оказались прозорливыми. Не прошло и двух недель после свадьбы, как Муслим ака вывел жену в поле на жучку. Действительно, невестка была очень красивой. И имя было под стать внешности – Айсулу. Эту женщину в атласном платье и шароварах, с шелковыми волосами до колен, дети почему-то прозвали «Невестушка Кумуш». Она и похожа была на Кумуш из кино.

Невестка Айсулу стояла стыдливо опустив глаза. Тогда Муслим ака, вручив жене увесистый кетмень, сказал намеренно громким голосом:

– Теперь, жена, это твой кетмень. Работай как все, не отставай от людей. Приходи на работу пораньше, а возвращаться не торопись.

Тяжелым был кетмень. Невестка Айсулу, опустив голову, взяла кетмень, руки у нее такие нежные, тонкие, белые, что, увидев их, мы невольно воскликнули: «у–ув», эти руки созданы не для кетменя.

Муслим ака отошел на шаг и, подперев руками спину, прикрикнул на жену:

– Здесь не твой горный кишлак, эй, хлопок не бараны, самостоятельно гуляя по степи не растёт. Если сможешь – работай, а нет – пеняй на себя, эй...

Продемонстрировав таким образом перед всеми пренебрежение к женскому полу, Муслим ака направился в сторону полевого стана.

Невестка Айсулу с опаской взяла в руки кетмень и умоляюще глянула в нашу сторону. Мы молча принялись за работу.

Э, господи, природа создала невестку Айсулу настолько нежной – да–а! Как только она поднимет кетмень, будто все ее существо рассыпается.

Невестка Айсулу, неумело держа кетмень, присоединилась к нам. Да, кетменем работать надо умело... У невестки

не было ни сил, ни умения: она не могла правильно расчетливо ударить кетменем по сорняку, удары ее были слабыми. С завистью, краешком глаза наблюдавшие за ней женщины, начали отпускать в ее адрес колкие замечания:

– Сестра, кажется, ни разу в жизни не мочила рук в холодной воде... Она думала, что, приехав в пустыню, бу–у–дет невесткой – барыней. Работать кетменем – не хлеб ку–у–шать...

Посмотрев в ту сторону, я увидел, как Айсулу, покраснев от стыда, с усилием орудовала кетменем. Взглянув еще раз, я увидел наполненные слезами глаза невестки...

Как обычно, мы увлеклись работой.

Вдруг я услышал громкий возглас. Взглянул. Невестка Айсулу рубанула кетменем себе по ноге. Как это случилось, не могу представить, но это действительно случилось. Видимо, невестка придерживала ногой крупный сорняк–лебеду – рубанула кетменем и – по ноге. Хорошо, что удар был слабый. Кровь едва показалась. Взяв платок, в который был завернут хлеб, невестка крепко перевязала ногу. И, прихрамывая, продолжала работу. Под каким-то предлогом я подошел поближе к невестке, от тонкого запаха, исходящего от нее, у меня закружилась голова.

Услышав неизвестно от кого о случившемся, появился насупившийся, с покрасневшими глазами Муслим ака и издали начал кричать на жену:

– Что, сдохнешь, если будешь смотреть под ноги, эй...

И решив, что выполнил свой долг, Муслим ака снова пошел к полевому стану продолжать застолье.

Приглядевшись, я заметил, что невестка Айсулу будто съежилась, превратившись в совсем маленькую женщину, заплакала, тихонько незаметно всхлипывая и продолжая изо всех сил упорно работать кетменем.

В поле условия работы тяжелые, питьевой воды нет. По-

тому мы были вынуждены пить грязную воду из бетонного лотка, названного нами «лоток».

Вот мы и отправились пить эту воду. В алюминиевой кружке, которая раскалилась на солнце, мы принесли воды и невестке Айсулу, отставшей от нас. Красными опухшими глазами невестка Айсулу удивленно глядела на грязную воду в кружке. Одна из женщин – пропольщиц громко заметила:

– Конь, отказавшийся от ячменя, будет рад и траве – пальчатке. Нам приходилось пить и похуже воду, невестка, пей. Это не твои горы, где течет чистая, холодная вода. Радуйся тому, что есть.

Виновато улыбаясь, невестка Айсулу, взяв в руки раскаленную кружку, пристально и недоуменно разглядывала ее какое-то время и вернула:

– Спасибо.

Прошло время. Чистая, как роса, изящная, очень красивая невестка Айсулу никак не могла привыкнуть к нашей жизни. Особенно терялась она от женского ора, от того, как женщины пренебрежительно говорят друг с другом, позволяя даже совсем грубые фривольные и циничные выражения, в такие моменты она, не моргая, пристально смотрела на женщин, но молчала. Скромность, нерешительность, сдержанность невестки Айсулу только раздражала женщин, они с удовольствием отпускали колкости в ее адрес. А она, я сам несколько раз видел, отойдя в сторонку, обливалась слезами. Невестка плакала, но молчала. Все это с одной стороны, а с другой – грубость мужа. На самом деле, Муслим ака, особенно при людях; часто грубил жене, раздражался, кричал из-за пустяков, не упускал возможности напомнить, кто в его семье хозяин. Однажды после работы за то, что она забыла захватить с собой охапку травы шамак, черт ее дери, Муслим ака при всех нецензурно обругал ее, я слышал, как невестка Айсулу, пря-

чась за деревьями, рыдала, причитая: «мамочка–а–а»...

Невестка Айсулу была красивой женщиной и, по–моему, очень наивной, как маленький ребенок. Каждый раз, глядя–ваясь в горизонт, она улыбалась чему-то своему, думала о чем-то, видимо, вспоминала свой кишлак, своих близких. Однажды случайно обнаружилось, что наша невестка к тому же и песенки пописывает. Как-то в узелке с черствым хлебом она принесла на работу толстенькую тетрадку со своей писаниной и пару районных газет. Захотелось бедняге похвастаться. Повела об этом одной из женщин. В мгновение ока это стало известно всем. Еще больше на невестку стали злиться. А тетрадь с песнями получила ироничное название «памятная тетрадь».

– Кто ведет записи, голубушка, тот думает о другом и не любит мужа...

– Взрослая женщина, чем писульки писать, лучше подумала бы о корове, что в ее дворе с голоду сдыхает.

– Лучше бы научилась работать кетменем, чем писать...

– Надо спросить Муслимбоя, молодая невестка, кроме записей в тетради, чем-нибудь еще по ночам занимается?..

Это только немного из многочисленных разговоров. Наконец, не выдержав, Айсулу с пылающим от стыда лицом под беззвучное одобрение, а может и требование, свою тетрадь и газеты в обед отдала поварихе, искавшей бумагу для растопки очага, на котором кипятили махаллинский кумган¹.

Действительно, невестке было очень трудно. Для меня это было очевидно, потому что она увядала на глазах. Солнце в пустыне в месяц саратан² было безжалостным. Через неделю руки, лицо невестки Айсулу почернели, губы опухли и потрескались. Однажды она взяла с собой на работу вазелин, чтобы

¹Кумган – медный кувшин с ручкой и длинным носиком.

²Саратон – название четвертого месяца солнечного года, соответствует периоду 22 июня –21 июля.

смазать губы, женщины чуть не лопнули от смеха, называя невестку «неженкой». Пунцовая невестка Айсулу остановила насмешки, лишь выбросив тюбик с вазелином.

Муслим ака был не только груб, он готов был с крыши броситься ради выпивки. Каждый день к вечеру, пьяный в стельку, он ругался на чем свет стоит, сквернословил. В такие моменты невестка Айсулу не знала куда глаза девать, но Муслим ака, будто открыв фонтан оскорблений, не унимался, бранил и поносил её последними словами.

Между тем я уехал в город сдавать экзамены. Мне повезло, я поступил в институт. Поиски квартиры, учеба... я не был в кишлаке около года. Возвратился в аул где-то в середине июня.

Уже свернув в сторону дома в начале улицы, я увидел, как из цистерны на тележке раздают воду. Женщины с криками и бранью разбирали ее в посуду.

Прохожу мимо тех, кто ссорится в очереди, горланит и безжалостно проклиняет друг друга, и, вдруг, среди всеобщего гвалта слышу, как мне показалось, очень и очень знакомый голос. Невольно остановился и, чтобы не привлекать к себе внимания, начал завязывать шнурки на туфлях.

Да, я не мог ошибиться – это была невестка Айсулу. Однако эти слова... Я остолбенел.

– Да пусть кровью наполнится твой рот, Нури, чтоб ты сдохла, если не хочешь стоять в очереди! Мой ребенок дома надрывается! Или твои дети – дети, а мои – щенята? Еще и муженек лежит в лёжку, поднять головы не может.

Я оторопел от изумления и посмотрел в ту сторону. В толпе женщин, толкающих друг друга, пытающихся без очереди подставить под кран цистерны ведро, или другую пластмассовую посуду, я увидел вопившую молодую худую женщину в старом халате, с растрепанными волосами, с черным пят-

нистым морщинистым лицом. Галдели и вопили все, но я слышал только эту молодуху. Потому что это была невестка Айсулу, всего год назад поразившая нас красотой, нежностью и целомудрием...

Я отошел к дереву поодаль. Наконец, невестка Айсулу, кое-как растолкав женщин, с двумя ведрами воды выбралась из толпы и направилась домой. Неужели эта сгорбившаяся молодая женщина в рваных калошах та невестка Айсулу, которую дети называли «невестушка Кумуш»?..

Не знаю, как я добрался до дома. Неужели, неужели страшная повседневность, заботы о куске хлеба за год превратили эту некогда божественно красивую изящную женщину в старуху? Где обаяние, робость, стыдливость невестки Айсулу? Где огонь, который я видел в ее глазах. Сегодня, ради двух ведер воды, она готова была на все и, получив эту воду, чувствовала себя счастливой, кто, кто повинен в такой перемене... Неужели, неужели теперь такой и будет жизнь человека...

Этой ночью я не сомкнул глаз...

ПРОБЛЕМЫ ЕСТЬ?..

Икром, уповая на Бога, мол, «Сохрани раба!», выиграл в конкурсе компьютерных программ и стал обладателем путевки в одну из стран Европы! Проезд туда – обратно, еда, словом, все затраты организаторы взяли на себя!

От радости Икром прыгал до потолка.

* * *

...Вокруг зелено-презелено. Дороги ровные, как стекло. Пыли, грязи нигде нет. В первые дни Икрёма приводило в изумление даже то, насколько чистые листья на деревьях и

кустарниках, он подумал, что по ночам их моют; чтоб проверить правильность своих предположений, он даже лизнул нару листьяев. Но переводчик объяснил это легко:

– Погода сыrovатая. Пыли нет. Поэтому листья такие чистые...

Действительно, в подтверждение слов переводчика Икром в течение недели носил рубашку, а воротник совсем чистым остался! В своем кишлаке каждый день надо было рубашку менять...

Почему люди в этой стране в комнаты, даже иногда в спальню, спокойно в туфлях входят, Икром тогда понял причину: ведь туфли у них совершенно чистые, пыли нет. Кроме того, выходя из дому, люди идут в свои гаражи и в машине едут прямо к своим офисам по совершенно ровной, иногда покрытой ковриками дорожке, заходят в свои кабинеты. При всем этом, откуда пыли появиться?

Но в этой стране Икрому не все нравилось. К примеру говоря, утром, когда люди просыпаются, они, не умывшись, пьют кофе в постели, или начинают беседовать...

Икром вспомнил свой кишлак: проснувшись на рассвете не то, что родителям, даже младшим братьям не показывался, пока не умоется, тем более разговаривать с ними...

Икром, начавший изучать английский язык, однажды, сидя за компьютером, вошел на сайт депутатов этой страны, по слогам начал переводить и понял с трудом, что одна из депутатских групп... подготовила закон о том, как выгуливать собак.

Икром растерялся. «Наверно неправильно перевел», – сомневался он и уточнил у переводчика.

– Правильно, – спокойно ответил переводчик.

– Но... – еще больше растерялся Икром, – но депутатам кроме этого, больше нечем заняться?

Переводчик, словно прописные истины вещая, как дважды два – четыре, и усом не повел:

– Если все другие законы давно созданы, что депутатам делать?

Логичный ответ успокоил Икрома.

Вот еще что нравилось Икрому в этой стране, так это то, что совершенно чужие друг другу люди на улице, в магазинах, в парках, на работе – словом, везде смотрели друг на друга улыбаясь, обращались доброжелательно. Если на улице встречались малыши на плечах родителей, или в детских колясках, то все, стар и млад, словно становились свидетелями чуда, смотрели на ребенка приветливо, искали повод сказать ребенку несколько ласковых слов, вытаскивали из сумок или карманов сладости, чтобы угостить его.

Подумав–подумав, Икром, как будто бы нашел этому объяснение – ведь в семье у них бывает один, или, самое многое, двое детей, кроме того, их дети в шестнадцатилетнем возрасте уходят из дома и начинают самостоятельную независимую от родителей жизнь, вот эти бедняги и скучают по детскому запаху, улыбкам... Но все равно нравилось ему это.

Конечно, иногда улыбки были неискренними, какими-то искусственными, словно люди надевали на лица маски. Но все равно нравилось...

В первые дни из-за того, что Икром выглядел слишком серьезным, окружающие тревожно спрашивали у переводчика:

– У нашего гостя есть какая-то проблема?

Икром не мог сдержать смеха. Тогда хозяева облегченно вздыхали.

Конечно, трудно улыбаться всем встречным и поперечным подряд. К вечеру у Икрома скулы сводило – улыбайся целый день, как сумасшедший, говори с улыбкой всем встречным: «Халло! Хау ду ю ду?», ох, как не легко...

Семь недель пролетели на чужбине словно в сказке.

Возвращался на родину Икром исполненный надежд. А когда с самолета увидел ночью тысячи огней родного города, уж прослезился от радости. Икром был готов уже назавтра реализовать все свои задумки и мечты.

Утром, взяв подарки, специально приготовленные сотрудникам–коллегам, которые так помогли, предоставили все условия для его участия в конкурсе, и кошелек с деньгами, чтобы устроить чаепитие во время обеда, Икром уложил все в маленький рюкзак и направился на остановку маршрутного такси.

Настроение было прекрасное. Что лучше родного края! Ладно, немного пыльно и грязно, конечно, и дороги неровные, но все равно – все свое.

Размышляя так, Икром, привычно уже улыбаясь (за границей приобрел привычку), подошел к остановке и попробовал встать позади беспорядочно столпившихся, ожидающих маршрутное такси пассажиров.

Пассажиры недовольно поглядывали на дорогу. Стоящий в самом начале толпы в полосатой рубашке с широким галстуком, совсем не подходившим к рубашке, лысеющий, сорокапятилетний пассажир небольшого роста, тяжело вздохнул и проворчал: «Они там по дороге, случаем, не передохли!». Икром, вздрогнув, оглянулся по сторонам, но увидев, что эта грубость никем не замечена, облегченно вздохнул.

В это время, запыхавшись, подошла полная женщина лет тридцати в узком платье с тяжелой хозяйственной сумкой в руках. Икром как воспитанный человек, чтобы показать, что он последний в очереди, улыбнулся молодой женщине.

Но... или женщина в этот день встала не с той ноги, или от природы она была нервной, словом, в ответ на улыбку Икрома она сердито зыркнула и возмутилась:

– Чтоб глаза твои лопнули, – бросила она проклятье.

Икром почувствовал, как покраснел, но, пытаясь сохранить хорошую мину при плохой игре, по привычке, приобретенной за границей, он улыбнулся и, слегка наклонившись, сказал:

– Давайте, помогу поднять сумку.

Как бы то ни было, он предложил это от всей души.

Но... молодая женщина, почему-то испугавшись и отодвинувшись, неприязненно и даже враждебно с возмущением глянула на него и грубо ответила:

– Убери руки!

Икром остался с протянутыми для помощи руками, изо всех сил стараясь сохранить улыбку, как научился. Кажется, громкий голос женщины привлек внимание других пассажиров, они стали оборачиваться. Улыбка на лице Икрома раздражала молодую женщину, «этот юноша издевается надо мной» – подумала она, и, вытаращив глаза, начала вопить и проклинать его на чем свет стоит:

– Не приставай, чтоб тебе провалиться, что я тебе молодуха, я ровесница твоей матери!

Икром вконец растерялся. Он хотел что-то сказать в оправдание, но не нашел слов. Да, тяжел камень несправедливости...

Между тем, стоящий в самом начале невысокий человек в галстукке низким голосом, не соответствующим его внешности, вмешался:

– Это маньяк, сестренка, маньяк! Такие... похожих на вас... так сказать... миловидных, пухленьких подстерегают, а потом...

Услышав это, молодая женщина еще больше расвирепела и вылила на юношу весь свой гнев:

– Я тебе покажу, как приставать к чужим женщинам! Еще ухмыляется тут! Ты думаешь, я ничего не смогу тебе сделать? Смогу, еще как смогу!..

Снова вмешался пассажир в полосатом:

– Надо сдать его в милицию! И рассказать про его болезнь.

Пассажиры загалдели, поддерживая это предложение. Самое страшное – все они глядели на Икрорма презрительно – уничтожающе, готовые съесть его. Наконец, на счастье Икрорма, подъехало маршрутное такси, все бросились к «Рафу».

Стоявший в самом начале человек в галстуке не смог первым влезть в машину и кричал задыхаясь:

– Отойди! Отойди, говорю! У тебя есть совесть, подлец!.. Не толкай! Не толкай меня!..

Три-четыре пассажира в машину так и не поместились. Несмотря на то, что полная молодая женщина пришла самой последней, каким-то чудесным образом она втиснулась в машину и, расположившись на маленьком стульчике около двери, все еще уничтожающе зыркала на остолбеневшего Икрорма.

Машина тяжело тронулась. Икром не смел поднять глаз на оставшихся пассажиров. Сквозь землю бы провалиться... Он, с трудом отрывая от земли свои, словно свинцовые ноги, отошел, сопровождаемый подозрительными взглядами, и пошел к автобусной остановке рядом, в ста шагах. От обиды, несправедливости и позора лицо юноши пылало...

* * *

На автобусной остановке Икром почему-то не смел поднять глаза на людей.

Тяжело качаясь, как беременная женщина, вскоре приехал автобус. Икром направился к задней двери. Он начал продвигаться в салон между толкающимися подростками, внезапно рядом с ним оказалась женщина. Икром даже не заметил этого.

Он отступил на полшага назад и, желая пропустить молодую женщину лет двадцати пяти – тридцати, с улыбкой

посмотрел на нее. Это было невольным рефлексом. Ведь он повидал мир. В других странах женщин из уважения пропускали без очереди в общественном транспорте.

Но... Молодая женщина внезапно остановилась и резко обратилась к юноше, с улыбкой смотревшему на нее:

– Что людей не видел, пялишься так, харып¹?!

Юноша вконец опешил. Улыбка исчезла с его лица.

Довольная тем, что одним словом отбрила незнакомого «ухажера», она быстро вошла в автобус. Дверь с шумом закрылась. Автобус, подняв столб пыли, тяжело тронулся с места.

Икром с горящими щеками, потеряно остался стоять на месте, словно ему с рахмаху вlepили пощечину.

* * *

Произошла ужасная несправедливость, какое-то нелепое недоразумение. Ведь Икром... только то, что видел за границей...

Юноша, не спеша, возвратился к остановке. Настроение было испорчено вконец. Разве можно теперь улыбаться? Хорошо, что кроме него на остановке никого не было. Иначе... позор...

В это время рядом с Икромом засигналила машина. Испугавшись, юноша обернулся. Подъехал сильно обшарпанный желтый «Жигуленок». Около водителя сидит пассажир. Хмурый водитель средних лет, высунув голову из окна, спросил:

– Братишка, тебе куда?

Вопрос прозвучал как окрик, к тому же обращение таксиста на «ты» к человеку, которого он впервые видит, хоть и покорило Икрёма, но, по уже усвоенной привычке, он натянуто улыбнулся и назвал адрес.

¹Харып – (жаргонное слово) невежа, отсталый, деревенщина

Таксист задумался. Затем:

– В противоположную сторону, – сказал он, еще сильнее нахмурившись. – Ладно, если сойдемся в цене, отвезу.

– Сколько? – еле слышно спросил Икром.

Водитель назвал огромную сумму. Но Икром не торговался, уж очень ему хотелось уехать с этого места, где он был так опозорен и оскорблен.

Юноша, сядя на заднее сиденье, все-таки не забыл сказать «Здравствуйте». Никто из сидящих не ответил. Наоборот, водитель еще больше насупился. По его лицу, поведению было видно, что он пожалел, что не запросил у наивного пассажира побольше за дорогу.

В машине не было ни радио, ни магнитофона. Ехать молча, как немым или поссорившимся людям, Икрому показалось неудобным. Он искал повод заговорить и посматривал на пассажира с толстой заросшей шеей, нахохлившегося, сосредоточенно сидящего рядом с водителем с таким видом, словно все проблемы мира свалились ему на голову. Пассажир показался ему знакомым. Икром, наклонившись в сторону нахохлившегося пассажира, с улыбкой обратился к нему:

– Извините, я вас где-то видел...

Поняв, что обращаются, кажется, к нему, тот повернулся. Икром испугался. В глазах пассажира было столько враждебности и презрения!..

– Да, я четвертый муж твоей старшей тетушки, – хрипло засмеялся он. – Что скажешь?

Икром, вздрогнув, откинулся назад. Водитель засмеялся и, посмотрев на Икрота в зеркальце напротив, сказал насмешливо:

– Ты что, обкурился, все лыбишься да лыбишься!

Икром испуганно воскликнул «Да нет же!». С его лица тотчас сошла улыбка, оно стало непроницаемо холодным, как камень. Теперь оно, словно одеревенело, не отражало ни мысли, ни чувства...

– Тогда не болтай и сиди молча, – посоветовал водитель. – Уставшему человеку лишние разговоры ни к чему.

Икром хотел возразить, что день только начался, как можно уже устать, но вовремя прикусил язык.

За всю дорогу сконфуженный Икром не произнес ни слова. Водитель, словно мстя за то, что запросил слишком дешево за дорогу, не стал въезжать вовнутрь, остановил машину у большой дороги, вдалеке от работы Икрёма. Протянув день-ги, но, не желая уходить молча, Икром сказал: «Спасибо!». Закрывая дверь он услышал, как водитель, хохотнув, сказал: «Эти, когда накурятся, такими воспитанными становятся».

* * *

До работы Икром добирался пешком, где-то с остановку шел. Как говорится, «Обжегшись на молоке – на воду дуешь», он с опаской поглядывал на встречных пешеходов.

Наконец, показалось огромное здание, в котором он работал. С облегчением вздохнув, Икром с удовольствием представил, как он через несколько минут одарит сослуживцев подарками, а во время обеда устроит чаепитие в кафе, за щедрым столом расскажет о впечатлениях от поездки, и заволновался. Лицо юноши просветлело. На губах заиграла улыбка, в глазах заискрились огоньки.

В этот момент... Икром этого не ожидал, даже не надеялся. Но он увидел своими глазами: стоявшая на противоположной стороне улицы миловидная молодая женщина двадцати–двадцати пяти лет, в легком наряде, улыбаясь, смотрела в его сторону.

Семьдесят две вены Икрёма тот час ослабли. Есть же... Юноша невольно испытал признательность. Одна улыбка – а – а! Всего лишь одна улыбка... Что еще надо, чтобы поднять

человеку настроение!.. Не этим ли прекрасна жизнь?!

Разочарованность, конфуз – все забылось. Мир словно наполнился светом. Икром расправил плечи и бодро перешел улицу. Молодая женщина все еще стояла на месте и с улыбкой смотрела на юношу.

– Привет, – радостно сказал девушке Икром, словно встретил давнюю знакомую.

И, удивительно, молодая женщина так же ответила:

– Привет.

Вот поздоровались, с улыбкой посмотрели друг на друга два человека. Все. И довольно. Можно сказать, выполнен простой человеческий долг. У обоих поднялось настроение. Вот в таком приподнятом настроении и можно идти своей дорогой...

Икром и хотел так поступить. Но вдруг услышал от молодой женщины уважительное:

– Проблемы есть?

Услышал и остановился, как вкопанный.

Юноша задохнулся. Какой знакомый вопрос!..

Внезапно Икром увидел, что собравшиеся у дверей его офиса на противоположной стороне улицы коллеги кинулись ему навстречу, и торопливо снял рюкзак. Сейчас они будут обниматься здороваясь. А рюкзак будет мешать. Кажется, это поняла и молодая женщина, она весело протянула руку, разглядывая свои длинные пальцы:

– Позвольте, – нежно взяла рюкзак и поставила его у своих длинных ног.

Расчувствовавшийся Икром от такого внимания даже поблагодарить не успел. Толпа коллег кинулась к нему...

Но, испытывая определенную неловкость перед женщиной, между бурными приветствиями и объятиями Икром, не сдерживая слез радости и благодарности, все-таки обернулся. Рюкзака не было... И женщины тоже...

ЗУЛЬФИЯ КУРОЛБОЙ КИЗИ

(род. в 1966 г)

ЖЕНЩИНА

Комната с белоснежными стенами.

Солнечные лучи, проникающие через окно, падали на лицо женщины, окрашивая ее веки, отражаясь на скулах жемчужными каплями, сверкая в гранях алмазного кольца на пальце.

Женщина слегка приоткрыла глаза. Луч солнца вспыхнул в ее зрачке.

«Как приятно... Снова рассвет... — женщина, закрыв глаза, жадно ловила солнечные лучи шепча: — Как же я люблю тебя, солнце!..»

Солнце щедро дарило свет. Женщина будто растворялась в его нежных лучах.

* * *

Всю следующую неделю Назокат лихорадило, температура то поднималась, то падала.

Лечащий врач пригласил Шавката в кабинет.

— Состояние Назокат тяжелое. Готовьтесь к худшему.

Шавкат схватился за голову.

— Крепитесь. Будьте сильным. Ей предстоит еще много страданий. Это только цветочки... — врач замолчал.

Шавкат неожиданно поднял голову.

— Неужели... Она и так настрадалась, разве этого не достаточно?

– Впереди еще много мучений, – печально повторил врач и попрощался.

Шавкат долго кружил по двору больницы, затем вошел в палату. Назокат спала. Она очень похудела. Глаза ввалились, скулы выступили, в уголках губ появились глубокие морщинки, вены на висках вздулись, посинели.

Шавкат проклинал все болезни на свете.

Назокат, почувствовав пристальный взгляд, медленно открыла глаза.

– Как ты?..

– Нормально, – шевельнулась Назокат. – Вот, думала, может, погулять.

Шавкат подал ей руку.

– У меня есть еще силы, я сама... – пристально посмотрев на мужа, промолвила Назокат.

Шавкат невольно тяжело вздохнул.

Они вышли во двор.

– Вам доктор, наверное, всякую чепуху нес – сказала Назокат, тайком разглядывая расстроенное потемневшее лицо мужа. – Но он заблуждается. Посмотрите на меня, хорошо посмотрите, разве я похожа на человека, который скоро умрет? Я чувствую себя лучше. Что еще нужно? – Женщина остановилась. Было прохладно, в небе плыли клочковатые тучи, тускло светило солнце, пахло снегом. – Я гляделась в зеркало, у умирающих не такие лица. Вы знаете об этом?

– Да, слышал, – сказал Шавкат уверенным голосом.

– Вот, видите, – лицо Назокат засияло. Она отошла в сторонку, где грело солнце, глаза женщины живо блеснули. – Сегодня пасмурно, тускло, – промолвила она, – Такая погода давит на человека, делает его некрасивым, бледным!

На свежем воздухе следы болезни отступили, чувствовался едва ощутимый приятный запах пудры, которая осыпалась на ее плечи, придавая ей нарядный вид.

Вдруг произошло неожиданное. Назокат с разбегу бросилась в объятия Шавката. Прежде такого никогда не случилось.

– Мы же не только супруги, мы стали намного ближе, да, папочка? – воскликнула она, прижимаясь к груди мужа.

Шавкат ощутил ее сильный жар и слезы. Он стоял не шелохнувшись.

Шавкат хотел что-то сказать, хотел приободрить жену, успокоить, но язык одеревенел. Он снова невольно тяжело вздохнул.

Назокат поцеловала лицо мужа, как раньше, ласково поцеловала. Тело Шавката затрепетало. Сухие губы жены были горячими. Лицо горело. От волос, коснувшихся его лица, пахло жаром.

– Что с тобой? – только и смог промолвить Шавкат.

Назокат улыбнулась. Как раньше... Но это была не улыбка, а гримаса боли и сожаления.

– Вот увидите, через два-три дня я поправлюсь. Я чувствую, что так и будет, – прошептала Назокат.

Для Шавката свет показался не мил.

* * *

Ночью у Назокат опять поднялась температура. Она слегка бредила. Звала детей.

Шавкат позвал дежурного врача. После укола Назокат, успокоившись, уснула.

Утром, как обычно, проснулась рано.

– Я крепко спала, да? – спросила она, испугавшись чего-то.

– Ты устала, – сказал Шавкат.

– Почему вы выключили радио?

– Тебе нужен покой. Врач рекомендовал.

– Я специально радио включила. Если оно будет звучать, я не усну так крепко...

- Сегодня прекрасная погода, выйдешь во двор? Там так тепло, не похоже ни на лето, ни на осень, – сказал Шавкат.

- Конечно, выйду. Я люблю утреннюю свежесть.

Назокат, скинув одеяло, спустила ноги с кровати и взглянув на них, переменилась в лице. Обе ступни ее распухли и вздулись. И это только за одну ночь?!

- Нет, выйду попозже, – расстроенная Назокат прилегла, бросив на ноги одеяло.

- Давай я принесу сюда завтрак. Выпьем вдвоем чаю, потом я схожу на работу, проведу детей, – Шавкат не показал виду, что удивлен резко переменившимся настроением жены.

- Ладно...

Шавкат подал завтрак на столике на колесиках. Назокат пила чай, укрыв ноги одеялом...

Ближе к вечеру Назокат увидела, что ее голени тоже отекли. Она огорчилась. Ночью снова поднялась температура.

Проснувшись на рассвете, она почувствовала ноющую боль в животе. Положив на живот свою иссохшую костлявую руку, она тут же отдернула ее. Опухоль теперь перешла на живот, она росла как на дрожжах.

- Доктор! – закричала Назокат, не слыша своего голоса.

В палату вошел солидный пожилой врач, вслед за ним худенькая медсестра.

- Как вы, доченька, температура больше не беспокоит? – доктор сел на табуретку.

Назокат печально улыбнулась, вокруг ее глаз появились морщинки.

- Все хорошо.

- Измерьте температуру, – сказал доктор, взглянув на медсестру. Затем внимательно посмотрел на Назокат. – Вы хотели что-то мне сказать. Слушаю, дочка.

- Насчет опухоли... – Назокат не смогла продолжать.

– Так.

– Кажется, в животе опять собралась жидкость? Смотрите... Если всю жидкость выкачать, опухоль пройдет? Спросила Назокат, жалобно глядя на доктора.

– Опухоль спадет,– сдержанно промолвил доктор.– Но, по–моему,.. я буду говорить не как доктор, а как простой человек, как ровесник вашего отца ... Я вам не советую этого.

– Почему?

– Ну... так лучше,– сказал врач, пряча глаза.

– В этот раз будет очень тяжело, да? Наверное, я буду сильно мучиться. В какой-то палате одна женщина всю ночь кричала. Я так же... Но посмотрите сюда, мой живот с каждым часом увеличивается. Скоро станет как барабан. Я в таком ужасном виде...– Назокат повернулась лицом к стене. Подушка мгновенно намочила от слез.

Большой, как гора, доктор вдруг почувствовал себя совсем крошечным.

– Понимаю... – помолчав хрипло проговорил доктор. – Мы частично убрали жидкость... Но зачем вам дополнительные страдания?

– Ладно, я потерплю,– сказала Назокат, глядя в противоположную сторону.– Я все выдержу.

Доктор встал с места. Назокат в отчаянии схватила врача за руку.

– Я знаю, знаю, мне мало осталось. Но я не хочу умирать в таком ужасном виде! Не хочу!..

Доктор, осторожно освободив руку, вышел из палаты.

* * *

Ночь.

Шавкат быстро заснул. Но Назокат не спалось. Отодвинув легкое одеяло, зацепившееся за ее ноги, она хотела сесть на

кровати, с трудом обхватила колени, но было неудобно. Вернее, очень трудно. Неприятная боль, охватившая ее тонкий стан, мешала сидеть. Женщина с трудом подошла к окну. Ей не спалось, она молча смотрела в окно. Весь мир предстал перед ней во всей красе, являя собой изумительное зрелище. Безграничное небо искрилось, утопая в золотом сиянии. Месяц и мерцающие звезды на небосклоне не хотели уступать приближающемуся рассвету: они тускнели, угасали и вновь вспыхивали, начинали ярко блестеть.

Пока шла борьба между ночью и рассветом, во вселенной господствовала тишина. Женщина, всем своим существом превратившись в слух, внимала волшебной гармонии, каким-то едва слышным звукам, чувствовала таинственное трепетанье листьев, блестящих в лунном свете... Глубоко вздохнув, почувствовала, как легкие наполняются чистым воздухом. Крепко сжав губы, долго стояла, задерживая дыхание.

Постепенно все вокруг становилось серебристым. Зашебетали птицы...

Назокат еще раз глубоко вздохнула. Ее глаза наполнились слезами.

Шавкат беспокойно заворочался во сне.

Назокат возвратилась в постель. Укуталась с головой в одеяло. Женщина плакала, беззвучно плакала.

* * *

К вечеру Назокат начала задыхаться. Стоило ей прилечь, как сразу не хватало воздуха. Живот стал еще больше.

Врач посоветовал спать сидя, облокотившись на подушку. Когда она лежала, жидкость, образовавшаяся в животе, давила на легкие, и Назокат было трудно дышать...

В палату вошла медсестра.

– Если придет муж, пожалуйста, не пускайте его, – попросила ее Назокат.

– Почему? Врач сказал, что ночью с вами должен кто-нибудь быть, – удивилась медсестра.

– Пожалуйста, временно не пускайте.

– Но он будет волноваться...

– Что-нибудь придумайте! – Назокат положила деньги в карман медсестры.

Медсестра в сомнении вышла.

Назокат посмотрела на окно. Вспомнила о сыне.

Чтобы не зарыдать, женщина крепко закусила губу...

После работы Шавкат напрямик отправился в больницу.

Но в палату его не пустили.

– Нельзя! – сказала медсестра, наклонившись к окошку.

– Ей стало хуже?! – обеспокоенно спросил Шавкат. Его лицо мгновенно побледнело.

– Самочувствие в норме, но...

– Можно поговорить с врачом?

– Врач на вечернем обходе!

Сердце Шавката затрепетало от тревоги. Ему показалось, что его специально не пускают, и он не мог больше сдерживаться.

– Откройте дверь! Откройте, говорю! – кричал он, стуча кулаками по двери. – Мне нужно поговорить с врачом! Мне нужно увидеть жену!

Никто не отвечал.

Тревога Шавката росла. У него потемнело в глазах.

– Откройте дверь! Откройте! – закричал он рассвирепев.

И даже несколько раз пнул дверь.

– Что происходит? Почему вы шумите? – спросил внезапно появившийся пожилой дежурный врач.

– Доктор, мне нужно увидеть жену... Нужно увидеть... Но они меня не пускают, – задыхался Шавкат.

Дверь открылась.

– Идите за мной, – сказал пожилой врач.

Шавкат последовал за ним.

Пожилой врач проводил его до палаты Назокат. Но войти не позволил.

– Видите, жена ваша спит, теперь вы успокоились? – сказал врач, приоткрыв дверь.

Шавкат просунул голову в приоткрытую дверь. Да, действительно, Назокат спала на кровати у окна. Её иссиня–черные волосы были рассыпаны по белой подушке. На слегка приоткрывшемся плече, играл лунный свет. Шавкат почувствовал облегчение. Но тревога и страх не покидали его.

– Почему вы меня не впускаете?– спросил он пожилого врача.– Вы же сами говорили, что вечером возле нее кто-то должен быть.

– Да, я так говорил. Но это не нравится больной. Она, кажется, хочет покоя. Не будем перечить ей.

– Что же мне делать?

– Вам? Хотите, идите домой, проведайте детей. Между прочим, можно завтра их привести. Но только говорить можно через окно, хорошо?

– Хорошо...

Пожилой врач проводил его до двери и пошел в сторону ординаторской.

Шавкат долго стоял в больничном дворе. Уходить ему не хотелось. Вдруг ему пришла мысль: не подойти ли к окну?! Обойдя больницу, он подошел к окну палаты Назокат. Но ничего не было видно. Окна наполовину были занавешены.

Шавкат присел на корточки. Он так и не сдвинулся с места...

* * *

Было больно...

Не могла спать. Сидеть тоже было неудобно. Шагнув два–

три раза, задыхалась. Измученный организм не выдерживал дополнительного веса.

К вечеру напала икота. Назокат икнула два—три раза, из горла внезапно фонтаном хлынула какая-то жидкость...

— Медсестра! — хриплым голосом позвала Назокат.

Тут же пришел врач.

— Теперь нужно обязательно выкачать жидкость, да? — спросила Назокат, с надеждой глядя на врача.

Врач не ответил.

— Доктор... — Назокат, сняв с пальца кольцо, положила его в карман врача. — Пожалуйста, выкачайте жидкость. Только полностью!

Врач снова не ответил. Даже не глянул на нее. Он не посмотрел на нее и тогда, когда женщина положила ему в карман кольцо. Но...

— Медсестра! — крикнул он в сторону коридора.

Назокат улыбнулась. Затем вынула косметичку из-под подушки.

* * *

Ночь уходила.

В окно лилось серебристое сияние.

Загорался горизонт, солнце просыпалось. Его лучи были еще тусклыми и слабыми, но небесное светило быстро набирало силу. Ему преграждали путь изодранные как занавески, серые облака, но солнце поднималось все выше и, наконец, засияло ослепительным ярким светом. Немного помедлив, оно достигло крыши больницы и заглянуло в окно открытой палаты, посылая свои лучи на лицо красивой изящной женщины, лежащей на кровати. Они как обычно хотели окрасить ее веки, но веки были безжизненными и застывшими, хотели отразиться в уже ставших родными зрачках, но не нашли их,

гоступными им оказались лишь грани алмазного кольца, появившегося на пальце у женщины.

Каким бы ни было лучезарным и сияющим солнце в этот день, никто не признался ему в любви, не погрузился в нежные его лучи...

Все равно солнцу не хотелось покидать это место, оно щедро и обильно дарило свои лучи. Тело тихо лежащей женщины растворилось в ослепительно струящемся ярком свете...

ПРИЗРАК

– Эй, кто здесь? Разве кроме меня здесь есть еще кто-нибудь? «Бехруз», – говоришь? Да что ты такое городишь, это я – Бехруз! Ты говоришь: «тогда кто я?» – Откуда мне знать? Эта земля – моя обитель. Меня в этом месте похоронили вчера в полдень. Ты... Кстати, как ты сказал, твое имя? Еще раз повтори. Голос кажется знакомым...

Бехруз?!

Неужели это ты? Что ты здесь делаешь? Ты же утонул! Говоришь, что, когда подрался с друзьями, они нечаянно убили тебя, потом в полночь похоронили тут? Какие друзья? Я же был твоим самым близким другом!

Говоришь: «... поехали купаться с коллегами по работе на наше озеро?!» Гм... Ах, да, я понял, понял, вы, выпивая, повздорили, подрались, а потом, когда они тебя убили, испугались, привезли на кладбище, вырыли яму и наспех здесь закопали... Вот подлецы, даже как следует не смогли вырыть могилу!.. Да, ты прав, свежее захоронение могло вызвать подозрение у жителей села. В то время никто кроме тебя не пропал.

Интересно, неужели могильщики ничего не заметили? Здесь, где царит вечное безмолвие, в ту злополучную ночь,

наверняка, был слышен какой-то шум? Но кроме разговоров о том, что ты утонул в озере и что тела так и не нашли, больше никаких слухов не было.

Ты смотри–и–и... неужели мы будем теперь лежать в одной могиле?

Говоришь: «Я не буду стеснять тебя, от меня осталась лишь маленькая груда костей»? Да–а–а, ведь столько лет прошло... Очень сыро здесь, да? А я все гадаю, кто со вчерашнего дня всё стонет. Так это ты значит. И дождь все льёт и льёт. И этот ветер... За два дня до дождя было очень ветрено. Тогда я еще был живой. Двое суток не затихало завывание ветра. Дождь начался в тот момент, когда ветер согнал набухшие снежные тучи к самому центру Ойковура. Ох, и сильный же был ливень! Вода из водосточных труб хлестала пенясь, с неба извергался водопад, всё было затоплено, земля не успевала поглотить воду. А потом начался сель. Меня, по–видимому, им и снесло. Долгое время я болел. Но что окажусь с тобой в одной могиле, я даже предположить не мог. Что это, насмешка судьбы? Говоришь: «Неспроста это»? Но почему?! «Что было после моей смерти?»

– Зачем тебе? Теперь все превратилось в прошлое... Прошлое таит в себе множество загадок и тайн, а будущее всем известно...

– Да, при жизни ты повторял эти же слова. Ладно, не допекай, расскажу все по порядку. Вот как было...

* * *

Рассветало. Горизонт был алым, словно окропленным глубиной кровью. Первые лучи солнца еще не в силах были одолеть кромешную мглу.

Сижу я, облокотившись на террасе, гляжу, как вдали поднимается заря, и, вдруг, вижу на небосклоне твою удаляющуюся тень. Не успел я понять, что произошло, как вдруг лучезарное сияние ослепило меня, и твой силуэт исчез...

Тем ранним утром я, идя на работу, встретил у калитки Дилдору, которая тревожилась, что ты до сих пор со вчерашнего дня не вернулся. Я успокоил ее, заверив, что у мужчин иногда могут возникнуть неотложные дела, но и у меня на душе было тревожно... В подавленном состоянии я весь день пробыл на работе. А вечером от людей узнал страшную весть: «Бехруз утонул в озере!».

Не веря своим ушам, я направился к твоему дому.

Если бы ты видел Ее состояние.

Волосы растрепаны, лицо расцарапано, она, обезумев, рыдала, колошматя землю руками.

Две женщины поддерживали ее за руки, и если б не они, то Она, несомненно, изувечила бы себя с силой ударяясь об землю.

– Держитесь, Дилдора, – сказал я, подойдя к ней. – Еще же не все ясно.

Но она не видела меня, если и видела, то не узнала...

Через неделю, хотя тела так и не нашли, мы стали тебя оплакивать. Усилия водолазов оказались тщетными, сколько они ни искали, трупа так и не обнаружили.

Дилдора надела траур.

Черное одеяние с ног до головы.

Лицо белое как снег.

На ресницах застывшие слезы.

Я не думал, что такое может быть. Наверное, именно в таких случаях говорят, что смерть пришла неожиданно.

Но, как говорят, что бы ни было, мертвому – мертвое, а живые продолжают жить. Однако, как выяснилось, и живым нелегко. Я имею в виду их душевные муки.

Долгое время я чувствовал себя скверно, как будто был виновен в твоей смерти. Дилдоре даже на глаза не показывался. Лишь навещал ее в поминальные дни, уверяя при этом, что я готов в любую минуту во всем помочь ей, готов разделить с ней все тяготы и заботы.

А Дилдора так и не могла прийти в себя. Хорошо, что твой сын был рядом. Бедная женщина целыми днями держала его на руках и так, видимо, пыталась отвлечься.

Шли дни.

Когда ты был еще живой, то знал, что я около года не живу со своей женой, и о причине развода тоже, по-моему, догадывался. Мухаё ты хорошо знал, раза – два, когда мы ссорились, даже был на ее стороне, а когда она однажды, собрав вещи, ушла, увещевал: «Ты никогда не найдешь женщину подобную Мухаё». Перед уходом Мухаё сказала: «Я старалась вас понять, однако не смогла, лучше мне уйти». Да, действительно, она была хорошей женщиной, более того, я думаю, Мухаё в то время была единственной, кто понимал меня, потому что любящее сердце, как мне кажется, острее чувствует безответную любовь. А во всем повинно мое строптивое сердце! Что поделывать, если оно видит лишь одну женщину, все жизненные радости связывает с ней, и моя жизнь, жизнь любящего мужчины, отравлена горечью и страданиями. После твоей гибели я, хоть и не находил себе места от одиночества, желая найти товарища по несчастью, но к Дилдоре не шел. Я понимал, как ей сейчас тяжело.

Но однажды я встретил Ее на улице. Взгляд полный скорби, но, как и раньше, идет с достоинством, ступает так прямо и гордо, будто на земле кроме нее женщин нет.

Долго я смотрел ей вслед.

В моем сердце опять что-то проснулось, меня стали будоражить забытые мечты, однако я с напускным равнодушием

вошел в дом. В опустевшей комнате посмотрел на настенные часы, тикавшие размеренно, безостановочно. «Всему свое время, в конце концов, всё забудется и изменится», – глядя на стрелки часов, подумал я.

Да, я ждал, когда пройдет время.

И поэтому, когда встречал Дилдору, хоть душу и тревожили мечты, которые долгое время считал несбыточными, вел себя спокойно. Я верил, что настанет время, когда все переменится; конечно, иногда некоторый порядок вещей в мире невозможно изменить, но человек склонен меняться, особенно женщины, в зависимости от обстоятельств вынуждены перестраиваться, потому что условия зачастую требуют этого. И наконец, даже память, хоть и является стержнем души, и она постепенно стирается. Но происходит это не сразу.

Поэтому я ждал, глядя на быстро тикающие часы.

Через какое-то время я услышал, что к ней стали приходить сваты. Кандидаты в женихи даже просили меня быть посредником. О боже, сколько, оказывается вдовцов на земле!

Как – то раз я и сам не заметил, как пришел к ней.

– Если нужна какая-нибудь помощь, не стесняйтесь, сообщите, – сказал я, как будто пришел навестить её.

– Хорошо, – кротко и сдержанно ответила Дилдора, неподвижно глядя в землю.

Вдруг, смотрю, плечи ее содрогаются...

Мне стало неловко. Если так будет продолжаться, то можно и умереть от горя.

– Ладно, я пойду, – сказал я.

Дилдора безучастно кивнула.

«Если бы она считала меня близким человеком, то сказала бы о многочисленных сватах, – подумал я, выходя во двор. – А это значит, что она ко мне равнодушна...»

Однако, если логически поразмыслить, то при таком ко-

личестве сватов, она, наверняка, когда-нибудь даст свое согласие на брак кому-нибудь из претендентов. И тогда я опять останусь ни с чем, как когда-то?!

Сердце охватили беспокойство, ревность, обида, зависть. Увы, эти чувства терзают мое сердце давно, сжигая меня изнутри. Но я научился терпеть. И даже справляться с этим.

Но теперь так продолжаться не может!

Кажется, нужно торопиться.

Честное слово, друг, в твоей гибели нет ни капли моей вины. Правда и то, что я, будучи влюбленным в Дилдору, желал тебе смерти, когда она предпочла тебя. Я ж верил, что если бы не ты, то Дилдору выбрала бы меня.

Я промучился всю ночь.

А утром отправился к ней.

Около ворот я встретил одного из наших общих друзей, и снова мое сердце тревожно сжалось.

– Заходил справиться о здоровье, – пожав мою руку, сказал наш товарищ и молча пошел прочь.

Я долго смотрел ему вслед.

Забавно!

У порога встретил Дилдору.

Взгляд печален, но полон достоинства. Когда-то мне нравилась ее гордость, но теперь почему-то раздражала.

– Что, Иброхим заходил? – вырвалось у меня.

Дилдора, помолчав несколько секунд, ответила:

– Да, с тех пор, как умер мой муж, стало много хлопочущих о моем здоровье!

Затем улыбнулась.

Улыбнулась иронично и надменно.

Я понял.

Но неожиданно для себя я умилился от того, что ее лицо пусть хоть на мгновение, пусть так, но озарила улыбка.

– Смотрите–ка, – сказал я, смутившись. – И я тоже по пути на работу зашел справиться о вашем здоровье.

– Не беспокойтесь за меня, я в порядке, – сказала Дилдора спокойно и уверенно. – Я не совсем одна, у меня остался сын.

После этих слов мне нужно было уйти, но я не сдержался.

– Как не беспокоиться? Слышал, что сваты целыми толпами обивают ваш порог.

– Безмужняя женщина, как лакомый кусочек, – тихо промолвила Дилдора.

Затем, повернувшись, вошла в дом.

Не знаю, сколько я простоял на пороге

Я услышал глубокий вздох Дилдоры. Затем звук шагов...

Внезапно ее шаги затихли.

Встревожившись, подошел к окну и заглянул вовнутрь.

Дилдора сидела на коленях напротив окна перед кроватью и гладила спящего сына.

Я вновь почувствовал жгучую ревность и зависть. Хочешь, верь, хочешь, нет, но в тот момент я возненавидел мальчика, ах, если бы не он, то Дилдора уже давно стала бы моей, мелькнуло в моей голове. Тогда я сразу смог бы завоевать сердце самой желанной женщины на свете.

Я кашлянул.

Дилдора испуганно повернула голову.

– Вы все еще здесь?

– Да...

Дилдора подошла к окну.

Несколько секунд мы смотрели друг на друга. У нее были алые губы как будто созданные для поцелуев и прекрасные глаза. Я не мог оторвать от нее глаз. Неожиданно у Дилдоры задрожали ресницы.

– Дилдора, я знаю, сейчас вам нелегко, но в таком состоянии... вы погубите себя.

Дилдора приложила ладони к лицу.

– Не плачьте... Если будете плакать...

– Я не плачу... Солнечные лучи...

– Дилдора, я хочу поговорить с вами откровенно. Если вы согласны...

– Нет, – резко ответила она.

– Почему? – упавшим голосом прошептал я. В тот момент весь свет показался не мил мне.

– Нехорошо... Бехруз был вашим другом!

– Но теперь его нет! Нет, понимаете?! А жизнь продолжается, – сказал я, бросив мимолетный взгляд вглубь комнаты.

Дилдора заговорила каким-то неожиданно странным голосом.

– Пожалуйста, не смотрите так неприязненно на моего сына. Мне стало не по себе.

По-моему, эта женщина просто читала мои мысли...

Дилдора отошла от окна.

Внутри у меня все закипело.

Ну и что, что Бехруз – мой друг? Если по совести, Бехруз перед тем, как жениться на Дилдоре, прекрасно знал о моих чувствах к ней, однако же это не остановило его!

Ночи напролет, обнимая подушку, я грезил лишь о ней, самые лучшие годы потратил на пустые несбыточные мечты, я дошел до того, что был безжалостен к другой женщине! Теперь Бехруза нет! Если бы не было еще и сына!

– Самандар ака¹, не ожидала от вас этого, уходите, – слышался ее голос из глубины комнаты. – Если вы еще раз заговорите об этом!..

Слова Дилдоры разбили мне сердце.

Я что, совсем не достоин любви? Почему Дилдора обиделась? Я лишь мечтал о простом человеческом счастье, большего мне не надо.

¹Ака – вежливое обращение к старшему мужчине.

«Теперь, пока сама не позовет, ноги моей там больше не будет», – пообещал я себе.

* * *

Моей решимости хватило лишь на два дня. На третий день я был у ее порога.

– Самандар ака! – увидев меня, крикнула Дилдора.

Я понял, что-то случилось. Бросился в дом.

На кровати сын твой, единственная радость Дилдоры, лежал в жару.

Хорошо, что я пришел...

– Ночью внезапно поднялась температура, – плача, рассказывала Дилдора. – С тех пор бредит. Лекарства не помогают.

– Врача вызывали?

– Да, только что был.

– Что сказал?

– Возможно, простудился. Вот выписал рецепт...

– Его надо, по-моему, отвезти в больницу, – внимательно осмотрев мальчика, сказал я. – Не похоже на обыкновенную простуду.

Дилдора тут же начала одеваться.

Я поднял ребенка.

Мы поехали в больницу.

Но, увы...

Через неделю Дилдора вернулась из больницы одна. У мальчика была хроническая форма тифа. Врачи не смогли его спасти.

– Почему так случилось? Почему? – сетуя, рыдала она каждый день. – Почему так случилось? Ведь температуры же давно не было!

Я не в силах был утешить ее.

Но что-то нужно было говорить...

– На все воля Бога, – сказал я тихо.

Тут Дилдора вспыхнула, как спичка. Она уставилась на меня, глаза вот-вот вылезут из орбит.

– По воле Бога? Это воля Бога? – словно безумная, прошептала она. – Нет, это не воля Бога. Бог, по сравнению с вами, совестливый! Он дал мне все, что я просила, но вы... всю жизнь преследовали меня! Вы не хотели, чтобы они жили! Вы – страшный человек! Я боюсь вас...

Да, она права. С тех пор как я влюбился, я преследовал ее, как охотник джейрана во время охоты. Никогда не выпускал из виду. Но это, по-моему, не грех и не вина!

Я молча покинул комнату.

Разве можно что-то объяснить женщине, бьющейся в истерике?

Ровно два месяца я не навещал ее.

Я сильно обиделся. Однако я знал, ничто, никакая обида, не сможет стереть в моей душе ее милый облик.

Ночи я проводил без сна, глядя на настенные часы: тик-так, тик-так.

Однажды вечером я услышал шум, гам и босой выскочил из дому. Мне показалось, что крики доносятся со стороны дома Дилдоры.

Приблизившись к ее дому, я понял, что не ошибся.

– Некто по имени Иброхим ворвался в дом, – сказала одна из соседок, обращаясь ко мне как к близкому. – Он уже давно сюда повадился. Теперь, когда она осталась без мужа, все кому не лень... Бог мой, удивляюсь я этим мужчинам, на одну женщину столько охотников! А у этого Иброхима есть красавица – жена – а!

Я не дослушал соседку. Зашел в дом. Мне показалось, что Дилдора горько плачет.

Но нет, она встретила меня совершенно спокойно.

- Не беспокойтесь, ничего не случилось!

Сказав это, Дилдора отвернулась.

Это означало, что я должен оставить ее в покое. Но я не сдвинулся с места. Я все еще был обижен. Хотя сейчас я не мог оставить ее в таком положении. В конце концов, ей было тяжело. К ней стали частенько захаживать всякие уроды и, если она никого не выберет, я понимал, что ее положение станет еще хуже, но как ей это объяснить?

«Эх, будь, что будет», – с такими мыслями я уселся на свободный стул. «Теперь, Дилдора ханым¹, даже если прогоните, никуда не уйду».

– Вы! Все еще здесь? – сказала она, повернувшись.

– Так точно, – нагло ответил я.

Дилдора с сожалением покачала головой.

– Теперь мне придется вас прогнать.

– Пожалуйста, если сможете! – сказал я, уставившись на нее.

Дилдора вздрогнула. Беспокойно огляделась по сторонам. Слова, слетавшие с ее губ, были как выстрелы.

– Не надейтесь, Самандар ака. И не беспокойтесь. Если посчитаю нужным, выйду замуж за кого-нибудь.

– А если не посчитаете нужным!

– Будет то, что написано на лбу!

– Дилдора! – вскочил я и встал перед ней на колени. – Я сделаю вас счастливой. Пожалуйста...

– Нет! – резко оборвала она. – Только не вы!

И тут я взорвался.

– Почему?! Почему только не я?!

Дилдора отодвинулась.

– Вы знаете причину! Теперь уходите! – сказала она, отвернувшись.

¹ Ханым – вежливое обращение к женщине.

– Не уйду! Даже если прогоните, не уйду! Хватит, столько ждал... Хватит, столько мучился... Если хотите знать, ни Бехруз, никто другой и сотой доли моих страданий не испытал...

Тогда Дилдора, резко обернувшись, какое-то время пристально смотрела на меня. Спокойно так, без гнева.

– Как хотите, если вам не стыдно, – сказала она после этого.

Я вскипел.

Дилдора обойдя меня, вышла во двор.

Я почувствовал лишь легкое колыханье ее платья.

Какое-то время я продолжал стоять на коленях.

Снаружи послышался голос Дилдоры, она разговаривала с кем-то по телефону.

У меня вновь закипела кровь.

Вскочив, бросился наружу.

Дилдора, облокотившись о столб террасы, разговаривала по телефону.

– Дай сюда телефон, – подойдя к ней вплотную, я отобрал мобильник.

Дилдора побледнела.

– Что за выходка? Почему вы «тыкаете», – изменившимся голосом сказала она чуть погодя.

– Вот что... – сквозь зубы процедил я. – Отныне ты ни по телефону, ни на улице ни с кем не будешь разговаривать!

Дилдора вдруг рассмеялась. Она, глядя мне в лицо, все смеялась и смеялась.

Она смеялась надо мной.

У меня помутился рассудок.

Кровь закипела. Нет, я не поднял на нее руку. Я поднял ее и понес в комнату.

Она, бедняжка, растерявшись, даже не успела закричать...

* * *

Той ночью мы стали мужем и женой. Утром, не сказав ей ни слова, я привел муллу.

Дилдора не устроила шума.

Она молчала.

Мулла, прочитав молитву, скрепил наши брачные узы.

Но... я не мог смотреть ей в глаза...

Она вела себя так, что почва уходила из-под моих ног. Мне казалось, что она была ближе мне до тех ночных событий. Вот и совершен свадебный обряд, теперь мы одна семья, но я ощущал как далеко она от меня. Чтобы как-то отвлечься, я с головой окунулся в работу. Много накопилось мужских дел по дому...

Однажды я почувствовал, как она пристально смотрит на меня. Но я не оглянулся. Не хватило смелости.

Затем, взяв таз, она начала стирать.

Все вещи были твоими.

Когда я увидел, как Дилдора бережно берет каждую твою рубашку и, ласково поглаживая, вешает их на веревку, у меня как будто взорвалось все внутри.

Что же это? Демонстрация своей вечной преданности тебе?! И твоя вывешенная одежда – символ любви и верности?!

Некоторое время спустя, я стал утешать свое пылающее сердце мыслью, дескать, Она это делает специально, чтобы вызвать мою ревность.

– Я... в одно место схожу, – сказала она, чуть приблизившись ко мне.

– Вернешься быстро? – спросил я, не поднимая головы.

Она не ответила.

Я разозлился.

Мне было приятно, что она попросила разрешения уйти, но задело, что не ответила на мой вопрос.

Я думал, что у меня есть право сердиться. После того, что случилось, я считал себя вправе верховодить.

Дилдора ушла.

Я не мог работать, все валилось из рук.

Дилдора вернулась через два часа.

Глаза красные, распухшие...

Я понял, что она ходила или на озеро, или на кладбище к могиле сына. А, может, навещала сразу обоих?

Мне было жаль ее. Как же ей тяжело. Я был готов на все, чтобы сделать ее счастливой. Но эта сумасбродная и упрямая женщина не чувствовала этого или не желала покориться судьбе.

Я проглотил обиду и злость.

– Чай пить будешь? – спросил я, входя за ней в дом.

Дилдора не обернулось.

– Поехали в город, погуляем, – предложил я.

Дилдора так посмотрела на меня, что я невольно вздрогнул.

Время нужно, время!

Я стал как спасение искать часы. Да вот они. Но, увы, стрелки настенных часов, как склеенные, были неподвижны! Мне казалось, что здесь часы и минуты слились, время остановилось...

Я вышел в прихожую.

Дверь осталась открытой.

Спустя некоторое время Дилдора, скрестив руки на груди, стала расхаживать по комнате.

«Неужели эта женщина не смирится с судьбой?– думал я. – В конце концов, ничего уже не изменить, мертвых не воскресить. У нее даже сына теперь нет, который напоминал бы о муже».

Я не мог сдерживать себя. Ведь так жить – одни страдания.

– Почему? Почему ты мучишь себя и меня?! – воскликнул я, представ перед ней. – Что я сделал не так? Скажи, я что-то сделал неправильно?!

Я грозно смотрел на нее.

Дилдора, вздрогнув, отпрянула назад, но внезапно разозлившись, сделала шаг вперед.

– Да, вы поступили неправильно! – проговорила она отчетливо, глядя мне в глаза. – Вы воспользовались ситуацией.

– Если не знаешь, так знай, правильные вещи происходят в неподходящее время, – резко оборвал ее я.

Дилдора тоже не осталась в долгу.

– Люди, такие как вы, всегда найдут себя оправдание!

Я невольно отвел глаза и замолчал.

– Вы, не спросив меня, совершили брачный обряд, – сказала она немного погодя. – Что ни говори, теперь мы муж и жена. Я понимаю, что вы хотите от меня. Хорошо, я выполню супружеский долг, но кроме этого вы ничего не можете требовать. У вас нет на это права!

Высказавшись начистоту, Дилдора стала стелить постель.

Какое-то время я наблюдал за ней. Затем молча вышел.

Мне не нужны ее губы, сжатые от отвращения!

Я долго бродил по двору.

Я искал путь к сердцу Дилдоры. Но сколько я ни думал, мне казалось, что это сердце закрыто для меня. А между тем пять-шесть лет назад я думал иначе.

Всё тогда казалось мне проявлением истинной любви: и подаренная при встрече улыбка, и легкое пожатие руки, и просьба дать почитать какую-нибудь книгу. А теперь я думаю, что все это было так... эти пленительные моменты теперь казались мне совсем незначительными. Я был глупцом... сколько раз я мысленно заглядывал в ее душу и, казалось, что видел там свое отражение.

«Что за напасть? Или после смерти Бехруза ее сердце совсем окаменело? – мучили меня досадные мысли. – Неужели так тяжело забыть одного человека? Вон, и ей тоже не спится. Ходит из угла в угол. О чем она столько думает? Ведь так

можно и свихнуться? Неужели мне не удастся познать таинственную душу этой женщины?»

Я осторожно подошел ближе к окну.

Занавеска сдвинута, лунный свет падает дорожкой, и по этой дорожке она, скрестив руки на груди, шагает из угла в угол. Дилдора не заметила, что я наблюдаю за ней. С тех пор, как я стал жить в этом доме, она, как будто подвергаясь нескончаемым пыткам, была беспокойна и не находила себе места.

Я загрустил.

Все, что я хотел, исполнилось: теперь на свете нет ни тебя, ни твоего сына. Вот, она, моя возлюбленная, столь желанная женщина, стоит напротив меня, но... счастья нет!

Когда же закончатся эти муки? Неужели я всю жизнь буду смотреть на ее паледневшее лицо и чувствовать свою вину?

Нет в мире ничего бесконечного. Когда-нибудь эти страдания всё же закончатся. Хорошо, пусть пока все остается как есть. Но однажды она поймет, что невозможно не радоваться жизни, бесконечно жить в муках, смятении, презрении, и, когда эта женщина избавится от бессмысленной тоски и ненависти, вот тогда мы обретем истинное счастье.

Наконец она заснула.

Я смотрел на нее. Она спала сидя на диване, запрокинув голову.

Медный свет лампы падал на ее тонкий профиль и шею.

И вот к чему я пришел: пусть она меня не понимает, пусть не любит, пусть злобно кричит, скандалит, пусть презирает — я на все согласен. Моей любви хватит на двоих, и мы будем счастливы!

В ту ночь я словно вытащил свою душу из бездонной пропасти. Я решил: теперь я не буду обращать внимания на мелочи, буду спокойно жить — главное, чтобы Дилдора была рядом.

Однако я лишился и этого.

– Давайте разведемся, – однажды сказала Дилдора, пристально посмотрев мне в глаза. – Я не могу жить так...

– А я могу... – сказал я беспечно

– Вы же сгорите изнутри. Ишь ты, сможет он, – съязвила Дилдора.

– Тебе кажется, – бросил я, чтобы не молчать.

– Пожалуйста, не дурачьтесь, – проговорила она умоляюще.

– Почему вы себя мучите. Знаю, вы любили меня когда-то...

– Хватит, замолчи, – повысил я голос. Я не владел собой, внутри меня все похолодело.

– Не замолчу, – резко выпалила Дилдора. – Зачем вам нужна жена, холодная, как лед?!

– Не твое дело!

– Вам все равно?

Эти слова были последней каплей.

– Что ты хочешь этим сказать?! – крикнул я, схватив ее за ворот. – Что ты хочешь сказать? Я молчу, так ты совсем уже обнаглела!

– Уберите руки с моего ворота, – тихо, но решительно сказала Дилдора.

– Не уберу, и сейчас как...

– Да, что вы можете?! Выбросите из окна? Бросайте! Что смотрите, бросайте?! Или вы боитесь, что я уйду! Ха, ха, ха, трус! Трус!

Не знаю, я до сих пор не помню, как влепил ей пощечину.

И не раз, я бил и бил ее по лицу. С каждой пощечиной Дилдора отступала назад, теряя равновесие и пошатываясь, но не произносила ни звука.

– Ишь ты, выбросьте! Тебе это надо?! Вот, тогда!

Я схватил ее и выбросил из окна.

– Ой! – послышался голос, и сразу все стихло...

Я бросился на диван.

Прошел час или два, но Дилдоры не было слышно.

Я ждал, когда она войдет в дом.

Внезапно сердце мое тревожно забилося.

Я встал и вышел во двор.

Внизу около окна лежала Дилдора.

– Дилдор... Открой глаза, Дилдор...

Но она не открыла глаз.

Я растерялся: брызгал ей в лицо холодной водой, махал, делал все, что приходило в голову.

Однако Дилдора не приходила в себя.

Утром вызвал врача.

– По-моему, она впала в кому, – сказал врач, осмотрев ее.
– Нужно везти в больницу.

Впала в кому? – спросил я, не веря своим ушам. – Почему впала в кому?

– Вы же сами сказали, что вчера ночью выбросили ее из окна? – съязвил доктор.

– Не может быть! Высота окна меньше метра...

– Давайте, ищите машину!

Мне казалось, что я сплю. Вот сейчас проснусь, и все закончится, но как тяжело просыпаться, ... почему я не просыпаюсь?

Дилдору поместили в реанимацию. И тогда только до меня дошло: она в тяжелом состоянии.

Это был не сон.

– Очнись, пожалуйста, очнись, – шептал я каждый день, глядя ее лицо. – Проснись, пожалуйста. Пусть все будет как ты хочешь, если не желаешь жить со мной, хорошо, разведемся. Только очнись!

Шли дни.

Наконец, на седьмой день она открыла глаза.

Несколько секунд она смотрела на меня бессмысленными, растерянными глазами, затем снова закрыла их.

Этого было достаточно для меня. Этого маленького счастья было довольно.

– Доктор, она пришла в себя! – крикнул я.

В тот же момент ее окружили врачи и медсестры.

А меня выдворили в коридор.

«Неужели, я прошу слишком много, – думал я, стоя в коридоре. – Все это последствия моей ненасытности? Но ведь я лишь стремился к счастью. Мне казалось, что все счастливы, кроме меня. Я полюбил женщину, хотел сделать ее счастливой, но... Вся моя жизнь прошла в каких – то бессмысленных хлопотах. Но теперь я вижу, чтобы быть счастливым, мне достаточно, чтоб она пришла в себя...»

– Зайдите, – сказала медсестра, приоткрыв дверь.

Я вошел.

– Эта женщина – ваша жена? – спросил врач.

– Да... До этого происшествия было так, но теперь...

– Попробуйте поговорить.

Я приблизился к кровати.

– Дилдора...

Ее обращенный в потолок взгляд дрогнул, но она не глянула в мою сторону.

– Дилдора, как ты себя чувствуешь?

Дилдора не ответила.

Врач снова выпроводил меня из палаты.

О настоящей трагедии я узнал на следующий день.

– Она потеряла память, ничего не помнит, – сообщил мне врач.

Я похолодел.

– Почему? Почему она потеряла память? Из-за незначительного удара...

– Может для вас и незначительный, – съязвил доктор. – Словом, будьте к ней повнимательнее. Об остальном поговорим позже.

Доктор вышел.

Я внимательно посмотрел на Дилдору.

Она спала. На лице ее застыла мученическая гримаса, ее милые руки безжизненно лежали на груди.

– Дилдор... – набравшись храбрости, позвал я.

Ресницы Дилдоры задрожали.

Затем она медленно открыла глаза.

– Вы?! – сказала она тихо.

– Да, твой муж, – ответил я, наклонившись, желая ее поцеловать.

– Бехруз...

Я задрожал как от удара током.

– Что случилось? – спросила Дилдора.

– Ничего... все нормально...

– Тогда почему вы меня не целуете? Не поздравляете! У нас родился сын, – сказала Дилдора, чуть приподнявшись и подставив щеку для поцелуя.

Я поцеловал ее.

Но как-то странно.

– Вы не рады? – Дилдора погладила меня по лицу.

– Рад...

– Когда вы нас увезете?

– Когда захочешь!

– Хочу побыстрее домой. Такое ощущение, что я здесь лежу тысячу лет, так тоскливо.

Дилдора встала.

– Я сейчас, – сказал я, не решаясь позвать врача.

– Ой, а где ребенок?!

Дилдора обеспокоенно оглянулась по сторонам.

Мой мозг лихорадочно заработал.

– Сейчас, подожди чуть-чуть, – сказал я Дилдоре.

Прикинув, что делать, я вышел из комнаты.

Через неделю я привез Дилдору с ребенком домой. В мой дом. В мой дом, где тикали мои настенные часы.

Но теперь в моем доме, я стал жить не как Самандар, а как Бехруз. Это, конечно, было несколько неприятно. «Это временно, скоро к ней вернется память, – утешал я себя. – И все встанет на свои места. Когда к ней вернется память, она все поймет, может рассердиться, но теперь не бросит меня, ведь между нами есть ребенок.

Дилдора начала кормить ребенка грудью.

Я недоумевал.

– Почему вы перестали надевать вашу желтую рубашку, – однажды спросила Дилдора.

Я опешил.

– Желтую рубашку?

– Да, желтую рубашку.

– Не знаю... Несколько дней не могу найти ее, сам удивляюсь, хотел спросить у тебя...

– С тех пор как я занимаюсь ребенком, так устаю...

– Да, ладно, как выберу время сам поищу, где-нибудь валяется в уголке.

На следующий день, возвращаясь с работы, я зашел к тебе домой и взял из шкафа твои вещи... Даже носки прихватил.

– С каких пор вы стали есть молочную рисовую кашу? – спросила Дилдора однажды за ужином. – Вы же говорили, что от этой каши у вас расстройство желудка!

Дилдора засмеялась. Искренне засмеялась.

От счастья она расцвела, глаза сияли.

– Вот как? – еле вымолвил я.

Затем внезапно замолчал.

– Пока я была в больнице, вы, бедненький мой, довольствовались малым...

Дилдора, встав с места, подошла ко мне.

Она взъерошила мои волосы.

О боже!

– Если хотите каши, я еще сварю, – прошептала она мне на ухо, волосы ее щекотали мне лицо, аромат роз ударил в нос.

Я совсем обессилел.

– Нет, я не хочу каши, у меня будет расстройство...

Так, мой друг, я превратился в тебя.

Быть тобой было не сложно. Ты же был моим другом, я лучше всех знал тебя. Я так вошел в роль, что я окончательно потерял себя, свое «я»...

Но после этого моя жизнь наполнилась светом.

Только иногда сердце мое тревожно билось. Я жил желая, чтобы она была лишь моей, подчинялась лишь моим желаниям, я хотел утонуть в ее поцелуях, наслаждаться ее губами, созданными для поцелуев; вот и сбылась моя мечта, но я сам... повис над землей словно иголка, слабо притягиваемая магнитом... Да, но что бы то ни было, главное, пусть ее память никогда не вернется! Хотя бы до моей смерти...

Видно искренне я пожелал этого, мое последнее желание тоже исполнилось. Меня похоронили Бехрузом.

А ты умер во второй раз.

Может, мы потому и оказались в одной могиле?.. В конце концов, мы – один человек!

УЛУГБЕК ХАМДАМ

(род. в 1968 г.)

МУСУЛЬМАНИН

С приходом весны во дворе поселилась птичка. Хусан раньше не замечал ее, но сегодня днем обратил внимание на пташку, порхающую с ветки на ветку. Странно, она почти не разлучалась с урючиной, накинувшей на себя белоснежный платок из цветов.

В свободное время Хасан не упускал возможности поддеть своего брата-близнеца Хусана, который, как обычно, сидел у окна, словно пригвожденный, витая в облаках. Вот и сейчас: «Гм, опять тоскуешь? Лучше бы подумал о предстоящей беседе. Встреча со светлейшим шейхом Ахмадом Жунайдом может перевернуть твою жизнь, Хусан! Эй, кому говорю?! Ты что, окаменел?!», – напал он. Полное равнодушие собеседника все более раздражало его – «Что ты ведешь себя, будто получил путевку в рай?!»

Хусан не обращал внимания на его слова. Хотя раньше, как помнится, вступал в спор. Однажды они даже сильно повздорили. Это случилось перед тем, как братья собирались совершить омовение перед молитвой «нафл»¹. Соседский мальчишка попросил помощи в каком-то пустяковом деле. Хусан тогда ушел и припозднился. А по возвращению Хасан нравоучительно заметил ему: «Сначала молитва, потом помощь».

¹Нафл – молитва искупления грехов, совершаемая между первым и третьим часами ночи

Хусан в ответ что-то сказал, слово за слово, между ними возник спор, они раззадорились, как молодые петушки.

– Не будь консервативным фанатиком, ислам – религия великодушных. Если ты во время преклонения увидишь скорпиона, сначала отрази нападение, а затем обращай к молитве, – горячился Хусан.

– Ну, да, – отвечал Хасан – такие разговоры лишь отговорка для тех, кто не хочет как следует исполнять свои обязанности. – Затем, взяв книгу «Куръони карим», стал слово в слово переводить и толковать выдержки из текста, хотя прекрасно знал, что Хусан лучше его знает арабский. Мало того, он стал комментировать истории из жизни сподвижников четырех праведных халифов. Хусан тоже не молчал, доказывая свою правоту, приводил афоризмы святых: «Священные речи каждый понимает по-своему, на всем белом свете не встретишь мусульман, одинаково толкующих веру. У кого-то она сильнее, у кого-то слабее, почему ты всех меряешь по себе, Хасан? – бесился он.

Временами, когда такие дискуссии затягивались, сердце Хусана обливалось кровью, он выходил из дому и часами стоял под деревьями, изливая им свою душу. Потом... потом внезапно появилась та птичка! С её появлением ему расхотелось спорить с Хасаном. Однажды он даже сказал Хасану со слезами: «Прости меня, глупца не ведая спору, ты прав, как ни крути! – Хусан, расчувствовавшись, обнял брата: «Будь тверд в своей вере!». Жаркие споры, как взрывы вулкана, мгновенно стихли, Хусан согласился с доводами Хасана в отношении религии. Согласиться то согласился, но не изменился Хусан: каким был, таким и остался. Хоть и следовал он предначертаниям Хасана, но жил и мыслил как прежний Хусан. Интересно, да?

Порой птичка безмолвно сидела на ветке в объятиях урючины, сплошь усыпанной цветами. Птичка не засиживалась подолгу на одном месте, и поэтому Хусан торопился налюбоваться ею. Вот сейчас она показалась лишь на мгновение, порхая с ветки на ветку. Хусан поймал ее взглядом, всем своим существом превратившись в зрение. Птичка запела сладким голосом, лаская слух Хусана. Пела она увлеченно и самолюбвенно. Душа Хусана, наслаждаясь, таяла, как воск, сам же он оставался недвижим, как камень. Закончив пение, птичка быстро стала вертеть изящной головкой, и Хусан увидел ее живые, испуганные глаза. Ему показалось, что она тоже взглянула на него, взглянула... и тут же скрылась в ветвях дерева. Ее нигде не было видно, но через некоторое время птичка снова стала петь своим волшебным голоском.

– А ну вставай, ну что ты за человек? Так ты всю жизнь потратишь впустую, глядя в окно! – резко окликнул его Хасан, выходя из дому с книгой в руках. – Когда же ты, наконец, сосредоточишься на предстоящей беседе? Это ж не просто так, это соб–ра–ни–е, в котором участвует сам арабский шейх! Эй, если мы себя проявим как следует, то поездка за границу у нас, считай, в кармане.

В этот момент зазвонил мобильный Хасана и он, отвечая на звонок, отошел в сторону. Через какое-то время вернулся, сумрачный и расстроенный.

– Отец болен

Хусан рассеянно переспросил:

– Что?

– Ты что, оглох, я говорю, отец слег – вышел из себя Хасан – Глухой!...

– Вай, – перепугался Хусан. – Лишь бы не серьезно! Вскочив с места, он кинулся к брату.

- Не знаю... Что будем делать, Хусан? Здесь еще это собрание
– Что ты говоришь Хасан? Едем!

* * *

Ранним утром близнецы с легкими рюкзаками за плечами отправились в дальний путь. Выходя из дому, Хусан вдруг услышал мелодичные и задушевные трели не одной, а сразу двух птичек. Озираясь, он на минуту остановился. Действительно, в ветвях дерева сидели две птички, неизвестно откуда появившиеся, и как две капли воды, похожие друг на друга. Кто из них старая знакомая, а кто – гостья, невозможно было определить.

– Смотри, Хасан, птичек стало две, так похожи друг на друга, словно близнецы, – изумился Хусан.

– Хусан, давай ты мне не будешь действовать на нервы с утра. Дорога предстоит длинная, – торопливо заметил Хасан, обходя брата.

Вскоре близнецы, сев в такси, направились в родные места. Примерно через три часа их машина остановилась у маленького придорожного кафе.

– Покушаем? – водитель, не дожидаясь ответа, вышел из машины и засеменил в сторону забегаловки. За ним последовали муж с женой, знаками приглашая близнецов за собой.

– Нет аппетита, – произнес Хусан.

– Идем, помолимся, – открыв дверь машины, сказал Хасан.

Место, куда они спустились, было весьма живописным. У подножия горы раскинулось широкое поле, сбоку шумела речушка, а у перешейка росли невысокие деревья то ли обычные ивы, то ли плакучие – сразу нельзя было понять. Под этими деревьями текла кристально чистая вода. Хусан, опустившись на колени у арыка, ополоснул лицо и встрепенулся: «Ух, ты, холодная!»

Так торжиза же. – Хасан присел на корточки около брата. Ты совершил омовение?

Совершить – то совершил, но до дома уже близко, может там спокойно, не спеша, помолимся?!

Нужно молиться вовремя. Хусан, ты теорию знаешь, как пить чай плев, а когда дело касается практики, становишься каким-то перасторопным, – сказал Хасан. – Вчера на предписании о добрых делах, на котором, кстати сказать, тебя не было, рассказывали, как один пассажир, совершая намаз, опоздал на рейс. Через какое-то время пришло известие о том, что его самолет попал в авиакатастрофу, и все на борту погибло. Видишь, намаз спас его...

Нельзя такими примерами популяризировать молитву, – Хусан на минуту забыл, что обещал сам себе не спорить. – В самолете, может, были более добродетельные и чистосердечные люди. А что ты скажешь о несовершеннолетних и безвинных младенцах? Это судьба, жребий, написанный на лбу. Хасан, таким способом нельзя доказывать значение намаза. Хочешь, я тоже тебе поведаю похожую историю, – положив молитвенный коврик на землю, Хусан повернулся лицом к Хасану. Один парень, золотые руки, решил уехать за границу поработать. Его мать, оставаясь одна дома, сетовала: «У меня, сынок, почему-то сердце не на месте, может, не поедешь?» Сын, призадумавшись над словами матери, взвесил все за и против и все – таки решил уехать. В аэропорту выяснилось, что он опоздал, закончилась регистрация пассажиров, но, волей-неволей, возвратился домой и, расстроенный, пришел в своей комнате. В гостиной мать смотрела по телевизору «Новости», где сообщили о том, что самолет, в котором хотел лететь ее сын, взорвался в воздухе. Мать с рыданиями бросилась в соседнюю комнату к сыну: «Смотри, сынок, я же говорила, что неспроста у меня ноет сердце, твой самолет...»,

– слова застряли у нее в горле. Смотрит, ее здоровый и некогда цветущий сын лежит на полу бездыханный...

– Хасан, все дело в судьбе, или в роке. Если настанет смертный час, то нет никакой разницы, где это произойдет: в самолете ли, на земле ли... Живым тот набожный человек остался не из-за молитвы, это страницы скрижали...

– Не святотатствуй, не произноси слов всуе, Хусан, – рассердился Хасан. – Кто скажет, что ты учишься в Исламском университете?! В жизни ничего просто так не происходит. Тот мусульманин остался живым только благодаря молитве, это же ясно, как день! Не будь похож на упрямых неверующих, которые требовали от пророка доказательств, хотя и так все было ясно.

– Хасан, скажи: сохрани, Господи!

Не возражая больше, Хусан встал у молитвенного коврика.

– Дай Бог, братик, дай Бог, – прошептал Хасан.

* * *

Пока близнецы читали молитву под деревом, где-то наверху вдруг послышалось щебетанье. Хусан отвлекся и сбился с аята¹. Хасан, стоявший позади, поправил его. Закончив намаз, Хусан оглянулся по сторонам, ища птиц.

– Так ты или разума лишишься, или навлечешь на себя какую-нибудь беду, рохля, – завелся Хасан, собирая молитвенный коврик. – Как можно забыть аяты, которые повторяешь каждый день по пять раз! Где ты витаешь? Вспомни, что говорил Ахмад Жунайд? Даже маленькая ошибка во время молитвы подрывает основы веры. А ты... – Хасан замолчал, не найдя слов от возмущения. Хусан махнул рукой, не обра-

¹ Аят – стих Корана.

щая внимания на раздосадованного брата, он думал лишь о птицах, которые долго не попадались ему на глаза, хотя он внимательно высматривал их. Но, слава Богу, они оказались здесь, только чуть-чуть дальше. Птички слегка поклевывали друг другу головки своими жемчужными клювиками и издавали какие-то томные звуки.

– Что опять такое? Иногда ты переходишь все границы, – заворчал Хасан, наблюдавший за происходящим.

– Иди сюда, Хасан! – взволнованно позвал брата Хусан. – Посмотри вон туда, не их ли мы видели сегодня утром в Ташкенте?

– Э-э! Да что ты такое говоришь?! – Хасан даже не взглянул в ту сторону и направился к машине.

А Хусан подошел поближе, стал прислушиваться к щебетанию птиц. «О чем они щебечут?... Вот, если бы я понимал их быстрый переливчатый язык. Интересно, возможно ли это? Пророк, согласно книгам, понимал язык птиц. Наверно, хорошо знать их язык!»

Он вспомнил легенду о человеке, который мечтал обучиться языку птиц и животных. Согласно преданию, он пришел к пророку Сулейману и попросил, чтобы тот помог ему обратиться с просьбой к Богу об осуществлении его мечты. Сколько бы ни отговаривал его пророк, он упрямо стоял на своем. Наконец, упрямец получил то, что хотел и, возвратившись домой, услышал беседу кошки с собакой. «Курица хозяина больна и скоро умрет, а мы с тобой хоть один день наедемся вдоволь мяса», – говорит кошка собаке. Намотав на ус, хозяин быстро продал курицу на базаре. Через какое-то время опять услышал разговор: «Корова хозяина больна, скоро умрет, и мы с тобой целый месяц будем кутить». Он срочно избавился и от коровы. Но самое неожиданное было впереди: однажды он застал за беседой своих домашних питомцев: «Потерпи, в

этот раз наш хозяин сам болен, скоро умрет, и мы целый год будем пировать».

Испугавшись, бедняга поспешил в покои Сулеймана. «Ты не смог склонить голову перед малым испытанием, нужно было потерпеть, теперь же невозможно тебе помочь»,— услышал он ответ посланника Бога. Бедняга растерялся, у него потемнело в глазах. Через какое-то время он умер, а собака и кошка действительно лакомились на его поминках, которые растянулись на год.

«Наверное, правильно, что человек в некоторых вещах несведущ. Неудивительно, что нам даны мизерные знания о душе, в этом есть какая-то своя мудрость»,— прошептал про себя Хусан.— Почему эти птички отправились с нами в дорогу? Кто же они: на ласточек вроде не похожи, может, соловьи... нет, не соловьи. Внешне похожи на маленьких белых пичужек, может жаворонки нет... на наших горлиц смахивают... но, нет, они не из них! На всех похожи, но все-таки, другие это птицы!— размышлял Хусан — Как же они прекрасны! И что же означает их щебетанье? И почему они следуют за нами?!

* * *

Наконец, близнецы добрались до дома. Их отец лежал в постели, у него поднялось давление. «Сколько уже лет, все никак не может успокоиться: то с кетменем в огороде, то в саду возится, то ухаживает за скотиной», — журила его напуганная мать.

— Да, но что мне делать, если я не могу жить по-другому, не могу не трудиться,— оправдывался отец....

Успокоенный хорошим самочувствием отца, Хусан взял за правило гулять по саду. Не в этом ли очарование весны, что человек не в состоянии постичь всего многообразия птичьих голосов.

– Что ты там потерял, – недоумевал Хасан, наблюдавший за ним. А он, ни на что не обращая внимания, упрямо искал необыкновенную парочку. «Я их обязательно разыщу среди множества птиц в саду, мои ни на кого не похожи», – думал он. Впрочем, волшебные птички сидели рядышком и сладко пели на слегка склоненной ветке рано зацветшего миндаля. Хусан подошел поближе к дереву, остановился на расстоянии, чтобы не спугнуть их, замер на мгновение и стал подыскивать удобное место, чтобы присесть. Расположившись на пне, Хусан погрузился в волшебное пение удивительных птиц. Через некоторое время Хусан заметил, что в саду звучала целая симфония птичьих голосов. Сначала это были лишь какие-то беспорядочные звуки, но постепенно все слилось в изумительную гармонию. «О, господи!» – прошептал Хусан и вопросительно глянул на своих птичек, словно хотел узнать, какое же место им определено в этом грандиозном хоре. Тайна раскрывалась постепенно, и чувства переполнили сердце юноши. Дело в том, что своим волшебным пением птички руководили этой сказочной симфонией, наполнившей сад, направляли ее в нужное русло. И действительно, как только они неожиданно умолкли, Хусану показалось, что гармония нарушилась, общая песня стала беспорядочной и фальшивой. Как будто чувствуя это, птички снова нежно запели, выравнивая мелодию. Душа Хусана наполнилась чудесным умиротворением и каким-то одухотворенным блаженством, все чувства смешались и слились в божественное единство.

* * *

К счастью, через несколько дней самочувствие отца улучшилось, что несказанно обрадовало близких. Он призвал к себе близнецов и, поцеловав каждого в лоб, распрощался с

ними, как всегда напутствуя: «Дети, в жизни много соблазнов, будьте стойкими!».

Выйдя из родительского дома, братья сели в машину и отправились в столицу. Уже к полудню они были на перевале.

– Давай купим горных лепешек, в городе многие будут рады им, – внезапно предложил Хусан.

Все вышли из машины, но Хусан, однако, направился не в сторону торговых рядов с лепешками, а в другую, в заросли ив.

– Эй, лепешки здесь! – крикнул Хасан.

– Я сейчас, ты выбирай пока, – он окинул глазами ветви ив. – Где они? – Птичек не было видно, и это не на шутку встревожило Хусана. – Почему они мне так нужны? Птица – это птица, а я человеческого рода, откуда же появилась связующая нас невидимая нить? Почему я без них не чувствую себя счастливым, почему без них мне не хочется жить?! – с удивлением спрашивал себя Хусан.

Хасан тем временем уже уложил лепешки, курт и сушеный урюк в багажник машины.

– Хуса–а–ан! – услышал он, и ему ничего не оставалось, как вернуться к автомобилю. Открывая дверцу, Хусан услышал над головой щебетанье птиц и воспрял духом: «Господи, милосердный!» – облегченно вздохнул он. А птицы кружились в вышине и о чем-то переговаривались на своем птичьем языке...

* * *

– Опоздаем на пятничную молитву, какой же ты непробиваемый размазня! Ты что, забыл, что нам после намаза нужно идти на собрание? – напомнил Хасан, возвращаясь со двора после омовения.

– Да, сейчас, – Хусан схватил кувшин, стоящий у двери и поспешил в уборную.

Через некоторое время близнецы шагали в сторону мечети. А с веток урючины звучало громкое пение птиц. Хасан и Хусан торопливо шли по дороге, около базарных ворот они увидели нескольких молодых людей, избивавших человека неопределенного возраста.

– Э, Хасан, смотри, – Хусан направился в ту сторону

– Хусан, ты в своем уме, их целая толпа, – недовольно пробурчал Хасан, но все – таки пошел вслед за братом.

– Эй, эй, вы что творите, не стыдно вам?! – приближаясь, закричал Хусан.

Увидев двух рослых парней, торопливо направляющихся к ним, хулиганы бросились врассыпную.

– Пойдем уже, – Хасан потянул Хусана за рукав – Всё обернулось благополучно.

– Подожди немножко, – Хусан потряс за плечо валявшегося в пыли беднягу.

– Отстань! – оттолкнул потерпевший своего спасителя. Затем хотел встать на ноги, но, споткнувшись, упал лицом в пыль. От него разлило водкой и еще чем – то мерзким и отвратительным.

– Тьфу! – сморщил нос Хасан – пойдем отсюда, не видишь, это же совсем опустившийся человек! – он прикрыл лицо ладонью и отошел.

– Приятель, – стал молить тот человек, – пожалуйста... одолжите несколько сумов, – он протянул сухую, грязную и трясущуюся руку.

– Не давай! Дашь – пропьет, – предупредил Хасан, стоящий неподалеку.

Хусан засомневался: «дать, или не дать?»

Действительно, как же поступить правильнее – а? В такой ситуации нет готового ответа, если призадуматься. Прислушавшись к внутреннему голосу, он вытащил деньги и сунул в раскрытые руки.

– Глупец! – сказал Хасан – Ты же стал соучастником его греха!

Хусан, опустив голову, молча прошел мимо брата.

В мечети тьма народу, поэтому на молитву, совершаемую в честь добрых дел, нужно приходиться заблаговременно. Хасан и Хусан направились к своему постоянному месту рядом с имамом. Народ собирался отовсюду, чтобы услышать проповедь. Было так многолюдно, что если зазеваешься, то не найдешь и пяди земли, чтобы присесть. Вот поэтому Хусан так торопил братца. Близнецы еле протиснулись в передний четвертый ряд, да и то, между ними влез мужчина средних лет с козлиной бородкой. Все молчали, обратившись в слух.

Имам сладким и степенным голосом складно говорил о намазе: «Братья, вы всегда должны помнить, что молитва первостепенна в религии. Если она перестанет быть важной, что может случиться? Здание религии обрушится! Никакая причина не должна помешать молитве. Предание гласит, что у святого Умара был роскошный сад, похожий на «Райский Эдем». Однажды он, залюбовавшись очарованием сада, забыл совершить третий намаз¹. Когда он вспомнил, то стало ясно, что на молитву с собратьями он опоздал. Святой Умар был религиозным человеком и, не задумываясь, отдал в дар несчастным и нищим свой прекрасный сад. Видите, как бы ни было тяжело, он устранил препятствие, помешавшее его молитвам. Мусульмане, это только рассуждать легко, но на самом деле это очень сложно, не секрет, что, когда приходится совершать подобные поступки, мы не только не можем отказаться от великолепного сада, но и лишившись одного деревца, долго не можем успокоиться. А святой Умар? Он с корнем выкорчевал то, что тенью падало на его веру. Братья, если вы верующие, подумайте над моими словами...»

¹ Третий намаз – молитва, совершаемая перед закатом солнца

В этот момент в небольшое окошечко мечети, расположенное под потолком, с шумом залетела пара птиц и отвлекла внимание Хусана. Птички, догоняя друг друга, летали под куполом здания и щебетали. «О, господи, что же это за птицы? В них есть какая – то тайна. Иначе бы мы знали эту разновидность птиц. Их поведение, пение, движения – все, все другое...» – размышлял Хусан. Но, кроме него, никому не было никакого дела до птичек, все внимательно слушали имама.

Хасан тоже внимал ему, словно желая навечно запомнить это слова.

«Другой сподвижник пророка для совершения намаза «хувтон»¹ отправился в мечеть и, придя, увидел, что народ расходится, – продолжал имам. – «Ох, опоздал», – воскликнул он и побежал в другую мечеть, но, увы, и там намаз уже закончился. Он обежал все мечети в округе, но нигде не успел совершить молитву вместе с прихожанами. Возвращаясь домой ни с чем, он вдруг подумал: «Читать намаз дома в 27 раз лучше чем вместе с молящимися, что ж, я прочитаю эту молитву в одиночестве, наверняка она зачтется!». Дома он исполнил свое намерение. А ночью ему привиделся сон. Во сне он пришпоривал коня, чтобы догнать скачущую впереди группу всадников. Желая влиться в их ряды, он торопливо понул своего резвого, но никак не мог их догнать. Наконец, один из всадников обернулся и сказал: «Не старайся, ты ни за что не догонишь нас, потому что мы читаем намаз вместе».

Братья, вам понятен смысл сна? – воскликнул имам и сам стал разъяснять его смысл: «Те всадники – это верующие, которые молились в мечети, а тот, кто скакал сзади – человек, прочитавший молитву в одиночестве. Смотрите, люди, знайте разницу между молитвой, прочитанной в мечети вместе с другими верующими, и намазом совершенном в одиночестве!»

¹ Намаз «хувтон» – вечерняя молитва

У старика, сидевшего между братьями, затекли ноги, и он решил поменять положение, вытянув их перед собой со словами: «Слава Богу!».

В этот момент сверху на пожилого человека что-то упало. От сильной боли старик заохал. Упавшая вещь была ганчем, украшавшим потолок. То ли от собственной тяжести, то ли от того, что он был прикреплен наспех, ганч отвалился.

– Что случилось? – спросил имам, вытянув шею.

– Сверху свалился ганч, – ответили близ сидящие.

– Никто не пострадал? – спросил проповедник.

– Ничего особенного, Просто ушиб, продолжайте – почему-то повысил голос Хасан, опасаясь, что произошедшее нарушит беседу.

– Ты что, Хасан! У него, кажется, сломана нога, – растерянно заметил Хусан, наблюдавший за происходящим.

– Помогите мне выйти, – с трудом попросил пожилой мужчина.

– Обязательно, – Хусан, встав с места, взял подмышку старика.

– Возьми его с другой стороны, – обратился он к Хасану.

Сидящие на коленях люди посторонились, освобождая им дорогу.

– Там есть дерево, – указал рукой старик. Его положили около арька под урючину.

– Ух, ты, как сломалась, – воскликнул Хасан, глядя на изуродованную ногу.

– Ладно, юноши, снасибо, идите в мечеть, – растянувшись под деревом, мучина поправил искривленную ногу, чтобы проходящие, увидев ее, не испугались.

– Что вы говорите, дядя? Разве можно вас оставить в таком состоянии? – Хусан с беспокойством поглядывал на дорогу.

– Нет, сынок, из-за меня не опаздывайте на молитву. Что

Сломалось, то сломалось, уже не вернуть, – побелевшими губами прошептал старик, опираясь на правую руку, и положил голову на траву.

Прозвучал предупреждающий голос муэдзина.

– Идем, Хусан, намаз начинается. – Хасан, как и в прошлый раз, потянул брата в сторону мечети. – Надо идти, дядюшка кто-нибудь другой теперь поможет.

– Думаешь, что говоришь? Не видишь, в каком он состоянии, иди, ищи машину, нужно быстрее отвезти его в больницу – намочив в мутной воде носовой платок, Хусан приложил его к лицу пожилого человека. – Сейчас, дядюшка, потерпите лишь-чуть...

Аллоху акбар.....

– Намаз начался, Хуса-а-ан. – забеспокоился Хасан – На-а-а-аз!

– Смотри, Хасан, дядюшка сознание потерял...

– Я говорю тебе намаз, Хуса-а-ан! – закричал Хасан. – Не бойся веру!

– Хасан, если я сейчас не помогу этому пострадавшему человеку, то я думаю, что точно потеряю веру! – Хусан тоже повысил голос. – Как бы ты ни старался, не останавливаясь ни перед чем, вера – от Бога! Если он даст – она есть, если нет – то нет, понял?!

– Не святотатствуй! Идем на молитву!

– Сам не будь богоотступником! Идем, поможем сохранить жизнь человеку!

– Уважаемый шейх говорил... – слова застряли в горле Хасана

– Оставь уважаемого шейха, Хасан! Сам-то ты, что скажешь? Когда ты начнешь говорить своими словами?! – задыхнулся Хусан. – Разве можно жить чьей-то верой? О, господи, смотрю я, ты мусульманин лишь в мечети, а когда выходишь за дверь невозможно понять, кто ты!

– Думай, что ты говоришь, Хусан, – завопил Хасан.

В это время над цветущей урючиной, облаченной в белые одежды, как паломник, возвращающийся с хаджа, появились две птички и начали беспокойно щебетать. Они кружили то над мечетью, то над улицей, постоянно возвращаясь к бедному пожилому человеку. И только слышался шум крыльев и непрерывный щебет: «пир–пир, чирик – чирик».

Братья удивленно взглянули на птиц в синем небе и перевели глаза на дядюшку.

В воздухе все еще звучал голос муэдзина:

Хаййа ьалас–солааааааах... (Приходите на намаз)

Хаййа ьалал–фалаааааааах... (Приходите на прощение)

Код коматис солах... (Начинается молитва)

Хасан растеряно смотрел то на слабеющего старика, то на открытые ворота мечети, откуда слышались призывы на молитву. Колебаясь он нерешительно делал два-три шага в сторону мечети, а потом вновь устремлялся к старику. Все это время одна из птичек постоянно кружила над его головой, и в ее чириканье чувствовались настороженность и недовольство. В воздухе прозвучало: «Сомкнуть ряды», и Хасан торопливо кинулся в мечеть. Тогда... тогда, эх...

Птичка порхнула совсем низко, будто желая преградить ему дорогу: послышался какой-то странный звук, похожий на писк. Хасан сердито махнул рукой: «кыш!», задев ее кончиками пальцев. Она отлетела и рухнула, и только несколько перышек закружилось в воздухе. Хасан торопливо вбежал в мечеть...

А. Хусан в это время ловил машину. Наконец, взяв на руки потерявшего от боли сознание пожилого человека, уложил его на заднее сидение машины, а сам сел впереди. «Пожалуйста, брат, поезжайте быстрее». Белая машина стремительно рванула с места.

Птичка, кружившая все это время над мечетью, шумной улицей, пышно цветущей урючиной, вновь защебетала. Когда

и воздухе послышалось «Оллоху акбар», она полетела и сделала круг над мечетью, затем легко порхнула в сторону уехавшей машины.

Около ворот мечети маячили женщина – попрошайка и черненький мальчуган, который, увидев на земле искалеченную птичку, хотел ее поймать, но все его старания были напрасны, потому что пострадавшая птичка обернулась, бросила взгляд в сторону приближающейся опасности, рванулась, придя в себя, и, наконец, расправив крылья, взмыла высоко в небо. Полетав, она опустилась на ветку урючины.

* * *

После молитвы мусульмане группами выходили из мечети. С ними вышел и Хасан, направляясь в сторону урючины. Он сомневался, куда ему податься, то ли в сторону больницы, то ли в другую сторону. «Эх, Хусан, ведь было собрание!» – прошептал он с сожалением. Затем он вспомнил о предстоящей встрече с шейхом Ахмадом Жунайдом, и душа его успокоилась и наполнилась тихой радостью.

Тихо сидевшая до этого птичка резко вспорхнула ввысь, а с трепещущей ветки урючины осыпались все цветы. Потом она закружилась над Хасаном, издавая странные звуки. Видевшие ее люди обратили внимание на ее беспокойство, но Хасан почему-то не замечал её. Наверное, ему мешали то ли шум стремительно пролетающих машин, то ли мечты и надежды, переполняющие его. Как бы то ни было, птичка еще покружила какое-то время, затем тревожно защебетала и с каким-то не свойственным для птиц порывом устремилась прямо в синее небо, а через мгновение, растворившись в нем, исчезла из виду...

Когда птичка взлетела, вместе с цветами трепещущей ветки, на которой она сидела, стали осыпаться цветы всего

дерева, полностью обнажив его. Голое дерево казалось безнадежно мертвым. Но оно было ещё в таком возрасте, когда могло жить и плодоносить. И если в его корнях не заведутся черви, если оно выстоит под натиском стихий, то хочется верить, что следующей весной, оно вновь зацветет... Хотелось бы верить...

Да, если дерево не устанет цвести, пгичка тоже когда-нибудь обязательно вернется...

РЕКА ДУШИ МОЕЙ

Я очень люблю природу, потому что родился и вырос в кишлаке. И когда я покупал дом в городе, то я хотел, чтобы он находился в живописном местечке, где зелено, много деревьев, подальше от машин, людей. Найдя такое место, я купил себе подходящий домик. А потом... а что я мог потом? Начал жить как все...

Жить, по-нашему, значит – работа... потом – дом... домашние заботы, хлопоты, проблемы детей... Так уж заведено. Говорят, это судьба, но всякий по-своему понимает это выражение. Это как клеймо – если приклеилось на лоб, то все – баста – до самой могилы будешь с ним жить... «Нельзя ли изменить судьбу?», – такие мысли приходили мне не однажды, каждый божий день, и это правда. Но.., как видите, все снова – как всегда, как всегда – у каждого свое.

Судьба могущественна – всем это понятно, а еще таинственна и волшебна! Она predetermined Им как род, тело, цвет кожи. Ведь если ты Эшмат, как ты сможешь стать Ташматом? Вы хотите сказать, посредством пластической операции? Это очень частный разговор. На худой конец, даже если изменить внешность, то внутреннее содержание останется

прежним. В душе всегда всё то же: если Эшмат, то Эшмат, если Тошмат, то Тошмат! Не верите? Тогда слушайте. Если позволите, расскажу кое-что из своей жизни...

Когда-то я твердо решил изменить, если не свою судьбу, то хотя бы одну ее линию. Потому что я устал от своей жизни, от той, прежней, очень-очень устал. Она была похожа на строгого и безжалостного хозяина, который неустанно следил за мной и бесконечно выдавал сложные задания. Мне казалось, что у него и плетка была, с которой капала кровь. Это было не по мне. «Ладно, думал я, – ладно, пусть бы он записал мне все задания и потом не вмешивался, а я все, без исключения, выполню. Но, чтобы вот так стоять над душой, словно я в чем-то провинился, сердито смотреть, ругать, кричать, хлестать, ворчать... мне надоело...

Десять лет жил я с такими мыслями и, чтоб мне не жить, если за это время, я отредактировал хоть одну линию своей судьбы. Не то, чтобы не хотел, хотел, но желание оставалось только желанием. Вот так и жил: с работы домой, из дома на работу – сновал, как ткацкий челнок, и в один из дней, похожих как две капли воды один на другой, знаете, с чем я встретался лицом к лицу? С рекой!

«Что реке в городе делать?», – можете возразить вы, но скажу, вы опоздали, мне это в голову пришло раньше. (Потом моей жене). Пришло... но что делать, эти воды хоть и назывались анхором но были такими полными, красивыми и быстрыми, что, чуточку повысив ранг, я назвал бы их рекой. От меня, что, убудет?.. Да, как только увидел я этот канал, тотчас у меня вылетело: РЕКА! Вот так я и стал называть его рекой.

– Неподделку от нашего дома река есть, а!? – спросил я в тот же день жену. Она с удивлением долго и пристально смотрела на меня. – Да, – сказал я, смутившись, – что так удивленно смотришь?..

Супруга, молча подойдя ко мне, положила руку на мой лоб. И не сразу ответила на мой вопрос. Наоборот, начала говорить совсем о другом:

– Вы должны были пойти на родительское собрание к сыну – не пошли, классный руководитель звонила, я готова была от стыда сквозь землю провалиться. Очень просила, бедняга...

– А–а–а! – воскликнул я, открыв рот. – Бес попутал, на самом деле из головы вылетело!

– А в прошлый раз вы поставили свою дочь в неловкое положение, они с подружкой окаменели, вас ожидаючи. Сегодня – река... Какая река? Тот грязный арык в начале улицы, в котором вода еле-еле сочится, Вы рекой называете? Нет, тогда Вас точно, бес попутал!..

Я промолчал. Потому что если подумать, жена моя на все сто процентов права. Дело даже не в реке, потому что она реку, как и я, не видела раньше. Арык!.. Почему-то я не мог припомнить. Может и есть. Из-за того, что я слишком занят, я забываю то одно, то другое. Мне кажется, это не рассеянность. Мои мысли слишком заняты всякого рода мелкими делами! В последнее время я сделал привычкой записывать их на клочке бумаги и носить его с собой, как слепой палку. По-другому никак не получается. Я не успеваю всё выполнить. Не верите? Вот один список. Вчера вечером составил, читайте: 1) Собачку на дверной замок! 2) Свадебный подарок на свадьбу Сарвара. 3) По дороге электрочайник на работу (вчера сгорел). 4) Компьютер сына отвезти мастеру. 5) Заплатить за электр. 6) Справку из поликлиники (дочь не ходит на физкультуру). 7) Базар (картошка, лук, морковь, мясо, хлеб, масло...). 8) Подкачать шины машины. 9) Справиться о здоровье родственников с Юнусабада (их дедушка умер). 10) Старичка соседа отвезти к лекарю на Карасу (уж очень просил он). 11) Пойти на гап¹.

¹ Гап – застолье друзей.

Этот список – только на сегодня, обратите внимание. На завтрашний день я составлю новый. Исключив законченные дела, оставшиеся – я внесу в новый список. Но сколько не ниши – срочных дел не уменьшается. И список растет изо дня в день, не сокращаясь ни на йоту. Однако, в претензиях жены есть правда: разве может забыть отец дела, связанные с единственным сыном и единственной дочерью. Ладно, родительское собрание еще куда ни шло, но забыть о дочери с подругой, которые ждали меня напротив Алайского базара – это совсем никуда не годится. Как вспомню, до сих пор не по себе. Что и говорить. Но их не было в списке. Поэтому я и забыл. Если бы жена накануне напомнила, я бы включил под номером пять или десять, вот тогда было бы все в порядке. Сегодня человек, как машина, например, как компьютер. Что задумал, зафиксировал в уме или на бумаге – этим и будет занят. Мне так кажется... часто.

В списке – не основные дела, а второстепенные, дополнительные, выполняемые по ходу с остальными. Главное дело – оно другое. Утром в 9.00, как только я прихожу на работу, прячу этот список в карман. Потому что работа для сотрудника – священная обязанность. Нельзя смешивать с ней домашние, личные дела, знакомых, друзей и прочие мелочи. Наступает 18.00 – пожалуйста – кончай работу и доставай свою бумажку. И, пожалуйста, суета сует! У меня еще и на телефоне есть напоминания. Как только оторву глаза от списка, тут же «пилик–пилик», и на экране высвечиваются краткие записи того, что необходимо сделать. Например, «мет. 21.00», значит, в 21.00 надо быть у метро. Потому что мой одноклассник уезжает на заработки, его надо проводить. «Нот. 18.20» – это значит, надо быть в 18.20 у нотариуса, потому что есть дела, связанные с документами на машину и так далее.

В тот день, окончательно завершив все дела на работе и по списку, я возвращался домой. Вдруг моя машина отяжелела

и накренилась набок. Сразу понял: шина проколота. Остановился – точно, так и есть. Вытащил запаску. Заменял. А испорченное колесо положил в багажник. Завтра надо отвезти, чтобы починили, значит, в список его надо включить первым. Хотел взять бумагу и карандаш, чтобы сразу, не откладывая, записать, вижу – руки черные, перепачканные. И пластмассовая бутылка с водой, которая всегда при мне в машине, куда-то запропастилась. Оглянулся по сторонам, и... хотите, верьте, хотите, нет, увидел воду, величаво текущую совсем рядом со мной! Удивительно! Изумленно моему не было границ. Ведь я жил в ста шагах. «Неужели столько времени!?... – повторял я, как попугай. На самом деле, столько времени я не видел её! Она текла полноводно, извиваясь так плавно-плавно, кокетливо-жеманно, что слов не найти описать ее. Я же любитель природы! Грош цена моей любви, если я столько времени не замечал этого. Кому сказать – наверняка не поверят. Но это, правда, почти десять лет я не замечал, что около моего дома течет анхор, и только сейчас впервые увидел его!

Жизнеутверждающую тайну воды знает лишь тот, кто томился жаждой. Все мое существо в мгновение ока превратилось в жажду сердца, и я бросился к берегу анхора. Внезапно лицо, руки, тело ощутило успокаивающую прохладу воды, «ох!» непроизвольно вырвалось у меня. Наклонившись, я пригоршнями черпал и разбрызгивал воду из плавно текущего анхора. Лучи заходящего солнца смешивались с каплями воды, окрашивая их в разные цвета, в один миг создав яркую радугу, я опьянел от счастья, у меня закружилась голова.словно на мгновение я вновь превратился в маленького мальчика. Погрузился в цветной мир детства. Я чувствовал, величавая и спокойная, но в недрах сильная и бурливая вода, словно смывала с моего сердца боль, и мне захотелось кричать, как безумному. Это так. Ибо повседневные заботы, переполнив моё

сердце, стали болью и состарили меня. А анкор поставил на этом точку, да! В движении воды я увидел отражение своего детства. Да, лик своего детства! Счастью и радости не было предела. Я забыл о времени. Остался у воды. Гляжу на нее, и почему-то на самом доньшке сердца рождаются мысли о приходе в этот бременный мир и о конце, никогда ранее меня не посещавшие. Размышляя об этом, я понял, какими мелкими, несерьезными, неважными были все мои дела, и забеспокоился, не находя себе места. Я был обижен на себя, на дела, на судьбу. В моей душе проснулось желание жить по-другому, по-другому работать, все-все в жизни изменить. Я слушал мелодию текущей воды и понимал, что это песня о мире и человеке. В этой песне есть все о человеке. Я не хотел уходить от воды, мне захотелось броситься в её объятия. Я знал, если я так поступлю, омою всё своё существо всеочищающей водой и стану другим человеком. Без этого мои мысли об обновлении – чепуха, бред...

Сначала я решительно снял рубашку, но, когда уже собирался стянуть майку, меня остановила своим вызывающе резким звуком неожиданно сработавшая сигнализация. Одновременно раздался свисток, и над ухом прозвучал громкий голос: «Ваша машина?» – строгий голос продолжал: «Вы что, здесь купаться хотите? Вы в своем уме? Нельзя!!!».

Я, натянув майку, накинул на плечи рубашку и волей-неволей отошел от воды. Не понимая в чем дело, я недоумевал, перешагнув решительно стоя у воды.

– А ну-ка, предъявите документы!

Я подошел к машине, достал документы и подал их инспектору ГАИ.

– Что я нарушил, командир? – спросил я, собравшись с мыслями.

– У вас серьезное нарушение, – сказал инспектор, посмо-

трех документы. – Здесь остановка запрещена, будто сами не знаете! Да еще купаетесь в запрещенном месте, – иронично усмехнулся, глядя на меня, инспектор.

– Второе в вашу компетенцию не входит. Это вас совершенно не касается. К тому же у меня не было намерения купаться, я и не купался. Не придумывайте! – стал закипать я, переходя на уличный тон.

– Ах, так! – инспектор вытащил из сумки чистый бланк и стал что-то писать. – Вам и первого будет достаточно.

Так я остался без водительского талона. До этого у меня забрали права. Теперь еще это. Все плохо. Придется заново сдавать экзамен. Неуважительные и грубые слова инспектора: «Садитесь в машину и уезжайте отсюда!» – переполнили чашу терпения. От бывшего настроения не осталось и следа. Мне даже захотелось подраться с инспектором, не потому, что он забрал талон, а за последние его дерзкие слова. Захотелось, но стало стыдно. Ну что это, взрослый человек, к тому же нарушил правила, что еще?..

С надреснутой, как выпавший из рук арбуз, душой я сел в машину и дал газу...

* * *

Не прошло и трех дней, как почувствовалось отсутствие машины. В руках у меня опять список, о котором вы знаете, мозги заняты работой, всякими проблемами, но нет основного средства, которое помогало их решить – тягача, помощника нет. Не замедлили сказаться последствия. Не прошло и недели, список увеличился вдвое. Жена недовольна, сам нервничаю, ... но что поделать – не успеваю. Быт – это гроб, не зря говорят. Нас всего четверо маленьких, как цыплята, но желанием и потребностям нет конца: на праздник всем учителям надо купить подарки; детей необходимо отвезти на базар и

приодеть к празднику; приближается день рождения мамы – в прошлом году не смог поехать, в этот раз нельзя отложить; дома жена больная – нужно завезти документы на ее работу, затем к себе на работу; работа... потом в аптеку за лекарствами... если посчитать, голова кругом, в глазах темно. Временами я начинаю ненавидеть реку. Ведь из-за нее столько проблем на мою больную голову! Если бы не очарование реки, не увлекся бы, да, не увлекся! Хотя и с трудом, но справлялся же я. Все дела делал, успевал. Все были благодарны мне – родители, жена, друзья-приятели, окружающие и множество далеких и близких людей. Повстречал реку, и все пошло наперекосяк, да!..

* * *

Скоро внешние жизненные проблемы переселились внутрь: я стал видеть нелепые сны. Особенно резкий звук инспекторского свистка буравил мой мозг, как сверло. Поэтому и во сне, и наяву я стал осторожным. Наяву-то ладно, но во сне... вот что было странно. Ведь и бедняк, и богач не властны над сном, все равны, я это знал. А я... Что делать, будто мне наяву не достаточно, я и во сне пугаюсь: потому что мне снится река, мне хочется подойти к берегу. А когда подхожу... самое странное происходит: откуда-то слышится звук свистка, и я в холодном поту открываю глаза. И уже не могу сомкнуть глаз до рассвета. Днем стараюсь много и увлеченно работать, сделать как можно больше. Потому что сильно устав, я засыпаю уже без сновидений. Но хорошо, что в этом мире всему есть предел. Часто бывает, что работы невпроворот. В такие моменты я серьезно задумываюсь: для чего человек приходит в этот мир, для чего живет, для чего мучится? – и не нахожу ответа. Потому, что везде и во всем лишь мучительный, никогда нескончаемый труд. Труд прославляет человека! Разумный

человек никогда, ни в какие времена в этом не сомневался. Но труд труду рознь. Вот об этом я много думаю. Непрерывно ломаю голову о ежедневной суете современного человека. Какой он создал мир вокруг себя, а потом сам превратился в его раба! Если нужны аллегории, скажу: современный человек решил построить себе дом, чтобы жить в нем припеваючи, но так и не может никак его закончить. Так всю жизнь он и занят постройкой этого дома: месит глину, делает кирпичи, штукатурит... эх – хе – е, есть ли этому конец? С одной стороны строит, с другой – с такой же скоростью дом рушится. Словно когда-то заведомо, еще у истоков этой работы, все обдумав, кто-то решил: «Этот дом никогда не будет обустроен!». Но людям невдомёк – не знают они, что строительству не будет конца, мучатся, стараются. Мне вспоминается миф о Сизифе. Вы тоже его помните. Ну, тот Сизиф, который напрасно все старался вкатить на вершину горы тяжелый камень, кто его не знает? Мне хочется объявить на весь мир: «в каждом из нас устроился Сизиф, мы – Сизифы, каждый из нас!» Но эти мысли остаются при мне. Если заговорю об этом, знаю, что стану посмешищем для всех. Быть посмешищем – не трагедия, но я понимаю, что говорить бесполезно об этом. Что я один понял сущность мира? Все знают, но никто не придает этому такого значения. Лучше бы я не останавливался около реки, не стоило останавливаться. Потому что у всех внутри всегда звучит свисток. Свист предостерегает от того, чтобы не увлечься, быть как все, жить как все: чур, чурррр!...

* * *

Много воды утекло после событий, связанных с инспектором ГАИ. Я, кое-как сдав экзамен, получил водительские

права. Жизнь моя вошла в обычное русло, я опять погрузился в океан своих дел и забот: у меня снова машина, в руках список, на плечах гражданский, сыновий, отцовский, супружеский, дружеский и другие долги, составляющие суть движения к познанию... Как я мог думать о реке, подойти к ней, отвлечься от дел? Однажды увлекшись, какие невзгоды пережил! Сколько времени я потерял, сколько проблем нажил, сколько мучились я и мои близкие! Зачем еще раз подвергать себя опасности? Река... сколько хлопот мне она доставила, и если я опять окажусь у ее берега, несомненно, снова мучений прибавится. Все это так, и я не подойду к ней, даже если по делам мимо проезжать буду – не остановлюсь.

Даже если захочу остановиться, то не смогу: вон, на каждом шагу инспектор... О, Боже, в других местах их гораздо меньше. Что они все здесь собрались что ли? На каждом шагу свистят и машут красной палочкой! В такой ситуации, даже если захочешь, остановиться около реки не сможешь: прогонят свистки и красные палочки.

В дальнейшем, выходя из дому и возвращаясь, я поглядывал на реку: хотите, верьте, хотите, нет, но всегда на берегу реки было полно инспекторов, больше никого не было видно «Поэтому я и не видел раньше реки, – понял я. – Потому что только красные палочки мелькали и заставляли сворачивать... кажется». О боже–е–е, – говорю я с изумлением, – как я мог тогда остановиться, чтоб поменять колесо на машине, приблизиться к воде? Еще и посидеть на берегу, вымыть руки, побрызгать водой, увидеть радугу в лучах заходящего солнца, и получить столько удовольствия. Интересно, где тогда были красные палочки? Куда запропастились бдительные инспектора? Почему не свистнули предупреждающе?»

Да ладно, что бы ни было, теперь мне нет дела ни до красных палочек, ни до реки. По мне, пусть даже закроют ту ули-

цу. Сколько я страдал! Вся жизнь моя перевернулась. Главное, чтобы я мог приезжать и уезжать из дома, и все...

* * *

Прошли годы, словно вода.

Я больше не увлекался.

У меня машина, в руках список, в мыслях все взятые под контроль ответственные дела и их выполнение.

Я давно забыл о реке в центре города, рядом с моим домом.

Только... только однажды ночью все вознесенные молитвы рассыпались в прах... Однажды, выполнив все дела из длинного списка, ночью я увидел сон. В нем... в нем я снова повстречался с рекой...

И за ней никто не присматривал...

И она, переполненно вздымаясь, извиваясь, свободно катила свои воды...

И меня ждала она...

И я по ней соскучился!..

Торопясь, исполненный восторгом, задыхаясь от волнения, я кинулся к ее берегу. Наклоняясь, пригоршнями жадно пил. Стал брызгать водой на листья деревьев. Снова появилась радуга: цветная – цветная!..

И она заполнила мир!..

И мир расцвел радугой...

И я невольно встал с места. Встал и почему-то, положив руку на грудь, вытащил лист бумаги. На листке был список завтрашних дел: дли–иинииинииинный!

И я бросил его в реку без сожаления...

И я почувствовал себя свободной от оков, вольной птицей!

Почувствовал мир, ощутил запах неба...

Горбатые волны реки унесли список. Не проглотили, нет! Они подержали его, покрутили, поиграли с ним как мячиком, произдевались... Я не мог даже представить, что тяжелая ноша, мучившая и не оставлявшая меня всю жизнь, в виде бесконечных дел из списка так легко станет игрушкой свободных волн, я был поражен.

И я опять положил руку на грудь. Оттуда появился свисток. Не задумываясь, я с силой швырнул его в воду. Ах, если бы вы испытали хоть капельку того наслаждения, что испытал я! Боль и тяжесть в груди, тревоги, неприятности... – все-все утекло вместе с этим проклятым свистком! Да, исчезло!!!

Я снова засунул руку за пазуху и вынул оттуда какие-то палочки. Посмотрев на них, я узнал. Они. Эти палочки – те красные палочки, которые предостерегали меня всю жизнь, не позволяя подойти к реке. Потом... знаете что? Машина!!! Да-да, моя машина! Она громоздилась у меня в душе.

Я выбросил ее в свободные волны... Все выбросил! Ничего не оставив, выбросил.

Все вытащил и выбросил в воду, всё, что мешало мне встречаться, общаться с рекой!..

И всё это стало игрушкой волн.

Снова я засунул руку за пазуху, но там было пусто.

И я почувствовал облегчение...

Передо мной осталась река – великая река со своей неповторимой мелодией!..

И в этот миг я... проснулся...

Проснулся и почему-то торопливо засунул руку за пазуху...

цу. Сколько я страдал! Вся жизнь моя перевернулась. Главное, чтобы я мог приезжать и уезжать из дома, и все...

* * *

Прошли годы, словно вода.

Я больше не увлекался.

У меня машина, в руках список, в мыслях все взятые под контроль ответственные дела и их выполнение.

Я давно забыл о реке в центре города, рядом с моим домом.

Только... только однажды ночью все вознесенные молитвы рассыпались в прах... Однажды, выполнив все дела из длинного списка, ночью я увидел сон. В нем... в нем я снова повстречался с рекой...

И за ней никто не присматривал...

И она, переполненно вздымаясь, извиваясь, свободно катила свои воды...

И меня ждала она...

И я по ней соскучился!..

Торопясь, исполненный восторгом, задыхаясь от волнения, я кинулся к ее берегу. Наклоняясь, пригоршнями жадно пил. Стал брызгать водой на листья деревьев. Снова появилась радуга: цветная – цветная!..

И она заполнила мир!..

И мир расцвел радугой...

И я невольно встал с места. Встал и почему-то, положив руку на грудь, вытащил лист бумаги. На листке был список завтрашних дел: дли–иинииииииинный!

И я бросил его в реку без сожаления...

И я почувствовал себя свободной от оков, вольной птицей!

Почувствовал мир, ощутил запах неба...

Горбатые волны реки унесли список. Не поглотили, нет! Они подержали его, покрутили, поиграли с ним как мячиком, поиздевались... Я не мог даже представить, что тяжелая ноша, мучившая и не оставлявшая меня всю жизнь, в виде бесконечных дел из списка так легко станет игрушкой свободных волн, я был поражен.

И я опять положил руку на грудь. Оттуда появился свисток. Не задумываясь, я с силой швырнул его в воду. Ах, если бы вы испытали хоть капельку того наслаждения, что испытал я! Боль и тяжесть в груди, тревоги, неприятности... – все-все утекло вместе с этим проклятым свистком! Да, исчезло!!!

Я снова засунул руку за пазуху и вынул оттуда какие-то палочки. Посмотрев на них, я узнал. Они. Эти палочки – те красные палочки, которые предостерегали меня всю жизнь, не позволяя подойти к реке. Потом... знаете что? Машина!!! Да-да, моя машина! Она громоздилась у меня в душе.

Я выбросил ее в свободные волны... Все выбросил! Ничего не оставив, выбросил.

Все вытащил и выбросил в воду, всё, что мешало мне встречаться, общаться с рекой!..

И всё это стало игрушкой волн.

Снова я засунул руку за пазуху, но там было пусто.

И я почувствовал облегчение...

Передо мной осталась река – великая река со своей неповторимой мелодией!..

И в этот миг я... проснулся...

Проснулся и почему-то торопливо засунул руку за пазуху...

ИСОЖОН СУЛТОН

(род. в 1967 г.)

ЧАША НА ВОДЕ

От Рахимжана Рахмата

... Флюгерок, кружись не останавливаясь!

Пусть волны дальних неведомых стран кружат в едином порыве тебя и меня.

С детства я завидовал людям, живущим у моря. Мне всегда хотелось увидеть бурлящие пенные волны, сотрясающие окрестности своим шумом и ревом; рыб и других морских обитателей, выброшенных неугомонными волнами на берег; молнии, являющиеся внезапно из-за стаи туч и вонзающие свои огненные стрелы в морскую пучину.

И вот я на берегу моря... Чтобы испытать силу и мощь волн, мы с напарником выбрали самую необычную лодку. Я соорудил из фольги флюгерок, указывающий направление ветра, и водрузил на нос лодки. Его весело закружил морской ветер.

Ближе к обеду мы сели в лодку и отправились в морскую даль.

Серые волны тяжело и глухо бьются о борт. Суденышко ветхое, доски почерневшие, истертые. Мне жутко представить, что под нами тысячи бездонных водных впадин. Мне страшно от осознания того, как мала и ничтожна наша лодка, словно ореховая скорлупа на этой серовато-белой водной глади. На ум приходят строки из Джамолиддина Руми: «Мы, словно чаша на воде. Чаша плывет, не как ей заблагорассудит-

он, а по воле водной стихии. Это так. Некоторые понимают, что они на воде, другие – нет. Если бы даже удалось увидеть, как изящно и размеренно движется чаша по воде, то вряд ли можно было оценить это».

Море сливается с океаном, в недрах которого обитает бесчисленное количество огромных чудовищных акул и невиданных диковинных существ. Медленно двигаются какие-то огромные рыбы и гигантские осьминоги. В вечной темноте презятся мне плавающие слепые рыбы, которые никогда не выберутся наверх потому, что ближе к поверхности их чешуйчатая кожа может лопнуть. Невозможно осознать, как они могут жить в этой вечной темноте.

Увидеть эти завораживающие, прекрасные зелено-голубые волны моря – мечта моего детства. Их сила, бескрайность восхищают и вместе с тем рождают в душе неведомые, странные чувства. По ту сторону раскинулись таинственные экзотические страны. Огромные фабрики беспрерывно извергают в небо клубы дыма, то и дело вспыхивают яркие огни. Люди тех мест говорят на незнакомом мне языке. Наверное, они по – особому общаются, по-другому воспитывают и любят своих детей и выглядят как то иначе.

Море – удивительное зрелище. Оно живет своей жизнью, полной мощного движения: шумит, плещется, ни на секунду не умолкая. Даже когда оно спокойно, задумчивая мелодия его плеска выразительнее шелеста нашего ветра. Луна, растущая день ото дня, приводит в движение морские воды: с утра стаи волн в пене и брызгах катятся на берег и бьются, и напирают, взбегая одна за другой на белеющий косогор, оставляя скалистые камни под водой. А вечером вода возвращается, и беловатый песок берега снова обнажается, кое-где в ямках трепыхаются мелкие серебристые рыбки, которых течение не возвратило в море. Кое-кто специально вырыл лунки, и сейчас эти люди заняты ловлей плененных рыб.

Остаются позади берега. Лодка мерно покачивается. Иногда под водой мелькает огромная тень. Скорее всего, это громадная рыба, которая то появляется, то исчезает. Опасаюсь, не акула ли людоедка, намного больше нашей лодки, плывет за нами, почуяв человеческий дух. Мне страшно, а вдруг она одним ударом перевернет лодку.

Мы – люди выросшие вдали от моря, и потому оно нам кажется несколько чужим. Действительно, здесь совсем ничего нет из того, что нам знакомо. И откуда ему быть? Вдали мелькают точки – головки играющих детей, им хорошо знакомо море. Да, наверняка, им известны нрав и особенности мелких морских обитателей. Если они когда-нибудь окажутся в тех местах, где вырос я, не удивительно, что наши края покажутся им чужими. Возможно, они даже не захотят жить там, где нет моря. Здешние люди строят свои дома близко к берегу, фундаменты домов высокие, сделаны из каменных глыб. По утрам, выйдя на террасу, завтракают и наслаждаются свежим ветерком, который набегаёт с моря, обдавая прохладой. А вечерами ветер дует уже в сторону моря. Это морской бриз, который появляется во время прилива и отлива.

Взыгравшее море – зрелище устрашающее. Вы чувствуете, какую-то грандиозную непобедимую силу, наблюдая как на поверхности моря рождаются эти гибкие и сильные волны, и всё поднимаясь, бурля и пенясь, наступают плотной стеной, тесно связанные каким-то единством цели. Удивительно, но все это проделки луны! До рассвета тонкий серп луны льет нежнейший свет. Почему на рассвете бывает прилив, а к вечеру – отлив? И какая здесь связь с луной?..

Волны плещутся и бьются о борт. Наша одежда давно уже влажная, лодка намочла и отяжелела. Из какого дерева она сделана? У нас растут тополь, ива, карагач, орех. Возможно, это кипарис. У нас из кипариса, ... помнится, делают погре-

бальные носилки. Кипарис вертикально прямой, древесина его непрочная. Значит, не кипарис. Для лодки нужны легкие, сухие и не мокнущие доски. Наш тополь подошел бы, но здесь его нет, здесь растут сосны, пальмы, довольно много белых берез. Они напоминают наш осокорь (черный тополь), только пышнее, листочки тоньше и шелестят даже без ветра.

Берега постепенно отдаляются. Теперь люди едва различимы, дома кажутся совсем крошечными.

Под лодкой все еще мелькает огромная тень. Горизонт пуст. Покажутся ли берега других стран, если мы будем плыть в этом направлении еще несколько дней? Земля необъятная и бескрайняя в тех райских местах. Там тоже живут люди? А землепашцы, садовники у них есть? А когда громко плачут их дети, испугавшись внезапно вылетевшей из-за деревьев птицы, матери так же кидаются успокоить их? На земле же везде одинаковые дети? А взрослые? Нет, взрослые разные! Дети такие же, а взрослые совсем другие. Конечно, есть и землепашцы, и садоводы! Не удивительно, что они похожи на наших соотечественников. Только каковы их посевы? У нас фрукты очень сладкие. А фрукты из холодных стран отдают чужбиной. В тех странах цвет одежды, которую предпочитают люди, весьма необычный. Наши люди любят многоцветность. Наверное, отношение к цвету формируется на основе цветовой гаммы своей родины... Неудивительно, что у людей тех стран свой облик, цвет, говор, даже глаза, взгляд и выражение лиц другие.

Я вырос на лоне полей. Приехав к морю, заметил, что наши деревья на самом деле не такие уж и высокие. Самое высокое дерево в моем селе – тополь, он растет по краю каждого огорода. Невольно восхищаешься при виде ровных, в ряд растущих вдоль берега кипарисов. Будут ли они расти на моей родине, если их привезти и посадить? Нет, скорее всего, не перенесут особенностей нашего климата. Сможет ли зеле-

ный кипарис выдержать силу ветров моей Отчизны? Я вспоминаю деревья в нашем дворе, где я вырос: все они изогнуты в сторону восхода, это работа ветра – суховея.

«Хлюп, хлюп» плещутся волны.

Хотя вокруг вода, но солнце печет безжалостно. Здесь я ощутил насколько дороги и любимы сероземы моего отчего края. Все мое существо внезапно охватила тоска по Родине, будто плотина прорвалась внутри меня, и бушующая стихия заполнила сердце.

А вдруг мы не сможем вернуться и останемся здесь? А если погибнем от жары и жажды за несколько дней плавания?! Чувствую, что не хочу быть погребенным в пучине. Вода – это другой мир! Под водой ветры превращаются в течения. И только Господь Бог, только солнце и луна – общее и для суши, и для водного мира. И все! В остальном – все другое. Но я хочу умереть не в этом мире, а в своем! В этот момент даже кладбище на моей родине кажется дорогим и родным. Мне дороги могилы, выкопанные весной, когда теплая темно – песчаная земля перемешана со всходами. Если бы я умер в родном краю, то был бы похоронен, конечно, рядом со знакомыми и близкими мне людьми. А если смерть настигнет меня в этом месте, с кем рядом я буду лежать?

Вода тихо бьется о борт лодки, жажда усиливается.

Чужбина! Чужая! Эта вода чужая. Это небо чужое! Птицы, летающие в нем, божьи создания, и они чужие. И тут понимаю, что птицы наших краев щебечут... на родном мне языке. Удивительно, птицы поют на моем языке?! Деревья моего края понимают мой язык! Осознаю, что их внешний вид соответствуют облику наших людей. Всё: и отец, вечно пропадающий в огороде, и мать, разжигающая тандыр¹, и птицы, наблюдающие за ней, и куры с цыплятами, важно вышагива

¹ Тандыр – глиняная печь для выпечки круглого хлеба (лепешек)

ющие из зарослей кукурузы, и бараны в загоне – все превращается в единое целое!..

Меня не признает море, потому что мне не дано постичь тайны водного мира. В своем краю я всему был господин. Деревья росли так, как я хотел, земля приносила плоды, которые я желал, да все вокруг подчинялось и служило мне. Зная, для чего существует все живое, я мог подчинить его своим потребностям. А здесь, среди волн, единственное, что подвластно мне – вот эта лодка.

...Море волнуется, пенится.

Эта бескрайняя вода... На земле, где кончается власть моря, необычные страны... люди... манят к себе, привлекают, поражают своей красотой. Диву даюсь, для всех ли так дороги родные места? Ощущаю единение природы моей Отчизны с моими соотечественниками. Люди становятся похожими на природу, или природа на людей? Те же иностранцы на лоне природы моей Родины покажутся чужими, они не вписываются в нее. Интересно, если мы попадем на чужую землю, то, наверное, тоже будем чем-то инородным, словно белое пятно на черном крыле птицы, или серебристая прядь в смолянисто-черных волосах. Не могу представить себя бродящим по незнакомой земле, сознаю, что и мой родной язык не уместен в тех краях...

Вода непрерывно бьется о борта, покачивая лодку. Под нами все еще мелькает, то появляясь, то исчезая, черная тень. Белые чайки парят над морем, изредка касаясь грудью воды.

Мой приятель, погруженный в свои мысли, внезапно закричал:

– Надо возвращаться! Как бы нам не заблудиться и не оказаться в открытом океане!

– Неужели! Вроде лодка стоит на месте.

– Течение, – сказал он, указывая на воду. – Когда начина-

ется отлив, может отнести минимум на сто верст от берега, понимаешь?

Вот как? А ведь он прав! Действительно, ближе к вечеру вода отходит от берегов, и тогда вряд ли мы сможем плыть против течения, нас вынесет в открытое море. Мой товарищ внезапно схватился за весла.

– Мы должны грести к берегу, – заволновался он. – Если нас отнесет течением, мы не сможем вернуться.

А берега уже давно не видно. Вдруг осознаю, что здесь Время отсутствует. Такое ощущение, будто мы попали в те времена, когда вода поглотила землю. Это какой век? Когда был всемирный потоп? Говорят, что во времена Ноя на земле не осталось суши. Мы словно в том времени, будто на земле, кроме нас никого нет!

Да, мир затоплен, на воде два правоверных мусульманина, под водой безгласые немые рыбы... в небе летающие морские птицы, кричащие на чужом языке... словно тень плывущий силуэт... может это кашалот?

Его беспокойство передается мне. Сначала медленно, потом все энергичнее работаем веслами.

А если начнется шторм? Сейчас пока в воздухе не чувствуется признаков бури. Как бы внимательно я ни вглядывался, предвестия шторма не увидел. У себя на родине я различал малейшие перемены в погоде, здесь же и знаки другие, свои. В моем краю, если скапливаются комары, ласточки начинают кружить близко к земле, а горлинки не вылетают из своих гнезд, значит, в воздухе накопилась влажность, и польет дождь. Если птицы чистят свои перья, быть жаркому дню... Если закат алый, завтрашний день жди ясным... Белые птицы, с криком кружащие над нами, не подают мне никаких знаков. Морской шторм – страшное зрелище, что делать, если он начнется? Я не боюсь остаться в безводной степи, эти места

знакомы мне. Я знаю, какие корни нужны для еды, какие травы освежают, избавляют от жажды. А здесь? Море тоже степь, только водная, но вода непригодна для питья. Боже мой! Сознание, лихорадочно работая, мгновенно находит выход: если прокипятить воду, соль осядет, можно собрать капли и напиться. Или дождевая вода – пресная, если ее как – то собрать... Можно ли на лодке развести огонь?

Волны растут. Между ними появляются глубокие водяные ямы. Море бурлит и пенится.

* * *

Внезапно мой напарник перестает грести. Он хватается за руку с такой силой, что лодка накренилась.

– Стой, – говорит он, впадая в панику. – Мы заблудились, мы плывем в противоположную от берега сторону.

– Не может быть, – возражаю я. – Если ориентироваться по солнцу, ... то закат должен быть слева, если мы плывем верно.

– Взгляни на течение, – говорит он.

Действительно, казалось, что неразличимые многочисленные течения направлены в открытое море, и возвращающиеся воды уносят нас в противоположную от берега сторону.

– А может это не так, – говорю я и бросаю в бурлящую воду платочек. Какое-то время он кружится вместе с лодкой, затем какая-то любопытная рыбешка уносит его вглубь.

– Все воды от берега движутся в открытое море, и чтобы ты ни бросил, оно будет плыть рядом с лодкой, – сказал мой напарник.

– Ты глупец? Если будем грести в ту сторону, куда указываешь ты, мы выйдем в открытый океан, – говорю я, окончательно потеряв терпение.

– Нет, это ты заблуждаешься. Я стараюсь указать тебе верный путь, – стоит он на своем.

Что делать? Жажда постепенно усиливается, делаю глоток, долго держу во рту воду, затем помаленьку глотаю. На самом деле, отлив отнес нас вглубь, и, как назло не на что равняться, мы даже не знаем, как ориентироваться по солнцу. И только океан со всех сторон.

Продолжаю решительно грести, тогда мой товарищ, подняв весло, начинает угрожать:

– Послушай меня, иначе сейчас огрею тебя по голове и утоплю!

Что с тобой случилось, дружище? Мы же всегда понимали друг друга? Почему ты колеблешься? Ведь ты ошибаешься, и если мы поплывем в этом направлении, то наверняка погибнем! Почему ты не хочешь понять этого?

– Не торопись, подумай, – умоляю его. – Ты ошибаешься! Подумай, мы сможем найти верный путь лишь по солнцу, а оно вот-вот зайдет! А если мы останемся на море в темноте? Вспомни, вспомни – где было солнце, когда мы начали наше плавание?

– Было над нами, – буркнул он, все еще хмурясь и сомневаясь. – Помню точно, было в зените!

– Эх, если бы мы были дома, то вообще бы не сомневались, – с сожалением замечаю я. – В нашем краю на закате всегда появляется ветерок, и деревья склоняются в направлении ветра, к востоку, и тогда хоть как – то можно определить дорогу. А здесь невозможно.

– Не знаю, – ворчит мой напарник. – Но знаю точно, что течением нас уносит. Берег в той стороне, туда надо грести!

Подожди, друг. Не торопись...

Небо затянуло. Горизонт слился с океаном. Скоро и солнце скроется за серыми тучами, тогда вообще не на что будет ориентироваться.

Волны росли, становились все более грозными. Как представишь, что на тонком дне лодки может собраться слой воды в пять-шесть саженей – охватывает паника. Появляется шальная мысль:

– А что, если связать его и сбросить за борт? Но где веревка? Или, может, просто столкнуть в воду?

Гляжу на него исподлобья, он смотрит точно так же на меня. Неужели у него такие же мысли? Он тоже хочет столкнуть меня в воду?!

Беру неторопливо весло. Он делает то же. Весло тяжелое, увесистое, с него капает вода.

... Мир затоплен, на воде два правоверных мусульманина, и они как враги,... а под водой безгласые немые рыбы,... гигантская рыба, плывущая как тень,... в небе летающие птицы, щебечущие на чужом языке...

– Давай договоримся, – примирительным тоном говорю я, – какой толк от того, что мы потопим друг друга? Все равно одним веслом невозможно догresti до берега, смотри, и питьевой воды не осталось.

– Мы уже в открытом море, – безразлично говорит он, опустив весло. – Да смотри же ты!

– Смотреть на что?

– Чайки... – уныло сказал он.

Действительно, вокруг не видно чаек. Ну и что? Может они вернулись... и тут до меня доходит – чайки не улетают далеко от берега потому, что их гнезда на берегу, на скалах...

– О, боже! – воскликнул я, уронив весло. – Может они улетила потому, что испортилась погода? Если пойдет дождь, их крылья намокнут, отяжелеют, и им трудно будет летать?

– Они морские птицы, их перья не намокают ни от волны, ни при дожде, – заметил мой напарник. – Все кончено, друг.

Мы сидим напротив друг друга. Мой мозг лихорадочно

ищет выхода. Вокруг летают чужие птицы. Я их не знаю, может, это океанские птицы? Я слышал о птицах, которые отдыхают и даже спят, сидя на волнах!

Под лодкой движется все та же громадная тень–призрак.

А если придется ждать до утра? Нас отнесет к берегу течением, когда будет прилив?

Нет, не отнесет!

Тогда... с какой стороны дует ветер?

Подожди!

Я сказал ветер?

Я вскакиваю, лодка сильно раскачивается.

– Ветер! – с волнением говорю. – Я нашел выход! Ветер!

– Причем тут ветер? – удивленно спрашивает меня напарник.

– Здешний ветер с утра дует в сторону суши, а вечером в сторону моря! – от радости не могу усидеть на месте. – Понимаешь? Сейчас ветер дует сзади, значит, сторона, на которую ты указываешь – не берег, а открытое море. Берег сзади, куда указывал я, теперь понял?

– Почему ты стал таким непонятливым? – все еще злится мой напарник – В открытых водах ветер дует в любую сторону. Может это ветер отлива, а может и ветер бури?

Я тоже засомневался. Если это окажется шторм, то мы, несомненно, плывем навстречу своей гибели. Не лучше ли ничего не предпринимая надеяться на то, что не сегодня, так завтра проплывет рыболовное судно и подберет нас? А волны все усиливаются, бурлят, ветер действительно непрерывно дует в разные стороны.

* * *

Вот и ... смеркается.

Сумерки... в моем краю подступают незаметно, сверкание вечерней росы напоминает сияние жемчужин. Вечер медлен-

но оседает, распространяя аромат цветов и запах каленого масла, наполняет окрестности бляением овец, пением удивительных птиц. Здесь тоже вечер уже наступил, разнося запах соленой воды и рыбы. Закат отражался на поверхности воды, как в зеркале, образуя яркие пятна, волны потемнели, стали бурыми, а зарево заката все разгораясь, блистало кровавыми бликами.

Ветер открытого моря нагоняет гигантские пенные волны.

Я не знаю тебя, морской ветер. Но ты же не ветер, образующий смерч? Мне очень хочется, чтобы ты оказался лунным ветром, который появляется на рассвете и на закате вместе с приливом и отливом. Не знаю, какая может быть связь между великим светилом, тихо плывущим высоко над землей, и этим ветром воды. Но твое дыхание вселяет надежду.

... Скоро океан полностью погрузится в темноту.

В моем краю наступление темноты тоже прекрасно. Ее приход незаметен: точно тонкий занавес медленно и неторопливо опускается на деревья, на опоры виноградных лоз, на пыльные улицы, на аккуратно убранные поля – спускается тихо и бережно! Кое-где, во дворах можно увидеть семьи, оживленно беседующие за ужином под желтым светом фонаря, висящего на ветке айвы или яблони. Соседи угощают друг друга ужином. У очага слышен звон помытой посуды, которую раскладывают по местам. Вокруг стоит запах клевера, молока, запах свежесрезанных листьев тутовника, смешанный с ароматом базилика, растущего во дворах.

Ночь опускается на волны бескрайнего океана. Но она для меня чужая. Я не узнал тебя, ветер бури, я не понимаю, о чем ты ревешь. Флюгерок на носу лодки бешено вращается так, что вот-вот сорвется.

Эй, кружись, вращайся!

Пусть грозные суровые волны этого неизвестного места сорвут тебя, как и меня, и закружат!

Похожа ли наша лодка на чашу на воде? Говорят, чаша плывет не так, как ей заблагорассудится, а по воле водной стихии. Да, это должно быть, так... Но скоро ее будет подбрасывать так, что другие чаши бросятся наутек, увидев это...

Чаша... лодка... Господи, какая связь между ними?

Эй, океан, хоть ты еще и сохраняешь нам жизнь в пучине высоко вздымающихся и с треском падающих волн, но ты – совершенно чужой! Поразительно, говорю я, крепко ухватившись за борта лодки. Всевышний создал Вселенную, чтобы люди Смогли в ней жить. Не так ли? Тогда почему я не чувствую тебя, океан? Почему ты не говоришь со мной? Или говоришь, но я не понимаю?

О чем ревешь, ураганный ветер? О чем воешь, вихрь, тревожа весь свет?

В моем краю все вокруг: небо, земля, солнце, заря, дождь, ветер, травы, ночь, рассвет, горы, сады – все было со мной единым целым, я был частью всего этого. А здесь... я лишь деревянная чаша на воде.

Ночь распростерла свои объятия. Наступила крошечная тьма, теперь из мрака слышны лишь незнакомые странные звуки. Руки, голова, тело, волосы – всё мокрое от соленой воды. Мы изо всей силы пытаемся уцелеть, вцепившись за борта лодки. Сверкает молния, разрывая небеса, звуки грозы сливаются с грохотом морской воды. Внезапно начинается проливной дождь. Такой дождь я вижу впервые. От дождевой воды, собравшейся на дне лодки, мерзнут ноги. Я вспоминаю о громадной тени, плывущей под нами. Ее не видно в темноте, но она, наверное, еще рядом. Эй, чудовищная тень-призрак, с самого берега верно следующая за нами! Может ты кашалот, спасший когда-то святого Юнуса? Может, как ни странно, ты пришла по мою душу? А может, пришла помочь мне, потому что я вдалеке от Родины? Эй, благословенное создание

Всевышнего, если хочешь, проглоти меня! Затем стремительно нырни в сторону берега и выплюнь меня на песок, и, может, тогда в бессознательном состоянии меня укроют от солнца огромные листья тыквы, растущей в родном краю. И все! Я вовсе не хочу, чтобы лодка перевернулась, чтобы я остался здесь, в бездонном чужом месте в момент судного дня вдалеке от близких, от своего народа,! Не хочу оставаться в чужом краю!

Эй, ураган, эй, волны, эй, морская пучина с ее бесчисленными обитателями, эй, создания других миров! Может, вы подаете какие-то предупреждающие знаки на своем языке двум правоверным мусульманам, заблудившимся в открытом океане? Как это беспокойное щебетание чаек, улетающих к беспредельно далекому берегу до наступления темноты, пока серые тучи не затянули небо? И когда мир погрузился во мрак, и сушу накрыла вода, они, наверное, тоже сочувствовали двум заблудшим человеческим созданиям, сидящим на деревянном островке, который, словно травинка, беспомощно дрожал на воде? Может, и все морские жители: рыба-меч, акулы, скаты, камбала, медузы – отчаянно предупреждали их о чем – то, то выныривая, то уходя под воду? Может, сочувствуя, они и меня хотели предупредить, но я не слышал? Не зря вспоминается всемирный Ноев потоп. Может, эта сторона, куда ты рьяно гребешь сейчас взывая: «Где грешники? Где богоотступники?» – не рай, а ад?..

Мне трудно ориентироваться в темноте, но в душе теплится надежда: а вдруг, выбранный мною путь окажется верным? Возможно, ветер и течение несут меня не к гибели, а к спасительному берегу. Пока я здесь, на поверхности воды, я ничего не чувствую, кроме желания подчиниться воле Всевышнего и судьбе. Меня охватывает ужас при мысли, что я могу превратиться в ничто в этой бушующей бездне. Осознание этого рождает в душе ураганы пострашнее шторма в этой крошечной

Похожа ли наша лодка на чашу на воде? Говорят, чаша плывет не так, как ей заблагорассудится, а по воле водной стихии. Да, это должно быть, так... Но скоро ее будет подбрасывать так, что другие чаши бросятся наутек, увидев это...

Чаша... лодка... Господи, какая связь между ними?

Эй, океан, хоть ты еще и сохраняешь нам жизнь в пучине высоко вздымающихся и с треском падающих волн, но ты – совершенно чужой! Поразительно, говорю я, крепко ухватившись за борта лодки. Всевышний создал Вселенную, чтобы люди Смогли в ней жить. Не так ли? Тогда почему я не чувствую тебя, океан? Почему ты не говоришь со мной? Или говоришь, но я не понимаю?

О чем ревешь, ураганный ветер? О чем воешь, вихрь, тревожа весь свет?

В моем краю все вокруг: небо, земля, солнце, заря, дождь, ветер, травы, ночь, рассвет, горы, сады – все было со мной единым целым, я был частью всего этого. А здесь... я лишь деревянная чаша на воде.

Ночь распростерла свои объятия. Наступила кромешная тьма, теперь из мрака слышны лишь незнакомые странные звуки. Руки, голова, тело, волосы – всё мокрое от соленой воды. Мы изо всей силы пытаемся уцелеть, вцепившись за борта лодки. Сверкает молния, разрывая небеса, звуки грозы сливаются с грохотом морской воды. Внезапно начинается проливной дождь. Такой дождь я вижу впервые. От дождевой воды, собравшейся на дне лодки, мерзнут ноги. Я вспоминаю о громадной тени, плывущей под нами. Ее не видно в темноте, но она, наверное, еще рядом. Эй, чудовищная тень–призрак, с самого берега верно следующая за нами! Может ты кашалот, спасший когда-то святого Юнуса? Может, как ни странно, ты пришла по мою душу? А может, пришла помочь мне, потому что я вдалеке от Родины? Эй, благословенное создание

Всевышнего, если хочешь, проглоти меня! Затем стремительно нырив в сторону берега и выплюнь меня на песок, и, может, тогда в бессознательном состоянии меня укроют от солнца огромные листья тыквы, растущей в родном краю. И все! Я вовсе не хочу, чтобы лодка перевернулась, чтобы я остался здесь, в бездонном чужом месте в момент судного дня вдалеке от близких, от своего народа,! Не хочу оставаться в чужом краю!

Эй, ураган, эй, волны, эй, морская пучина с ее бесчисленными обитателями, эй, создания других миров! Может, вы подаете какие-то предупреждающие знаки на своем языке двум правоверным мусульманам, заблудившимся в открытом океане? Как это беспокойное щебетание чаек, улетающих к беспредельно далекому берегу до наступления темноты, пока серые тучи не затянули небо? И когда мир погрузился во мрак, и сушу накрыла вода, они, наверное, тоже сочувствовали двум заблудшим человеческим созданиям, сидящим на деревянном островке, который, словно травинка, беспомощно дрожал на воде? Может, и все морские жители: рыба–меч, акулы, скаты, камбала, медузы – отчаянно предупреждали их о чем – то, то выныривая, то уходя под воду? Может, сочувствуя, они и меня хотели предупредить, но я не слышал? Не зря вспоминается всемирный Ноев потоп. Может, эта сторона, куда ты рьяно гребешь сейчас взывая: «Где грешники? Где богоотступники?» – не рай, а ад?..

Мне трудно ориентироваться в темноте, но в душе теплится надежда: а вдруг, выбранный мною путь окажется верным? Возможно, ветер и течение несут меня не к гибели, а к спасительному берегу. Пока я здесь, на поверхности воды, я ничего не чувствую, кроме желания подчиниться воле Всевышнего и судьбе. Меня охватывает ужас при мысли, что я могу превратиться в ничто в этой бушующей бездне. Осознание этого рождает в душе ураганы пострашнее шторма в этой крошечной

тьме. Громадные волны с грохотом набрасываются на лодку, в щели проникает соленая вода и, смешавшись с дождевой, собирается на ее днище. Временами молния, вонзавшаяся огненный меч в пучину бурлящей воды, готовой поглотить все на свете, освещала моего друга, сидящего на противоположной стороне лодки, как и я судорожно держащегося за борта. Он вглядывался в бушующую стихию, надеясь увидеть среди сверкания молний и страшных волн очертания спасительного берега.

Кружись, флюгерок! Дуй сильнее, ветер, унесший его в объятия волн! Шторм, подними до небес волны! Все мы в этот миг подвластны одной неукротимой силе! Наверное, тот, кто создал твои волны, молнии, бури и ветра, создал и путь к спасению? *«Когда человек тонет, то всякая попытка спастись не его, он в полной власти воды»*¹. Что для тебя дорого, я не знаю. Но двух людей в лодке, которую вертит, словно соломинку, среди бушующих волн, манит Отчизна. Страстные желания и мечты лишь о встрече с Ней. Возлюбленная моя, ты услада души... Я ощущаю всем своим существом неразрывную связь с Любимой, и, если ее не будет, мне остается лишь сгинуть в этой пучине. Водная стихия во власти Высшего Наставника. Это он распоряжается ею, он сделал так, что мы оказались здесь и, спасая мою душу, направляет к Ней, и предупреждает: «Помните добро, молитесь». Бури и молнии посланы для того, чтобы я осознал цену Ей и, преодолев все страхи, сомнения, панику захотел еще раз взглянуть в умиротворенное лицо Возлюбленной Отчизны.

¹ Из Джамолиддина Руми

НОЧНОЙ УРАГАН

*«Сирота, эй, сирота,
Где же сестренка твоя?..»
от Р. Рахмата*

В ветреную ночь по Дангаранской степи шли к бабушке брат и сестра.

Наступили сумерки, темнота еще не успела полностью накрыть степь.

Порывы встречного ветра раскачивали многочисленные дикие кусты пепельного цвета, распространяющие необычный аромат, подымавшаяся пыль окутала мглой все вокруг. Ветки белесоватой джиды, растущей по обочинам дороги, низко клонились, готовые вот-вот сломаться. Камыш шумел сломанными стеблями, в пыльном воздухе беспорядочно метались и вращались его метёлки.

Брат шел быстро чуть впереди, опираясь на крепкую палку. Сначала он держал сестренку за руку, однако, когда вихрь стал остервенело бросать в лицо и глаза опавшие сухие листья и солому, ему пришлось отпустить ее ручонку. Сейчас девочка бежала за братом, ветер развеивал ее цветастое платье и платок. Из шаровар выглядывали тонкие ножки, непослушные волосы, заплетенные в две косички, выбивались из-под узорчатого платка, она бежала, боясь отстать от брата. Ее брат, шагающий навстречу завывающему ветру, наклонившись вперед, в рубашке, вздымающейся словно парус, казался ей бесстрашным, сильным и смелым сказочным богатырем.

А ветер, беснуясь, то мёл по земле, то, завывая, поднимался ввысь.

В этих местах ветер начинается внезапно. Вызревая в горах, он с ревом вырывается из долин, устрашая округу. Он, словно стирал известковую пыль со стен кишпачных домов,

поднимал песок на крышах, пыль на улицах, ломал стебли кукурузы, со свистом расплескивал воду в грязных канавах, завывал в вышине, опускаясь, опрокидывал ведра, разметал аккуратно сложенное сено, засыпал песком норы степных сусликов, сносил прочь гнезда беспомощных птиц, чьи малюсенькие птенцы, чирикавая и щебеча, падали на землю, становясь добычей диких животных.

– ...*Помедленнее, братец!*

– *Шагай быстрее!*

– *Братец, родненький, помедленнее, я не поспеваю!*

Немалая часть пути пройдена, а вон там кишлак Дашт¹, в котором живет бабушка. Сегодня они отправились в путь, чтобы переночевать у нее.

У них нет матери, несколько лет назад она заболела и умерла. Мать была высокой, статной и привлекательной женщиной, доброй, заботливой, дети ее очень любили. Она пекла румяные хрустящие лепешки... Из уважения к памяти жены, отец долго не женился. Каждый день, уходя на рассвете из дома, к вечеру он возвращался, пьяно пошатываясь, обнимал детей, что-то бормоча обливаясь горячими слезами, а потом, наконец, засыпал. Это продолжалось несколько месяцев. Тогда их бабушка, чтобы помочь беспризорным детям, стала все чаще забирать их к себе. Наконец, недовольно ворча, отец по чьему-то настоянию женился на вдове из Чамача, болезненной, худой и очень ворчливой женщине.

Брат и сестра изначально не приняли ее, считали чужой, поэтому, сделав необходимую работу по хозяйству, они частенько уходили ночевать к бабушке. Дом бабушки был простой, маленький, казался наполненным покоем, тишиной, прохладным приятным воздухом. В маленькой нише стоит чайник с заваренным в нем айвовым чаем. На сандале курт², сухофрукты,

¹Дашт – Кишлак (село) в Ферганской долине

²Курт – высушенная в виде небольших шариков сюзьма

с брусочков в потолке свисают связки айвы, яблок, гранат, груш, гроздья винограда. Всего девяносто девять брусочков. На свет джидой.

Сегодня ребята успели закончить домашние дела задолго до того, как поднялся ветер. Отец в поле, мальчик пригляживал за скотиной, нарубил дров, а девчушка, согрев воды в большом казане, постирала белье пеплом из тандыра¹ и развесила его рядами, убрала в доме, вытряхнула старые половики. Маленький сводный брат почему-то заливается плачем. Мачеха не отходит от младенца, завернув в марлю курдючное сало, она пытается дать ему пососать, но ребенок выплевывает и снова плачет и плачет.

Именно в это время и начался ураган. Постоянно усиливаясь, он промчался по засеянным полям, крепчая сотрясал деревья, размел тандырный пепел, вздыбил воду в грязных канавах. Брат и сестра с утра договорились пойти к бабушке, потому что их тяготила эта чересчур «заботливая» женщина, ее ворчание и проклятия в адрес орущего младенца. Вечер наступил неожиданно быстро. С горных утесов поползли темные тучи, затянувшие небо. В миг поднялась пыльная буря, бьющая в окна.

Именно в это время дети, взявшись за руки, вышли из дома и отправились в путь.

* * *

...Было пасмурно, быстро темнело. С одной стороны тропинки роща, с другой – густые заросли камыша.

Ветер начал крепчать, с силой гоня тучи в небе, которые собирались в огромные глыбы, иногда между ними образовывались просветы, проглядывал краешек тусклой луны. Может

¹Тандыр – небольшая глиняная печь для выпечки лепешек.

быть, очень скоро начнется ливень? Когда между тучами проблескивает месяц, освещая все вокруг, проделки ветра становятся заметнее. Шум листвы деревьев, склоненных в три погибели, заполнил мир.

– Мне страшно, брат!

– Не бойся, чего ты боишься?

– Братец, а тебе не страшно – а?

– Нет, я ничего не боюсь!

В этот момент, зацепившись ногой о какой-то корень, девочка упала. «Ой, погибель моя!» – с ужасом воскликнула она и тут же взглянула на брата. Брат шел не оглядываясь. Она видит лишь его худые плечи и развевающиеся на ветру волосы. Торопливо поднявшись и отряхнув обеими руками платье, девочка снова бежит за братом. Её брат бесстрашнее и сильнее всех. Вон, как он шагает навстречу ветру с палкой в руке!

Эту девчушку зовут Нозик¹. Щеки в обветрены, руки и пальчики в мозолях, ладони покрыты волдырями, но это очень милостивая девчушка со смеющимися глазами. Имя «Нозик» дала ей бабушка. Мама звала ее Назокат². Тетки называли Латофат³. Подруги звали Нози⁴, тетки по отцу называли Гузал⁵ ... Милостивостью девчушка пошла в мать.

А еще она играет в камешки с похожими на нее девчонками с косичками, может иногда смастерить из тряпок куклу и баюкает ее. «Ой, родненький мой ребенок, ты проголодался?» – заботливо приговаривает она, а брат, подраживая, посмеивается над ней. А еще девочки, связывая две палочки, шили из лоскутков одежду, наряжали таких кукол и играли в «гости-гости». А когда готовили сумаляк⁶, смущаясь, под ободряю-

¹Нозик – тонкая, нежная, хрупкая

²Назокат – вежливая, любезная, деликатная

³Латофат – привлекательная, изысканная, чарующая, прелестная

⁴Нози – изнеженная

⁵Гузал – красавица

⁶Сумаляк – нац. блюдо мусульман, кашеобразная пища из пшеничного солода и муки

щие возгласы взрослых женщин: «ну, давай, скорей, не стесняйся», девочка погружала огромную шумовку в казан, подсчитывая сколько камешков покажется, и если в сумаляке появлялось пять-шесть камешков, смущенно убегала¹.

Сейчас же она в полной растерянности, то простирая крохотные ручки, то придерживая платице, которое рвет ветер, едва попевает за братом.

Брат хоть и одергивает ее, сам трясется от страха, не показывая сестренке вида. В безграничной степи в ветреную ночь происходят страшные истории, которые передаются людьми из уст в уста, вот и сейчас кажется, что ветер рождается из самых недр земли. Под низенькими безымянными кустами таятся злые джины, подстерегая заблудившихся людей. С шелестящего листвой черного дерева может спуститься черный человек с саблей. В руинах заброшенной старой мечети поджидает огромный див. Да, кто-то сейчас, вероятно, в пути, и никакие вопли не слышны в грохоте разыгравшей стихии, в этот поздний час среди деревьев, в темноте и свирепом вое природы, легко сбиться с пути. Многие заблудившиеся никогда не возвращаются в кишлак, исчезают бесследно, а если кто-то иногда и возвращается, то с перекошенным лицом и помутившимся рассудком.

Никто из них не знает и не может рассказать, чего испугался.

* * *

...Месяц исчез. Мрачные волны туч полностью закрыли небо.

— Брат!

— Пошли быстрее, а то брат, да брат!

— Брат!..

¹ На Востоке существует такая примета, когда готовился сумаляк, девушки мешают и черпают и, сколько появляется камешков в черпаке, столько будет детей у девушки

– Ну чего тебе?

– Братец!..

Сильный ветер сбивал с ног. Казалось, что тени деревьев вдруг ожили. Один куст неожиданно сдвинулся с места и выкатился на дорогу. Что-то круглое, огромное прокатилось сбоку и скрылось в камышах. Брату вспомнились страшные рассказы бабушки, может, это отрезанная голова ведьмы с криком: «Погоди, я тебе задам!» падает в яму. Ветви деревьев жадно тянулись к одинокой дороге. Лицо брата заледенело, как назло вдали не видно ни огонька. Во время урагана огни в кишлаке тушат. Даже свечи не зажигают, чтобы пожар не случился. Вой ветра заглушает бляние овец и баранов, визг собак.

– Брат, братец!..

Паренек старался справиться со своими беспричинными страхами, покачиваясь под порывами ветра и чувствуя, что ноги его подкашиваются. Ему хотелось мчаться опрометью. Но, куда? До бабушкиного кишлака еще далеко, вокруг шелестящие, потрескивающие, стонущие деревья, кустарники. В зарослях камыша таятся страшные чудовища. Он все крепче сжимал свою палку. Еще чуть-чуть и появится бабушкин кишлак. Этот завывающий над степью ветер страшен. Завтра на рассвете все изменится, стенающая земля успокоится, стихия утихомирится. Но почему сейчас так страшно? Может, потому, что темно? Да, темнота все меняет, делает неузнаваемным. Не надо было выходить из дому. Зачем отправились? Не лучше ли было спать спокойно около мачехи под крики младенца и ворчание отца?! Лучше бы спали под завывание ветра на террасе, завернувшись в одеяло. Хорошо слушать потрескивание тополей в ветреную ночь... Сейчас тоже слышится треск, может быть, ломаются ветки деревьев? Упругие кустарники крепки, степные кусты, прижимаясь к земле, приспособились к ветру.

Хотя бы месяц не исчезал за тучами. Однако с появлением луны страх усиливается. В лунном свете кажется, что всё в степи приходит в движение. Сердце снова замирает. Надо быстро, быстрее добраться до бабушки. Может, правду рассказывают взрослые о заблудившихся? Парнишка ускорил шаг, потом побежал. Что-то сильно зашуршало в камышах. Может, там страшные звери поджидают удобного момента, чтоб кинуться за ним? Быстрее бы добраться до бабушки...

* * *

...Наконец, показались темные деревья кишлака. Снова разыгрался ветер, послышался треск ломающихся веток. Слева за буграми придорожных канав слышался приглушенный свист. Звуки в кишлаке совсем другие, а в степи дикие, пугающие. Здесь тоже что-то трещит, скрипит терзаемая ветром дверь, открываясь и закрываясь, слышится вой собак.

И вот парнишка бежит по пыльной улице. Света нет, чуть дальше в маленьких оконцах некоторых домов мелькают огоньки свечи. Может быть, там сейчас сидят и неторопливо беседуют люди? Сердце парнишки громко стучит, все существо его охватила неизъяснимая дикая радость. Он громко захохотал задыхаясь... Наконец, он добрался до старенького бабушкиного дома. Закрытая с внутренней стороны на щеколду дверь постукивала на ветру. Он с силой ударил ее плечом, она открылась.

– Бабушка–а! Бабушка–а! – позвал он

– Ой, наконец! Ой, слава Богу, – послышался чуть погодя голос бабушки в завывании ветра. Не веря своим ушам, она, торопливо надев калоши, вышла. – Деточки мои, благополучно добрались, не испугались?

– Да нет, что, обычного ветра бояться что ли? – с достоинством ответил парнишка. Дикая радость и благодушие, охва-

тившее его, рождали подростковую гордость. Страх прошел, пережитый ужас теперь казался смешным.

– Ах, бабушкина радость, богатырь мой, я твоя добровольная рабыня! – воскликнула бабушка.

Вдруг, остановившись на полпути, растерянно спросила:

– Эй, чтоб тебе, а где твоя сестренка?

Счастливое выражение лица парнишки исчезло, будто его ветром сдуло. Он оторопело оглянулся.

Сестренки не было!

– Да чтоб тебе, еще парень, где Нозик?

Ни у вывороченных ветром деревьев, ни чуть дальше, на пыльной дороге, слабо освещаемой луной, девчушки не было.

Только что, причитая: «брат, брат», она бежала за ним! Только что растрепанные косички выбивались из-под маленького узорчатого платка! Только что выглядывали из шаровар тоненькие ножки. Только что слышалось: «Ой, погибель моя!». Только что бежала она, придерживая на ветру платгыце, восхищаясь и гордясь смелостью брата! Где девчушка? Где осталась она?

Весь этот мир, улицы, сады во власти страшной стихии, и только ветер, свирепый ветер, рожденный в далеких безлюдных вершинах гор, кружит и сметает все вокруг.

* * *

Ветер Дангары... Этот ветер как невидимое, свирепое, бесконечно огромное живое существо, рожденное могучими утесами, ревел и громыхал, рушил все на своем пути, наводя смятение и ужас, промчавшись над кишлаками Кирк, Минг, Араван, Жилва, Чомоч, Сай, Найман, Беговат.....

Казалось, деревья стонали и вопили, взывая о помощи. Свирепая мощь стихии демонстрировала зыбкость человеческого существования. Ураган бушевал, ревел, рычал бунтуя,

вскрикивал, тихо и жалобно стонал, изнывая и слабея.

Стихия была многозвучна и многозначна.

И вдруг, над кишлаком пронеслось: «Сирота... сирота...»

Беспорядочно сваленные кукурузные стебли шумели:
«Эй, мальчик!»

Насмешливо хохоча и небрежно ероша волосы бедного брата, ветер шумел:

«Сирота, эй, герой,

Почему сестренка твоя не с тобой?..»

* * *

Старушка много повидала на своем веку. Но сейчас, растерявшись, в панике дергала парнишку за волосы и плача, ударяя кулаками по голове, с ужасом вопила:

– Да, чтоб тебя, чтоб ты сгинул, иди, ищи сестренку! Иди и не возвращайся, пока не найдешь, или сгинь!

Да... А ветер продолжал сотрясать бескрайние просторы, сеять гибель и разрушение, наводя смятение и ужас.

Страдая от угрызений совести и трепеща от одной мысли о новой встрече с пережитыми страхами, парнишка повернул назад.

Поодаль кончались глиняные дома и дувалы кишлака, опять безлюдная степь, странные сероватые тучи, то прозрачные, то плотные, беспорядочные груды сваленного камыша, тамариск и голая степь, а глупый безжалостный ветер крепчает и крепчает.

Этот мальчуган, единственная утеха матери, должен снова лицом к лицу столкнуться с пережитыми страхами.

Да что лицом к лицу со страхами, он должен найти потерявшуюся беспомощную крохотную сестричку. Он должен найти беззащитную малышку, оставшуюся один на один со страшными зверями, притаившимися в камышах и ждущи-

ми удобного момента для расправы, с опасными людьми, непонятно зачем блуждающими в этом пустынном месте, со странными маленькими людишками, сидящими у костра, с огромными темными деревьями, с которых всякую минуту может спуститься черный человек с саблей!

Ужасный безжалостный ветер теперь злобно бросал в его лицо, в глаза песок, бесцеремонно больно трепал волосы. Сильный ветер с шумом захлопнул и вновь настезь открыл деревянную калитку бабушкиного двора.

Постоянно оглядываясь, паренек снова отправился в путь

Кто знает... что ждет его? Сможет ли он, поборов свои страхи, обыскав все вокруг, найти свой сестренку? Где искать ее в этом хаосе и жестокой сумятице? Где она, беспомощная и кроткая маленькая одиннадцатилетняя девчушка? В этом кошмарном урагане, который, беснуясь, кружит и переворачивает все живое и неживое в небе и на земле, где, под каким деревом или кустарником, в какой канаве нашла приют дрожащая беспомощная малышка?

Даже если он найдет ее... то что с ней?

И найдет ли?

РАХИМЖОН РАХМАТ

(род. в 1961 г.)

В БЕЗДНЕ СОЗНАНИЯ

Нет, не сон, что-то другое началось внутри моего сознания. Как будто стремительно уносит меня резвый необъезженный скакун в неведомую даль...

Я с большой скоростью лечу в темную, бескрайнюю, пугающую тьму. Огромная вселенная превращается в пустоту, не видно ни звезд, ни луны, лишь темнота. Такое ощущение, что мир затягивает в пучину необъятной бездны. Странная картина открывается вокруг: бескрайний мрак, едва уловимые маленькие частички—звездочки, не видно никаких очертаний, все формы мира словно растаяли, слившись с темнотой. Безграничная мощь вселенной как будто растеклась под натиском неизвестной силы, превратившись в густой мрак. Я не чувствую, не вижу своего тела, оно перестало существовать — все стало тьмой, осталась только одна способность — видеть. Больше ничего. Мне кажется, что душа моя покинула тело и стремительно летит в бескрайнюю темноту. Где мое тело? Сердце охватила паника. Иногда, когда я сплю, мое сознание так начинает «работать», и я попадаю в такие миры, о существовании которых человечество не догадывается и не может знать. Могу оказаться в царстве мертвых, даже не почувствовав своего перемещения, словно прижавшись лицом к окошку поезда, летящего на большой скорости вдоль абсол-

ютно темной пустыни, ты проваливаешься в самую глубину тьмы. Я почувствовал лишь одно: в самых недрах мрака есть едва различимые крохотные точки света. Вот, к примеру, когда человек резко закрывает глаза, то тоже видит эти светлые пятнышки.

Начинаю делать над собой усилие, чтобы проснуться. Хочу пошевелить кончиками пальцев ног, хочу позвать и разбудить спящую рядом жену, но голоса нет. Бодрствующая часть моего сознания размышляет: может, я умираю, ведь во сне люди тоже умирают?! Мне обязательно нужно проснуться, иначе я больше никогда не проснусь, вернее моя душа может не вернуться в тело. Делаю усилие, напрягаюсь, словно сдвигаю с места огромный камень, и... мучительно просыпаюсь – ощущение, что тебя затягивает во тьму, исчезает, как ветер. Слава Богу, я спасся от смерти, теперь осталось лишь встать, вымыть лицо холодной водой, затем лечь и без сновидений спокойно уснуть, избавившись от ужаса тьмы. Я знаю, в моменты кошмара мозг мой накаляется и будто закипает. Встав с места, иду на кухню, открываю кран с холодной водой и начинаю умываться. Но лицо вообще не чувствует воды, даже не ощущает ее прохлады. Набираю воду в ладони, снова умываюсь, однако лицо даже не становится влажным, оно сухое. Какой-то частью своего сознания, мерцающей словно свеча, я почувствовал: «Еще не проснулся; то, что я хотел умыться – лишь желание, возникшее в моем сознании, на самом деле я еще не проснулся». Снова, желая пробудиться, напрягаюсь, делаю усилие, чувствую, что черпаю силы из той частички моего сознания, которая едва светилась.

Наконец, проснулся... Сбросив с себя одеяло, быстро встал и направился в сторону веранды. Взяв с книжной полки сигарету, прикурил и глубоко затянулся. Но вкуса почему-то не почувствовал. Может быть, это «дамская», «слабая» сига-

рета? Не люблю я такие тонкие, не подходят они мужчинам. А может, мне мешают почувствовать их вкус клейкие образования, собравшиеся за ночь во рту. Бросив сигарету в мусорное ведро, полощу рот, но не чувствую вкуса воды. Неужели она может быть такой безвкусной, или я не прополоскал хорошо рот?

Опять тщательно полощу. Появляется странное, гнетущее ощущение дискомфорта: будто прилипло ко мне что-то и источает неприятный запах. В надежде отмыться открываю дверь в уборную и... оказываюсь в доме соседей. В комнате тусклый желтоватый свет лампочки. На ветхой изодранной постели, согнувшись, и свесив голову на грудь, сидит женщина и треплет вату. Только сейчас увидел: у соседской жены на темечке размером в ладонь плешь, нет волос, она лысая. Сбоку от нее, облокотившись о стену с соломенной штукатуркой, сидит девочка с грязными, свалявшимися, слипшимися волосами, темными давно невымытыми пятками, и с трудом грызет огромную айву. А сосед мой стоит на коленях в центре комнаты, склонив голову к земле. Половина его плеча почему-то провалилась, словно смытая дождем глиняная стена. Никто из них не заметил моего присутствия. Моя покойная бабушка не любила их, называла «ворами чужой земли». Территория нашего приусадебного участка была не разделена, не было ни стены, ни изгороди. Сосед наш постепенно присвоил себе всю землю пограничной зоны, разделяющую наши участки, каждый раз обрезая по чуть-чуть и нашу территорию. И тут... в еле светящейся, как тусклая звезда, части моего сознания появилась мысль: «Твой сосед умер пять лет назад, ты все еще не проснулся, ты спишь». Собрав остатки сил из той части сознания, что излучала свет, опять постарался проснуться, попытался позвать на помощь спящую рядом жену: «Разбуди меня, я брежу, меня мучат кошмары». Однако жена не слышит меня. Стараюсь пошевелить пальцами ног, они шевелят-

ся, но движения не помогают очнуться. Опять, что есть силы, шевелю пальцами, стараюсь, чтобы тело мое, наконец, пробудилось. Вообще-то, когда я попадаю в такое беспомощное стояние, стараюсь мобилизовать бодрствующую светлую часть сознания и пошевелить ногами. Мое пробуждение всегда начинается с ног, постепенно охватывая все тело. Внезапно в моем сознании появились странные звуки, щебет, писк. Не борюсь с этими звуками в голове, отпускаю их, однако шум беспричинно усиливается, становится странным, каким-то бессмысленным гвалтом, засасывая меня в бездну. Светлой частью своего сознания я стараюсь избавиться от этих звуков. Мне удастся полностью выключить все эти странные звуки. Я проснулся, поднялся и стал долго массировать свое лицо, сухое, как наждачная бумага. Вдруг под ковром кто-то, похожий на крысу, стал метаться из стороны в сторону. Ковер вздыбился. Кто это? В доме появилась крыса? Но откуда? Откуда же ей быть на четвертом этаже, у нас даже мышей отродясь не было! По-моему, что-то движущееся так стремительно под ковром, не что иное как злой дух. «Пусть будет, что будет», – подумал я и стал зорко следить за происходящим. В подходящий момент прихлопнул рукой ковер. Тогда что-то похожее на крысу внезапно юркнуло мне под майку. Я крепко прижал поверх майки это существо, другой рукой потихоньку вытащил его из-за пазухи и что было сил, ударил о стену. По-моему, оно погибло, не успев издать ни звука, оставив лишь кровавый след на стене. Включив свет, посмотрел на стену, она чистая. Посмотрел вниз, по сторонам – нет никакого трупа. И тут снова из светлой части моего сознания появилось: «Ты еще не проснулся!». И снова попытки, усилия над собой, шевеление пальцами ног.

Слава Богу, жена разбудила меня, толкнув в плечо.

– Вставайте, отец¹, рассвело. Не опоздайте на работу.

¹Супруги, имеющие детей, обращаются друг к другу, используя слова: «отец» и «мать».

– Слушай, – говорю уставившейся на меня жене, – ночью мне снились кошмары, я бредил, стонал, звал тебя на помощь. Ты слышала?

– Нет, ничего не слышала, – ответила она и вышла в коридор.

Проводив жену взглядом, ... я вздрогнул. Постой! Эта женщина, спавшая рядом, не моя жена, это девушка, которая в юности отвергла мою любовь и вышла замуж за другого. Почему она рядом?... а-а... я еще не проснулся. И опять из светлой части моего сознания послышалось: «Я все еще вижу кошмары».

Наконец, я проснулся и сам почувствовал, что уже не сплю. Вот рядом со мной, завернувшись в одеяло, посапывает моя супруга. Повернув кран, вымыл лицо, вода оказалась холодной. Быстро вытерся, чтобы не застудить глаза. Холодная вода, изгнав остатки сна, мгновенно взбудрила. Прикурив сигарету зашел в уборную. Опорожнившись, еще раз тщательно умылся и вытер лицо. Поставил чайник на газ. Уже рассвело. Пусть жена поспит, я сам справлюсь с завтраком.

Чайник на газ поставил, но доме не осталось ни крошки хлеба. Полуодетый выскочил в магазин. С утра хлеб раздобыть сложно, окрестные пекари еще не работают, я купил хлеба чуть дальше от дома. Наверное, вода в чайнике уже выкипела, я специально немного налил, чтобы быстрее закипела. Войдя в дом, тут же направился в сторону кухни. На кухне увидел свою бабушку: она накрыла на стол, заварила чай, вымыла пиалы и положила на край скатерти, перевернув их. Отлично. Быстро попил чаю, бегу на работу. Сегодня завтрак приготовила моя бабушка. Бабушка?... опять из постепенно уменьшающейся светлой части моего сознания послышался тонкий, печальный голос: «ты еще не проснулся!» Из темного уголка моего сознания медленно, как шипящая змея, выползла мысль: ты не сможешь проснуться, ты давно уже мертв.

Сегодня, наверное, 5 ноября.

Ночью я не спал.

АДАШБОЙ¹

Вспыльчивый, картавый, с тоненькой шеей и худыми ногами Адашбой из кишлака Кирк заблудился. Он отправился в кишлак Кум за пять верст на рисорушку с целым мешком неочищенного риса. Мельник сказал, что отключили электроэнергию, если подключат вечером, до утра все будет готово.

Адашбой решил возвратиться. Дорога была извилистой. Ветер непрерывно дул в спину, подгоняя велосипед. Чем сильнее был ветер, тем более волновалась грудь, быстрее стучало сердце, рубашка развевалась, как парус, Адашбой чувствовал себя летящей птицей.

В таком приподнятом настроении он и сам не заметил, как добрался до какого-то кишлака. Что это за кишлак? Он подумал, что приехал в Кумтепу. В Кумтепе он никогда не был, поэтому и не мог понять, куда попал.

Неприглядные глинобитные стены, глиняная штукатурка домов, дымоходы, одна сторона которых смыта дождем, улицы узкие, искривленные, пыльные... Унылая изгородь, ветхая, кое-где прогнившая. Вокруг темным-темно. Темнота, исходя будто из самых недр земли, поднималась к небу и там светлела. Оказывается, темнота исходит от земли, подумал он. Невозможно понять, с какой стороны солнце. Какое время суток? Хоть и темно вокруг, но Адашбою все четко видно. Или, если говорить точнее, он видит кишлак, куда попал заблудившись.

Мгновенно появившиеся откуда-то жители кишлака обступили Адашбоя и стали с любопытством глазеть, словно перед ними появилось какое-то невиданное существо. Женщи

¹ Адашбой – имя собственное, означает «Заблудший»

ны и дети сначала робко выглядывали из-за низеньких ветхих посеревших дверей, разрушенных временем, с облупленной от дождей, ветра, горячих солнечных лучей и времени краской, затем потихоньку застенчиво вливались в толпую обступившую Адашбоя. Почему-то их лица были такого же цвета, как и дверь, из которой они вышли.

Адашбой спросил у них, как называется кишлак. «Кумбости¹» – ответили они. Он не слышал о таком кишлаке. А в какой стороне кишлак Кирк, вы не знаете? О таком кишлаке они не знали, даже не слышали. Адашбой подумал, что он попал в соседний район. Он спросил о своем кишлаке у таксистов, стоящих неподалеку. Они тоже не слышали о таком. «Из какого вы района», – спросили они. «С Дангары», – ответил Адашбой. «О Дангаре слышали, большой район. Но где конкретно ваш кишлак?». «Если я доберусь до Коканда, оттуда я найду дорогу в свой кишлак», – ответил он с глядя на таксистов... Хорошо, но обойдется очень дорого, и назвали большую сумму. Такая цена напугала Адашбоя. «У меня нет таких денег», – сказал он. Чем давать столько денег таксистам, лучше буду слоняться по кишлаку, пока не найду, наконец, дорогу, подумал он. Почему-то жители кишлака с изумлением смотрели на Адашбоя. Словно Адашбой не человек, а какое-то удивительно прекрасное животное, которое они увидели впервые.

Особенно интересен был Адашбой маленьким детям, обступившим его. Они разглядывали его шумя и галдя, то соблюдая дистанцию, то боязливо приближаясь, словно опасаясь чего-то неожиданного. Все жители кишлака высыпали на улицу поглазеть на Адашбоя. Адашбой подошел к собравшимся и заговорил. Все изумленно, широко-широко открывая рот, загалдели, засмеялись, обрадовались. Словно Адашбой, как

¹Кумбости букв. Запыленный, засыпанный.

солнце, озарил кишлак. Адашбою казалось, что они разглядывают его как существо с другой планеты. Почему-то эти люди, говорящие широко раскрывая рты, так и не закрывали его перестав говорить, так и стояли с открытыми ртами.

Взяв за руку Адашбоя, будто приглашая следовать за ними, они повели его на кладбище. Кладбище было огромным, заросшим колючей травой, засыпанным песками. Дальняя сторона его смыкалась с горизонтом. Казалось оно сливалось с небосводом и где-то там, у самого его начала, тоже хоронили мертвых. Люди, указывая на многочисленные ряды могил, что-то говорят, радуются. Но Адашбой не слышит их. Слова произносятся, но их не слышно, словно говорящие находятся за толстым стеклом. По их лицам Адашбой догадывается, что речь идет о чем-то интересном.

Один из человечков стал кетменем рушить старую могилу. Вырыв яму побольше, он жестами показал Адашбою, мол, «спускайся туда» Тот заглянул в яму и увидел маленького старичка, который хмуро сидел, ссутулившись, опустив свой саван до плеч. Его голова с редюсенькими волосами была покрыта язвами и похожа на цветную капусту, по плечу и предплечью ползало несколько скорпионов. Старик, подняв голову и увидев Адашбоя, приветливо улыбнулся толпе, его сумрачное лицо просветлело, и рукой подал знак – «спускайся вниз». Затем, взяв в руки одного из скорпионов, мол, не бойся, не кусаются, положил его себе на лицо.

Увидев старика, толпа возликовала и, взяв Адашбоя под мышки, мол, «это твой отец, поздоровайся с ним», люди хотели опустить его в могилу. Адашбой собирался закричать, что отец его еще не умер, но промолчал, поняв, что в таком гвалте голоса его никто не услышит.

Кладбище было очень старым, разрушенным. Однако, несмотря на заросли верблюжьей колючки (кусты с маленькими

листьями, но с очень длинными иголками), на большинстве могил были установлены мраморные надгробные плиты с именами и отчествами усопших, а на некоторых были даже фотографии.

При входе на кладбище с левой стороны уныло произрастало несколько фруктовых деревьев. Поодаль от деревьев была терраса с открытой асфальтированной прихожей с безглазыми чернеющими окнами. Посередине террасы стоял гроб, похожий на плетеные носилки. Несколько маленьких ребятишек взобравшись на него, как на лошадь, скачут и молча улыбаются, глядя друг на друга. Увидев Адашбоя, они стали стегать гроб хворостиной, которая была у них в руках.

Толпа, ухватив Адашбоя под мышки, притащила его к могиле, на которой был установлен огромный черный мраморный камень. Он взглянул на круглое лицо с фотографии на надгробье. Оно показалось ему знакомым. Йэ, это же Султанбой, съедавший за один присест чашку мантов, только вчера он видел его покупающим у мясника четыре килограмма мяса, вспомнив это, он обернулся к толпе. Толпа, словно прочитав мысли Адашбоя, начала согласно кивать: «да, это так».

Адашбой недолюбливал Султанбоя. Потому что тот был жадным до земли, когда-то, сломав забор, разделявший его с соседями и построив новый, он захватил приличный кусок чужой земли.

Фотография на могильном камне стала как будто оживать. Сначала порозовели обе стороны лица, затем заблестел лоб. Адашбой посмотрел на глаза: они оживали, раскосые, так не красившие огромное, как круглое медное блюдо, лицо, глаза умоляюще смотрели на толпу. Когда они обратились на Адашбоя, губы на фотографии растянулись в широкой улыбке. Затем лицо покойника, как полная яркая луна, стало розовым, а потом почернело и, как воск, начало таять, стекая длинными

каплями на мраморную плиту. Адашбой с удивлением глянул на толпу, а она, наблюдая за происходящим, делая руками знаки: «класс» – ликовала, хлопала в ладоши и кричала. Какой-то низенький человек сказал, что могила горит изнутри, поэтому лицо на мраморном камне тает и оплывает. Адашбой удивился, как можно говорить не открывая рта. Старые разрушенные могилы провалились и были похожи на очаги. Он подумал, что это готовые печи, которые можно разжигать. Не успела эта мысль мелькнуть в его голове, как в тот же миг к нему приблизился человек из толпы с вязанкой дров и, протягивая дрова, сделал знак глазами и подбородком: «разжигай».

Неожиданно Адашбою показалось, что это кладбище похоже на его кишлак. Вокруг были люди, облокотившиеся о могилы, или дружно сидящие на земле. Все они были знакомы Адашбою. «Это же мой кишлак» – подумал он. Кто-то из толпы сверкнул рыбьими глазами, как бы желая сказать «Правильно. Это твой кишлак. Если пойдешь чуть дальше, то увидишь свой глиняный дом».

* * *

Адашбой повернул в сторону кишлака, за ним толпой шли люди. Вдруг он очутился на кишлачном базаре. Маленький базарчик. Магазинычки будто из картона. Две старые бабки продают курт, семечки, воздушные шарики, конфеты в обертке и другие яркие мелочи. Приблизившись к ним, он с удивлением понимает, что это его мать и бабушка. Ему кажется, что мама даже старше бабушки. Обе выглядят так же, как та ветхая дверь, которую он недавно видел.

«Что они здесь делают? Или они, отправившись на городской базар, заблудились», - подумал он. Почему-то и мама, и бабушка, глядя на Адашбоя, молча улыбаются. «Они что, не поняли, что и я, заблудившись, попал в чужой кишлак?»

подумал он. Одна из старушек, его мама, указала на камень похожий на кулак, на, мол, возьми, круглый сухарик. Он хотел возразить, что камень нельзя кушать, но голос пропал. А толпа стала пожирать камень, поданный Адашбою, точно круглый сухарь. Промолвив: «Нельзя есть камень», – Адашбой пошел прочь.

Наступил вечер, он попросил толпу найти ему место для ночлега. Толпа, весь день настойчиво сопровождавшая его, услышав просьбу, обрадовалась. Его отвели в дальнюю комнату. Сказали: «Вот ваше место». Кто-то из людей пообещал привести вечером красивую женщину. Эти слова я услышал не ушами, а сердцем.

В полночь в дверь Адашбая громко постучали. «Женщина пришла», – подумал он и открыл. На пороге, улыбаясь, стояла женщина, одетая в атласное платье и шаровары, с полной шеей и бедрами, накачанными, как у богатырей-тяжеловесов, плечами, большим животом, над левой бровью у нее был красноватый выпуклый нарост с горошину. Улыбка женщины напугала его. Женщина быстро вошла и, повиснув на шее Адашбая, повалила его. У Адашбая перехватило дыхание. Он хотел отшвырнуть женщину, тигром набросившуюся на него. Сил не хватило. В это время на пороге появилось несколько человек.

Женщина, встав и не спеша оправив платье, собравшееся на спине, отошла в сторону. Она была чем-то довольна и улыбалась.

– Наступило утро, мы приготовили чай, – пригласили пришедшие Адашбая.

На сухой земле под старой с влажным стволом и капающей сладкой клейковиной урючиной была постелена ветхая с торчащими нитками шалча¹, на которую положили изодранную курпачу². А посредине была постелена скатерть, которую, до

¹Шалча – коврик

²Курпача – узкое ватное одеяльце

бывая хлеб, в нескольких местах прогрызли мыши. На скатерти лежал заплесневелый кусок хлеба. Толпа радостно приглашала Адашбою пить чай. Женщина с черными овечьими, слегка увлажненными глазами, худенькая, хрупкая, одетая в широкое платье, принесла чай в чайнике с отбитым носиком: «Пейте, я заварила чай из своих слез», – как будто сказала она. Присмотревшись к женщине, он узнал в ней свою жену. Неожиданно толпа, охнув, втянула ее в себя, в самую середину, люди, склоняя к ней головы, подходя совсем близко, старались сфотографироваться с ней, как со знаменитостью. Затем женщина, зашуршав подолом своего платья, замахав им, как крыльями, взлетела в небо. А толпа, показывая руками на улетающую женщину, словно говорила Адашбою: «Видишь, жена твоя ангел»

Там, где заходит солнце, Адашбой увидел огромное озеро. Озеро было сплошь покрыто зеленой ряской, водорослями величиной с ладонь и густой листвой, только кое-где проблескивала голубая вода. Толпа, преследующая Адашбою, как тень, достигнув берегов озера, стала раздеваться, собираясь купаться. Интересно, что толпа общалась не издавая ни одного звука, а Адашбой понимал их чувства, желания и мысли, будто всё произносилось вслух.

Раздевайся, – все одновременно предложили ему, – бросайся в воду. Адашбой снял одежду, оставшись в одних кальсонах. Только хотел войти в воду, как толпа закричала, чтобы он снял и кальсоны, потому что в озере живет русалка, там надо плавать голым. Адашбой невольно подчинился распоряжению толпы, легко сняв кальсоны с ослабленной резинкой, и, застеснявшись, быстро присел. Он чувствовал, что каждым его поступком руководит толпа, что он исполняет все распоряжения, едва мелькающие в головах людей. Но только почувствовал это, противостоять же не мог, ощущал, что у него нет ни сил, ни желания.

Заинтересованно глядя на опустившегося на колени Адашбоя, толпа, улыбаясь и показывая друг другу пальцами, мол, «Вот такой у него» – неистово хохотала. От стыда Адашбой готов был провалиться сквозь землю. Иди в воду, тебя русалка ждет! Вода неожиданно сильно забурлила. Резко обернувшись, Адашбой увидел голую женщину, руками расчесывающую редкие и короткие волосы. Русалка была похожа на городскую любовницу Султанбоя. Позавчера эта женщина, одетая в узкий костюм, из которого просто выпирали ее пышные формы, с короткими реденькими волосами, придя в дом Султанбоя, устроила скандал. Она таскала за волосы тихую, скромную, редко выходящую из дома и постоянно улыбающуюся жену Султанбоя, раскровила ей лицо, укусив за левую щеку. Если бы женщины махалли во время их не разняли, плохо бы дело кончилось. Еще не остыв после драки с соперницей, городская скандалистка с криками: «Я сейчас пойду в чайхану и опозорю твоего мужа, всем расскажу, что он вытворяет, когда спит со мной», – направилась в сторону чайханы.

Русалка, не замечавшая собравшихся на берегу людей, спокойно расчесывала волосы, влажные, сосульками спускающиеся к плечам, и поглаживала шею. Адашбой боялся опустить взгляд ниже шеи.

Он почувствовал себя существом безвольным, лишенным рассудка. Толпа играла с ним, как с куклой, все, что приходило на ум, она тотчас доносила до мозга Адашбоя, и он исполнял все немедленно. Вот толпа приказала быть ему собакой, и он тот час же стал бегать на четвереньках как собака. Бегал – бегал – устал, остановился и, высунув длинный язык, начал тяжело дышать. Слюни струились до самой земли.

Наблюдавшая это толпа заулыбалась и начала аплодировать. Затем стала показывать руками: «класс» – и приказала стать ему ишаком. Толпа, преследующая по пятам Адашбоя,

ничего не произносила, но все ее мысли мгновенно передавались Адашбою и полностью подчиняли его. Он как ишак побежал вприпрыжку, затем, словно увидев ослицу, поднял повыше хвост и закричал.

Адашбою показалось, что он никогда не сможет уйти из этого кишлака. Может, он по ошибке попал в психушку, что на окраине города, подумал он. Он слышал, что где-то за городом неподалеку от его кишлака есть дурдом. Толпа, проникшись мыслями Адашбоя, и одобрительно улыбаясь, вместе с ним направилась в сторону психушки.

– Вот место, которое ты ищешь, вот, смотри, – говорили они, указывая на громадные бараки, сколоченные из грубых одинаковых досок. Все бараки были очень высокими из досок и ветвей. Толпа повлекла Адашбоя вовнутрь. Внутри барак был очень просторным, как поле для мини-футбола. Рядами стояли двухъярусные кровати, на которых, улыбаясь, в одинаковых одеждах лежали неопределенного возраста люди, вытянув руки по швам и безучастно глядя в небо, словно все вместе выполняли один приказ. Лежавшие навтыжку люди показались Адашбою знакомыми. Они были похожи на толпу, которая заставила его войти сюда. Он подумал, что люди из толпы, шедшие за ним тенью, просочились вперед него и улеглись на кровати, и быстро вышел наружу. Но там его вновь ожидала ликующая толпа.

Взяв Адашбоя за руки, она завела его уже в другой огромный барак. Здесь точно такая же, как в первом бараке, картина – двухъярусные кровати, в одинаковой одежде и с одинаковыми бледными бескровными лицами, молча, не шевелясь, глядя в небо, вытянув руки по швам, лежали люди. Только по их улыбкам можно было догадаться, что они живы. Адашбою показалось, что их улыбки – результат воздействия каких-то волн, исходящих от проводков, вживленных в их мозг, кото-

рые напрочь лишали этих бедняг сознания и воли. Как может быть одинаковое настроение у всех? Неужели можно даже идя за гробом, на кладбище, рассказывать анекдоты и улыбаться. Адашбою не понравилось то, что все люди лежат в одинаковых позах и в одинаковом состоянии, его даже за-тошнило, резко развернувшись, он вышел. У него мелькнуло: нужно бежать отсюда. Но куда, в какую сторону?

Адашбой наткнулся на огромное высоченное дерево, ствол которого был полностью вкопан в землю. Густые ветви дерева встали непроходимой стеной. Верхушки ветвей доставали до черных туч, собравшихся над ними. «Мрачные тучи нависли и над землей», - подумал Адашбой, и поднял глаза к небу. Неба не было. Значит, тучи слились с землей, только над ним пока оставался просвет. «Если я проскочу эту стену, то доберусь до кишлака, над которым высоко в небе ярко сияет солнце», - подумал Адашбой и стал искать щель в плотной стене из веток. Но стена была непроходимой. Он понял, что ветви свежевкопаны. Он долго искал выхода, бродя вдоль стены. Но так и не найдя пути к спасению, устав, он сел на сырую землю. И почувствовал, что черные тучи все ниже опускаются и сгущаются над стеной. «Я так и останусь в этих черных тучах», - подумал он, и снова стал искать выход. Долго искал. Вдруг он понял, что, обойдя стену, пришел к изначальному месту. «Значит, я кружил вокруг стены», - подумал он.

Черные тучи опустились до самых плеч Адашбоя. «Неужели я так и не найду свой кишлак и останусь здесь на всю жизнь», - думал он глядя вдаль. Но огромная черная туча закрыла горизонт. Чуть погодя Адашбой оказался поглощенным этой мрачной тучей. Словно растворился в ней, исчез. Сохранилось только одно – способность мечтать.

*Написано 11 ноября 2011 года
в кишлаке Курк района Дангара.*

УЙГУН РУЗИЕВ

(род. в 1974 г.)

ГОЛУБИ, ВЕРНУВШИЕСЯ НА РАССВЕТЕ

- Камол, глянь на них, классные, да?
- Голуби? Да, классные.
- Глянь, как летают, как летают... летают единой стаей.
- Да, на самом деле, красиво.
- Понаблюдай вон за теми – красным и пятнистым. На лету кувыркаются, ух! Эх, вот если бы эти голуби были моими!
- Всякий раз мечтаешь об этом. Так купи на рынке.
- С тобой все в порядке? Когда ты видел, чтобы у нас на рынке голубей продавали?
- У нас – то не продают, но в городе на рынках бывают.
- Э, да таких голубей нельзя найти на рынке.

Каждый день, возвращаясь из школы, два друга говорили об одном и том же. Так как школа была очень далеко, приходилось идти по пыльной тропе, которая была как раз посередине хлопкового поля. Во время дождей идти по этой дороге было трудно. К их сапогам липла грязь, и им приходилось ровно четверть часа мыть обувь в лужице у школы. В морозные дни руки от холода аж трескались, они чуть не плакали, поэтому, если случалось, что по этой дороге проходил какой-нибудь трактор, то они тут же взбирались на его прицеп и спрыгивали прямо около школы. Брошенный полевой стан посреди поля был их убежищем, они всегда там останавливались. Когда-то, в колхозные времена, этот шийпан¹ был мес-

¹ Шийпан – полевой стан.

том отдыха для колхозников. Дехкане во время сева, полива и сбора хлопка собирались на нем в обед и вечером для отдыха: здесь кушали, развлекались, здесь же иногда бывали концерты. А теперь это укрытие было крепостью для этих двух мальчуганов. Вокруг не было ни одного дерева, и когда они в жару шли запыхавшись по голой степи, здесь в тени можно было спастись от зноя и перевести дух, а в холод они заходили внутрь, разжигали небольшой костер, грелись, съедали хлеб или кишмиш, все, что было припасено в портфелях, и снова пускались в путь.

Как обычно, по пути из школы они снова зашли в шийпан. Хоть и наступила весна, но еще чувствовалось дыхание зимы, дул холодный, пронизывающий ветер, особенно здесь, в этом голом поле. Как только они вошли в шийпан, сразу же в отложили портфели и стали разжигать костер из досок от старых ящиков.

– Камол, принеси бумагу, – сказал Турды, доставая из портфеля спички.

Камол из другой комнаты принес бумагу. Здесь когда-то была небольшая библиотека для колхозников, и в шкафу еще были книги. Многие из них были написаны на русском языке, проповедовали партийную идеологию, поэтому теперь они никому не были нужны и валялись в пыли. Только ветер, насквозь продувающий шийпан с разбитыми стеклами, играл ими, шурша листьями.

Костер горел, потрескивал. Мальчики сидели около него, греясь и потирая руки.

– Камол, – сказал Турды, и глаза его заблестели, – мы должны заполнить голубей.

– Как?

– Говорят, что тетя Маша никому не хочет продавать их. Ребята из старших классов как-то заикнулись, но она и слы-

шать не хочет. Говорит, если умру, эти голуби меня похоронят, а продам, значит, предам их.

– Тогда, действительно, никому не продаст, тетя Маша упрямая старуха.

– Что же будем ждать: продаст или нет?

– А что ты хочешь?

– Давай украдем!

– Не, это нехорошо.

– Почему это, нет ничего легче. Старуха живет одна. Чуть стемнеет, она ничего уже не видит. По правде говоря, зачем ей теперь голуби? Она же очень старая. Скоро умрет, тогда голуби останутся без хозяина.

– Вот тогда и возьмем их.

– Нет, голуби умные существа. Если умрет их хозяин, они никому не дадутся. Разлетятся и превратятся в диких.

– Э, все равно, так не годится.

– Да уж, с тобой каши не сваришь. Твоя мама очень любит эту старуху, – сказал Турды и встал, затапывая затухающее пламя.

Они шли молча. Камол думал о старухе. Действительно, его мама очень любила эту старушку. Часто, когда пекла хлеб, оставляла парочку лепешек для нее. Иногда сама относила, иногда отправляла Камола. Камол даже спрашивал, почему вы так любите тетю Машу. «Когда я тебя рожала, она принимала роды», – рассказала мама. – Я чуть не потеряла тебя. Она и тебя, и меня спасла от смерти. Потом, когда тебе нужна была кровь, она дала свою. Вот так, для людей она не жалела ни крови, ни души». Камол поинтересовался, как она, не узбечка, оказалась здесь. «Когда – то она жила в Одессе. Когда началась война, она была совсем молоденькой девушкой. Их дом оказался в самом пекле войны. Ее родители и близкие погибли, остались под руинами дома. Во время эва-

куации она попала в Ташкент, после войны училась в медицинском техникуме, вышла замуж за парня-узбека, которого звали Байрам. Байрам бува¹ тоже был простым, чистосердечным человеком: Машу направили по окончании техникума в наш кишлак. Тогда здесь только построили больницу. Вместе с ней приехал и Байрам бува, стал преподавать военное дело в школе. Но Байрам бува долго не жил. Из армии он приехал раненый, долго болел. Из-за этого ранения он и умер». «А сын ее, сын, как умер? – заинтересованно спросил Камол. «И сын умер на войне», – кратко ответила мать. Но Камол все равно расспрашивал, не давая покоя: «Как это, ведь Рустам ака после войны родился?!». «Эх, сынок, недавно тоже война была. В Афганистане. Твой Рустам ака солдатом попал на эту войну, а вернуться живым ему не довелось. Бедный молодой человек, единственной опорой был для старушки».

Рустама ни Камол, ни Турды никогда видели. Когда он уходил в армию, они были еще совсем маленькими. Но каждый день в школе видели его на портрете в солдатской форме. И люди много говорили о Рустаме. Турды интересовало то, что Рустам с детства увлекался голубями. Сначала у него их было четверо, потом они расплодились, и сейчас их около тридцати.

– Слушай, Турды, – сказал Камол, когда они, наконец, добрались до кишлака. – Может, мы сейчас пойдем к тете Маше и попросим продать нам голубей, а?

– Бесплезно, я же тебе говорил, – шмыгнул носом Турды.

– А я чувствую, что согласится, ну, идем же!

– Ладно, заладил.

Они направились прямо к дому, на крыше которого сидели голуби. Во дворе хлопотала старуха, завидев детей, она вы

¹ Бува – дедушка

прямилась, приложила ладонь козырьком ко лбу и стала всматриваться. Она кивнула в ответ на приветствие детей.

– Тетя Маша, мы это... – замялся Камол. – Хотели голубей купить.

Лицо старухи сморщилось. Мальчишки не поняли то ли она улыбнулась, то ли съежилась. Не говоря ни слова, она вошла в дом.

– Говорил же тебе, – недовольно буркнул Турды. Он заморожено посмотрел на голубей. Вот сейчас поставил бы вон ту лестницу, лежащую в углу двора, залез бы на крышу и переловил бы всех голубей... Турды, засунув пальцы в рот, протяжно–протяжно свистнул. Голуби, словно что-то вспомнив, поначалу забеспокоились, вытянули шеи и стали озираться, затем, не выдержав, встряхнули крыльями и устремились ввысь. Они восторженно кружили под свист, а Турды протяжно свистнул еще раз, с досадой махнул рукой и, не глядя больше в небо, зашагал домой.

Они были обижены на старушку. Между тем прошла неделя, как-то возвращаясь из школы, они снова зашли в шийпан. Турды, таинственно оглянувшись, зашептал:

– Камол, тебе показать что-то?

Камол удивленно посмотрел на него. Ему показалось, что Турды хочет рассказать ему что-то очень важное и стоит ему зажмурить глаза, он уже ничего не скажет.

– Иди сюда, – позвал Турды и осторожно открыл дверцу подвала.

Подвал был почти темный, свет едва пробивался через стеклянные отверстия. Они осторожно спустились по прогнувшимся ступенькам деревянной лестницы. От горьковатой сырой затхлости, ударившей в нос, Камолата затошнило. Но он тут же забыл об этом, увидев порхающих голубей.

– Ты украл? – удивленно воскликнул Камол.

– Да. В субботу вечером, когда все голуби крепко спали, поднялся на крышу, сунул руку в гнездо, сложил их всех в этот мешок и дал дёру, – показал Турды на старый мешок, лежащий в стороне.

– Зря ты это сделал. Что теперь будет, если старушка узнает?

– Не узнает. Это место даже охотничья собака не найдет.

– Ты всегда их будешь здесь держать?

– Пока они не привыкнут ко мне, придется держать их здесь. Если отнесу домой, они улетят к старухе, они же привыкли к тому месту. Потом, для домашних нужно придумать толковое объяснение. Если узнают, что украл, живым не оставят.

Голуби рвались к отверстию, откуда падал свет. Турды, с легкостью поймав одного из них, подал его Камолу. Камол осторожно пощупал голубя. Голубь действительно был красивцем. Мальчики восторженно гладили его перья, попытались расправить его крылья. А в это время старушка страдала, мучилась от безысходности.

* * *

На рассвете старуха вышла во двор и встревожилась от непривычной тишины. Взяв на террасе из ведра чашку с зерном, стала рассыпать его по двору. Голуби, тотчас же спускавшиеся к ней, сегодня не показывались. Старуха удивленно огляделась, потом взглянула на крышу. От солнечных лучей, только поднимавшихся над крышей, у нее зарябило в глазах. Приложив козырьком ладонь к глазам, она снова посмотрела вверх. Голубей нигде не было видно, не слышно ни звука. Старушка остолбенела, тело покрылось гусиной кожей. Чашка выпала из рук и с грохотом ударилась о землю. На глаза навернулись слезы. В ушах зазвенело, послышались странные голоса, крики детей и женщин, страшные взрывы бомб. Тусклые глаза

старухи округлились от страха, оглядевшись по сторонам и закрыв ладонями уши, она побежала в дом и долго лежала, уткнувшись лицом в подушку. Звон в ушах не стихал. Такие звуки и страхи уже долгие годы не беспокоили ее. Она наслаждалась воркованием голубей «кукур–кукур», хлопаньем их крыльев, мерным «тик–тик», когда голуби разом спускались на зерна, рассыпанные по двору старухой. Сегодня они не спустились, она не услышала этого звука. Солнце давно взошло, но вокруг стояла пугающая тишина.

Старуха, не веря себе, снова вышла во двор. Голубей не было. Зерна, рассыпанные по двору, клевали воробьи и горлинки. «Голуби бросили меня, – подумала она. – Этим существам, похожим на ангелов, теперь я тоже не нужна».

Обезумев, она пошатнулась, вошла в дом и упала. Эти голуби были опорой старухе, потерявшей и мужа, и сына, она разговаривала с ними, делилась своими горестями. Когда она беседовала с ними, ей казалось, что перед ней не птицы, а ее сын. Рустам очень любил этих голубей, сам соорудил им гнездо. «Голуби летают там, где спокойно. Сын мой, спасибо, что есть эти голуби», – говорила старушка, наблюдая за их полетом.

Теперь старуха почувствовала себя одной – одиначенькой на всем белом свете. Мысленно перебрав все пережитые трудности, она горько заплакала. В ушах беспрерывно звенело. В течение трех дней ее не навестила ни одна живая душа. Она ничего не ела, даже не вспоминала ни о глотке воды, ни о крошке хлеба. Как безумная, то выходила во двор, то входила в дом, то, взяв из ведра зерно, рассыпала его по двору, кажется, она не понимала, что делает. Потом вообще перестала вставать.

А Турды с Камолом эти три дня каждое утро, никому ничего не говоря, набивали портфели зерном и, возвращаясь из

школы, подолгу задерживались в подвале шийпана. А на третий день, как только Камол вошел во двор, мама, всучив ему пару лепешек, послала его к старухе. Камол нерешительно направился к ее дому. Сначала он позвал ее, но ответа не последовало, затем тихонько заглянул в окно. Старуха неподвижно лежала в постели. Камол испуганно застыл, глядя на старуху, и отпрянул назад. «Тетя Маша умерла, – подумал он. – А если она умерла из-за того, что у нее украли голубей? Тогда получается, мы ее убили? Что натворил, этот недотепа Турды – а?!». Он хотел тут же помчаться на шийпан, но не осмелился. Начинало темнеть, в такой мгле было страшно идти в лачугу, стоящую посреди пустынного поля. Тревожась, он кое-как поужинал. Ночью ему не спалось. Только он закрывал глаза, ему чудился труп старухи. «Голубей надо вернуть, – думал он, – иначе, когда будут хоронить тетю Машу, обнаружится, что их нет, все начнут искать. Потом не сносить нам головы».

Наконец, в предрассветных сумерках он помчался к шийпану. Когда он спустился в подвал, голуби еще дремали. Легко собрав их и положив в мешок, он отправился назад.

Старуха не знала, сколько была в забытьи. В зареве рассвета, заглядывающего в окно, послышались знакомые звуки: «кукур–кукур». Старуха медленно пошевелила безжизненными пальцами. По телу пробежал мороз, лицо порозовело. Ее почти мертвое тело постепенно оживало. Медленно приподняв голову, она выглянула во двор. Голуби, выискивая зерна, били по земле клювами «тик–тик». Старушка слабо улыбнулась, медленно поднялась и вышла на террасу, чтобы вынести зерен для своих голубей, по которым так истосковалась.

ДУША, ЛИШЕННАЯ ПОКОЯ

Даврон Давлатович чувствовал себя будто во взвешенном состоянии. Открыл глаза, увидел чистое небо. Потом увидел себя, завернутого в белую простынь на деревянных носилках, и разочаровался. «Снова, кажется, несут на носилках», – подумал он и стал вспоминать, что некоторое время назад с ним случился тяжелый сердечный приступ, он сильно страдал, врачи бегом куда-то несли его на носилках. Теперь этой сильной боли как не бывало, он испытывал необыкновенную легкость.

Наконец, деревянные носилки положили на землю, и он увидел собравшуюся толпу людей. У многих из них на головах были тюрбетейки¹, они были обвязаны поясными платками. Впереди стоящих, примерно пять – десять человек, Даврон Давлатович не узнал. А позади стояли давно знакомые ему высокопоставленные люди, сложив руки на груди в знак почтения. Он не сразу понял, что происходит. А когда понял, ужаснулся, его охватила дрожь, он стал беспокойно оглядываться. За толпой стоящими людьми, насупившись, проглядывали мрачные надгробные камни. «Растяпы, неужели они думают, что я умер, я же живой!». Даврона Давлатовича разбирали смех и гнев одновременно.

Люди были заняты подготовкой могилы. Чуть поодаль другая толпа людей принесла еще одного покойника. Этого покойника не окружали элегантно одетые, демонстрирующие свое величие, люди. Это были простые, почерневшие то ли от слез, то ли от солнца лица Даврон Давлатович стал с интересом наблюдать за пришедшими. Прибывший мертвец мед-

¹ Мужчины надевают тюрбетейки и поясные платки в дни религиозных праздников и похорон.

ленно поднял голову и посмотрел на Даврона Давлатовича. Потом, словно смутившись, торопливо встал с места и направился в его сторону. Люди, кажется, не заметили этого. Покойник подошел прямо к изголовью Даврона Давлатовича и, наклонившись, поздоровался с ним.

– Приятного отдыха, Даврон Давлатович

Даврон Давлатович, как обычно, высокомерно отвернулся. «Кто это, почему он так учтив со мной? – подумал он. – По всему видно это простой обыкновенный рабочий, а стоит надо мной не стесняясь».

– Ты кто, – спросил он, испытывая определенную неловкость, что на меня уставился?

– Вы не узнали, Даврон Давлатович, – спросил человек, в белом, искренне улыбаясь. – Да, конечно, вы запомнили меня. Во всяком случае, я, конечно, не тот, кто каждый день обедает с вами, не один из чиновников, спящих в вашем управлении. Но быть не может, что вы забыли меня.

– Э, что ты разглагольствуешь, кто ты? Ты думаешь у меня много свободного времени, чтобы тебя слушать.

– Простите, тысяча извинений. Я ваш скромный подчиненный Шопулат.

В сознании Даврона Давлатовича что-то мелькнуло. Он глубоко задумался, попробовал что-то вспомнить. И, наконец, вспомнил. Шопулат работал водителем на прежнем месте работы Даврона Давлатовича. Он много лет верой и правдой самозабвенно служил Даврону Давлатовичу: и днем, и ночью, и в жару, и в холод и никогда не роптал на свою участь. Даврону Давлатовичу казалось, что у него ни семьи, ни детей нет, даже дома, наверное, нет: его жилище – это служебная машина. Даврон Давлатович то и дело ездил к начальству, часто участвовал во всяких мероприятиях, после работы посещал

разные вечеринки. Иногда посиделки затягивались до утра, и Шопулат терпеливо ждал его. Даврон Давлатович гордился таким преданным водителем. Если бы не случай, происшедший однажды зимним вечером, он никогда бы не расстался с таким бесценным работником.

Тогда одна голубоглазая, белокурая дамочка временно завладела сердцем Даврона Давлатовича. Ежедневно после работы, в полночь, возвращаясь домой, он приказывал повернуть на улицу, где жила эта дама, объясняя при этом: «На этой улице живет мой начальник, надо заехать, поздороваться, не то обидится». Он не хотел выдавать свой секрет Шопулату, но тот давно догадался, кто здесь живет, и с какой целью они заезжают. Он давно понял, что начальство – это блондинка, работавшая обычным сотрудником соседнего офиса, но никому об этом не рассказывал.

Где-то через год, однажды ночью Даврон Давлатович вышел из дома, который он посещал, с большим узлом в руках. Тревожно озираясь и тяжело дыша, он неуклюже шагал по улице. Положив узел на заднее сидение машины, он поспешно сел и приказал Шопулату окружными путями ехать за город. Машину остановили у свалки около большой дороги. Он осторожно положил узел рядом со свалкой, и, сев в машину, глубоко вздохнул.

Доставив своего начальника домой, на обратном пути Шопулат из любопытства снова свернул к свалке. Выключив фары, он нашел тот таинственный узел и осторожно ощупал его. Вдруг послышались звуки похожие на тихие всхлипывания. Шопулат со страхом развязал узел и обнаружил младенца. У него глаза на лоб полезли. Он положил младенца в машину и помчался, как ветер.

После этого, месяца через два, произошел странный случай. Середина зимы, валит снег. Даврон Давлатович в один-

надцать часов, выйдя с работы, сел в машину и объявил, что необходимо заехать к «начальству». Шопулат, как обычно, остался в начале улицы, издали наблюдая за происходящим, он видел, как его начальник вошел в красные ворота. Некоторое время он любовался красиво падающими снежинками и, откинув спинку сидения, незаметно задремал.

Сильно промерзнув, он внезапно проснулся. Протер глаза и огляделся, время было далеко за два часа ночи. Обычно Даврон Давлатович не задерживался так долго, выходил самое позднее через полтора-два часа. В душе Шопулата шевельнулось подозрение, он забеспокоился. Чтобы не замерзнуть, он периодически подогревал машину. Пробыло три часа, потом четыре. Даврона Давлатовича все еще не было. Шопулат больше не мог ждать.

Оставив машину на улице, он пешком пошел к знакомому дому. Вокруг тишина, безмолвие улицы нарушало только шуршание падающих снежинок и скрип шагов Шопулата.

Подойдя к двору, он торопливо огляделся и постучал в ворота. Никто не отозвался, он подошел к дому сбоку, подпрыгнув, повис на ограде и заглянул во двор. Там ни души. Было сомнительно, что в доме вообще кто-нибудь есть. Шопулат перелез через ограду и спрыгнул во двор прямо на мусорное ведро, запорошенное снегом. Ведро загромыхало. Он немного ушиб левую ногу и, прихрамывая, пошел к дому. Заглянул через окно. В доме было темным – темно, ничего не видно, слышалось только какое-то шипение. Шопулат осторожно нажал ручку двери. Дверь открылась, и в нос ему ударил запах газа.

– Хозяин, хозяин, – позвал он, закрывая нос и заглядывая в комнату.

Никто не ответил. Шопулат, прикрывая нос жилеткой, вошел в дом и, придерживаясь за стену, хотел было зажечь свет.

В миг его осенило, он глянул на газплиту, едва видневшуюся в углу прихожей. Шипение исходило оттуда. Он быстро повернул флажок плиты. Звук прекратился. Загрохотав беспорядочно разбросанной посудой, он торопливо распахнул двери и окна. Выбежав наружу, немного отдышался и стремительно бросился назад, заглянул в открытую дверь комнаты.

– Эй, кто здесь?

В комнате все еще пахло газом, он на ощупь вошел, открыл окна. С вихрем снежинок в комнату ворвался поток холодного воздуха. На диване он увидел двух, лежащих в странных позах, людей. Кажется, они не дышали.

Запах газа ослаб, Шопулат с опаской включил свет. На диване в непристойном виде лежали Даврон Давлатович и блондинка. Шопулат догадался: влюбленные, утолив свою страсть, заснули, вода в чайнике, стоящем на плите, закипела, вылилась и погасила пламя камфорки. Газ заполнил дом. Но сейчас разбираться было не к месту и не время. Шопулат завернул их голые тела в простынь, побежал к машине, подъехал к воротам дома, перенес их в машину и поспешил в больницу. На дороге, уже покрытой толстым слоем снега, одинокая машина оставляла глубокие следы.

Жизнь Даврона Давлатовича тогда висела на волоске, и только благодаря преданности Шопулата, она продлилась еще на долгие годы.

Это событие осталось в тайне, но Даврон Давлатович испытывал некоторую неловкость перед Шопулатом и не знал, что предпринять. К тому времени Даврону Давлатовичу улыбнулась удача: он стал стремительно продвигаться по службе и вскоре избавился от Шопулата. А Шопулат надеялся, что его начальник не захочет с ним расставаться. Где там, наоборот, он лишился не только Даврона Давлатовича, но и своей машины.

Даврон Давлатович ясно вспомнил все события. Но прошло столько времени, что теперь он уже не испытывал ни смущения, ни неловкости. Его высокая должность за много лет сделала его высокомерным и жестоким. Ну правда, кто такой Шопулат. Может ли он пошатнуть авторитет такого большого чиновника, как Даврон Давлатович? Есть у него такое право? Нет, пусть только посмеет, Даврон Давлатович одним взмахом ресниц раздавит его, как муху. К тому же, такие, как Шопулат, тот же час должны забыть нелицеприятные события, происходящие с людьми высокого положения.

Вот такие мысли мелькали в сознании Даврона Давлатовича, и он спокойно кашлянул. Шопулат, все еще улыбаясь, стоял над ним, что все больше раздражало Даврона Давлатовича.

– Что ты лыбишься, что смешного? – раздраженно спросил он, нахмутив брови.

– Извините, хозяин, тысяча извинений, – сказал Шопулат смутившись, – я не над вами смеюсь. У меня натура такая. Я не умею хмуриться.

– Зачем пришел, чем могу быть полезен?

– Эх, хозяин, к сожалению, теперь уже никому вы не можете быть полезным. Наоборот, мы с вами, вообще все, рабы божьи, приходят с одним, в конце концов, – попросить пядь земли для бездыханных наших тел.

– Ты в своем уме? Что ты сравниваешь меня с собой?

Шопулата разобрал смех.

– Нравится вам это, или нет, здесь все равны. Здесь не имеет значения ни чин, ни родственники, ни имущество. Все это осталось в другой жизни.

– Ты хочешь сказать, что я действительно умер?

– С вашего разрешения.

– Как ты смеешь, негодяй!

– Э, хозяин, всему есть мера, хватит. В той жизни вам никто не решался возразить. А такие простые служащие, как я, не могли даже приблизиться к вам. Ирония судьбы, Господь одновременно забрал созданные им жизни. Для меня, простого человека, – это радость, так сказать, благость, ниспосланный Богом подарок. Но таких как вы, это может оскорбить. А если говорить о моих правах, наших различиях в положении, то это осталось там, Даврон Давлатович. Не верите, встаньте и убедитесь сами. В конце концов, мне кажется неподобающим то, что эти люди, которые при вашей жизни кланялись вам в ноги, теперь стоят над вами столбом. Ставьте, встаньте, не бойтесь!

Даврон Давлатович неуверенно пошевелился, почувствовал себя легко, как птица. Казалось, вспорхнет сейчас и достигнет луны. Удивленно осмотрелся. Люди стояли сложив руки и, похоже, чего-то с нетерпением ждали.

– Ие, вон тот, завернутый в белое, это же я, – поразился Даврон Давлатович.

– Да, это ваше тело. А вон моё.

– Неужели, неужели я на самом деле умер? Не может быть. Я, не кто-нибудь, а Даврон Давлатович, ни с того, ни с сего, из-за одного сердечного приступа, умер? Я?!

– Да, господин, смерть не пощадила даже такого обладателя высокого чина, как вы. Смотрите – а, хоть все вас и боялись, но смерть не испугалась.

– Уму непостижимо. Ведь, я еще должен жить. Столько работы, а репутация, а имущество?

– Нет, можете не переживать за все это. За все время еще никто ничего не смог забрать с собой. Все это принадлежит той жизни и перейдет новым хозяевам. Не горюйте, того не стоит. Лучше уверуйте, что пожелаете в новый мир.

– Ты как хочешь, но я еще должен жить.

– Как? Вы думаете, что это возможно? Тогда, пожалуйста, попробуйте, справитесь ли. Вы давно вернулись в настоящую жизнь. Вон то тело в саване уже остыло, оно не примет вас.

В этот момент могильщики попросили покойника. Люди энергично передали тело. Через мгновение поднялась пыль, словно в Судный день. Люди по очереди бросали землю в могилу.

– Вот и все. Тела, столько лет служившие нам, обрели вечный покой в объятиях земли, – умиротворенно сказал Шопулат.

А Даврон Давлатович все еще не мог принять свою смерть. Он пристально всматривался в лица, в глаза каждого, некоторых пробовал даже толкнуть. Но ни один человек ничего не почувствовал.

– Эй, господа, вы видите меня? – крикнул он, наконец, потеряв терпение. Никто не произнес ни звука.

– Напрасно пытаетесь, Даврон Давлатович, мы теперь с ними в разных мирах. Мы их видим, слышим, но они не видят и не слышат нас. Вы чувствуете, что иногда мы ухитряемся летать высоко над ними? – сказал Шопулат.

Даврон Давлатович тяжело вздохнул и погрузился в молчание. Наконец, поняв, что не признать своей смерти он не может, несколько преобразился и снова внимательно осмотрелся.

– Смотри, Шопулат, – сказал он, на лице его мелькнула лукавая улыбка, – сколько народу собралось, чтобы проводить меня. К тому же все это люди высокого, высочайшего ранга. – Он произнес это важно, желая подчеркнуть особо уважительное отношение к себе. – Я говорю, твоих, кажется, меньше? Даже четверти от моих не выйдет.

– Да, хозяин, я же не был в таком высоком чине, как вы. И мои пришли сюда из уважения и почтения. Они пришли просто похоронить товарища, произнести молитву у последнего

пристанища, они хорошо знают, что благословение – это и долг, и обязанность каждого правоверного. Они, как и я, простые люди, рабочие. В течение жизни они не искали ни от кого никакой выгоды. Все, что они делали в жизни, все это было простым и искренним. Многие из людей, стоящих над вашей могилой, хорошо знают и меня. Когда-то, когда я служил вам, я работал вместе с ними. Но на мою смерть они не обратили внимание. Кто я был для них – никто. А они себя считают высокопоставленными, уважаемыми. И сюда они пришли не благословить вас в последний путь, а поддержать престиж, для того, чтобы все видели, что такой-то такойтович принадлежит к высокому кругу.

– Ты смотри, удивительное, оказывается, зрелище, – Даврон Давлатович заинтересованно и внимательно стал следить за присутствующими.

– Вы думаете, что все эти люди пришли сожалея и горюя об утрате дорогого человека? – продолжал Шопулат. – Ошибаетесь. Обратите внимание, они стоят разделившись на три группы. Вон те, господа в черных костюмах, в белых рубашках и галстуках работали в равном с вами статусе, не так ли?

– Да, это самые высокопоставленные чиновники в нашем городе. Видел, они прощание со мной сегодня специально внесли в распорядок дня. Эта честь не каждому на долю выпадает.

– Они были вынуждены с вами общаться, так как вы принадлежали к одному кругу. Ваши приятельские отношения только на этом и основываются. Смещенный с должности беспощадно изгоняется из этого круга – это ваш неписанный закон. Сегодня они пришли продемонстрировать свою принадлежность этому кругу. Они притворно скорбят, но на самом деле совершенно безразличны. А вон та, вторая группа, многим неудовлетворена и на многое возлагает определенные надежды. По-моему, вы их хорошо не знаете.

– Конечно. Некоторых вроде не знаю, но многие работали под моим началом.

– Они всегда стремятся подняться до уровня первой группы, но вы знаете, что это нелегко. Они жили в страхе перед вами. Если не верите, обратите внимание на их глаза – они не печальны, наоборот, в них светится еле сдерживаемая радость. Им не верится, что вы умерли, поэтому они пришли сюда, чтоб собственноручно бросить землю в вашу могилу. Когда вы были живы, они старались быть поближе к вам, заискивали, угождали, льстили, стараясь найти путь к вашему сердцу. Их усилия были не напрасны, иногда они пользовались вашей щедростью. Люди в третьей группе не преследуют корыстных целей. Они всегда сокрушаются, когда умирает кто-то. Даже если нищий на улице умрет, они на своих плечах принесут и похоронят его. Их вы, вероятно, не знаете?

– Действительно, не знаю. Кто они?

– Они ваши родственники, Даврон Давлатович. Они гордятся вами. Он самый уважаемый человек из нас, постоянно говорят они, хотя им от вас пользы ни на грош. Потому что они уверены, что далеко не все измеряется деньгами. А вы всегда пренебрежительно относились к ним и давно забыли о них. Теперь даже не хотите вспоминать, что выросли в одном кишлаке с ними. А между тем погребальные носилки, когда ваша жизнь закончилась, и вы перешли в подлинный мир, несли не эти солидные господа, с которыми вы были близки, а эти неприметные люди.

– Почему ты язвишь, не думая, что человека это может задеть?..

– Да, хозяин, правда горькая, только вы этого не знаете. Потому, что никто не говорил вам правды в лицо. Не осмеливались, да и вы не позволяли этого.

– Я смотрю, ты много чего знаешь, где учился?

– Я не учился, Даврон Давлатович, если бы учился, может тоже достиг бы вашего положения. А всему, что знаю, меня научила жизнь. Я всегда жил с людьми, по мере возможностей служил народу, всегда стремился быть с ним. Вы же стремились к теплому креслу. Из-за этого кресла, кабинета – никому не доверяли, жили замкнуто, хозяин. Сами того не замечая, вы превратились в узника. В этот мир вы явились человеком, но среди людей не жили. Теперь такой возможности больше не представится. Вы упустили вашу жизнь, хозяин.

К тому времени была прочитана зауспокойная молитва, и все разошлись. Даврон Давлатович с Шопулатом остались на опустевшем кладбище, став утешением друг другу. Даврону Давлатовичу хотелось уехать вместе с людьми, садившимися в черные машины с белыми чехлами на сидениях. Но теперь мир, где живут эти люди, хочешь – не хочешь, не примет даже всевластного Даврона Давлатовича, жизнь прочитала последний приговор.

– Что теперь будем делать? – устало спросил Даврон Давлатович.

– Что делать, пойдем ляжем на свои места, – тихо проговорил Шопулат.

Хоть и тяжело было Даврону Давлатовичу, но он понял, что уже не в состоянии противостоять превратностям судьбы.

– Может быть... – сказал Даврон Давлатович – ты придешь ко мне? Посидели бы от скуки...

– Нет такой возможности, хозяин. Сегодня – завтра над вашей могилой установят огромный надгробный камень. Я не смогу лежать под таким величием. Ладно, до свидания, отдохайте, хозяин. Поздравляю нас обоих с прибытием в тихую обитель нового мира.

Даврон Давлатович поневоле улегся на свое место. Он и не заметил, сколько дней прошло. Ему было обидно. Столько не

реализовано планов! Ради этих планов он старался продвигаться по служебной лестнице, собрал неисчислимое богатство. А теперь все это осталось. Должность, что публичная женщина – сегодня твоя, а завтра – в чужих руках. Но имущество? Столько лет собиралось, что стало теперь с сокровищами, деньгами, которые рекой текли? Размышляя об этом, Даврон Давлатович совсем потерял покой. Там осталось столько желаний, забот, хлопот, разве можно спокойно лежать здесь.

Даврон Давлатович встал. Кладбище тихое, вокруг ни единой души. Такое безмолвие все больше раздражало его. Он позвал Шопулата. Мирно покоившийся Шопулат, не торопясь, взглянул на него:

– Что угодно, хозяин, – с обычным почтением, так нравившимся Даврону Давлатовичу, спросил он.

– Хорошо почитаешь?

– Да, как все.

– Оставь всех, вставай, прогуляемся. Я здесь заскучал.

– Да бросьте, хозяин, к чему скучать. Наше дело лежать покойно. Время носиться запыхавшись по земле минуло.

– Даже если это так, давай прогуляемся, ну, вставай же.

Противиться желанию хозяина Шопулат не решился. По неволе встав с места, пошел за ним. Они легко летели. Даврон Давлатович, прежде всего, направился к родному месту работы. Как обычно, здесь все шло чинно, размеренно – все были заняты своими делами. Даврону Давлатовичу хотелось похвастать, и он потащил Шопулата в свой прежний кабинет. Но, как только они вошли, Даврон Давлатович растерялся. От прежнего кабинета не осталось и следа, он просто не узнал его. Любимые цветы, картины, висевшие на стене и усаждающие глаз, всякие милые вещицы на столе – все–все исчезло бесследно, на столе уныло стояли только песочные часы. Ничего, напоминавшего о Давроне Давлатовиче, не осталось.

На место Даврона Давлатовича новый чиновник еще не пришел, как раз сейчас за него шла жесткая борьба. Однако и теперь кресло не пустовало. В нем, развалившись, сидел Алижон Турумов, ощущая себя обладателем высокого чина, предавался сладким грезам. Турумов был доверенным Даврона Давлатовича, осведомленным во всех делах своего хозяина.

– Это же несправедливо, – вспыхнул Даврон Давлатович. – Почему он, еще не будучи назначенным на должность, уселся в кресло? Неужели, он подсиживал меня?

– Не беспокойтесь, хозяин, не сегодня, так завтра он обязательно станет обладателем этого кресла.

– Он был моим доверенным лицом.

– По-видимому, он и хозяином всего вашего стал. Не стоит удивляться, мир таков – в нем живут и достойные, и подлецы. Борьба между ними никогда не кончается.

Даврон Давлатович замолчал.

– Смотри – а, Шопулат, вот этой вещью я столько раз играл как удивительной игрушкой и ни разу не подумал, что время скоротечно, жизнь конечна – а, – сказал он и попытался взять со стола песочные часы. Но не смог. Теперь на этой земле ничего, даже песочные часы, когда-то бывшие игрушкой в его руках, ему не подвластны.

Они вышли. Шумные городские улицы, спешащие люди, мчащиеся куда-то машины. Наблюдать сверху было то приятно, то досадно.

– Наш город такой красивый – а, – сказал Даврон Давлатович, стараясь поднять себе настроение. – Тебе показать самый красивый дом? Ты знаешь, чей он?

– Конечно, ваш, наверное, господин.

– Молодец, мозги работают!

Они подошли к огромному трехэтажному дому, похоже-

му на роскошный дворец на самой опрятной улице города и вошли в него. В доме, можно сказать, все было по-прежнему, все на своих местах, но почему-то не было ни души.

– Дети ушли на работу, но жена всегда же дома была, – удивлялся Даврон Давлатович.

Они долго ждали, пока кто-то появится. Вдруг Даврон Давлатович услышал причитания, доносившиеся издалека.

– Это же голос моей жены, – изумился он. – Где она в такое время?

Они поспешили в сторону, откуда доносился голос, и оказались в уединенном домике в далеком кишлаке. Жена Даврона Давлатовича сидела на молитвенном коврике:

– О, Боже, отведи от плохого, прости за все грехи наши, – просила она в молитве.

– Кажется, случилась беда, Шопулат, – плаксиво сказал Даврон Давлатович. – я должен с ней поговорить.

– Да, ваша половинка просит прощения за ваши грехи. Если хотите поговорить, как раз подходящий момент. Сейчас ваша супруга молится. Сядьте на молитвенный коврик рядом, возьмите ее за руки и говорите, она вас не увидит, но услышит.

Даврон Давлатович так и сделал.

– Почему вы здесь? – спросил он.

Женщина сначала вздрогнула, огляделась по сторонам и, снова закрыв глаза, ответила:

– Мой господин, все, что вы заработали, приехав в город, все ушло вместе с вами. Только это место, где вы родились, этот ветхий домик, построенный вашим отцом, остался вам.

– Что случилось с нашим домом?

– На вашей работе обнаружилась большая недостача: и дом, и вещи, и все имущество – все забрали.

– Оклеветали. У Турумова не попросили помощи?

– Он и был во главе этих дел.

– Измена, подлая измена! А где мой сын, дочь?

– Эти события отравили им жизнь, они оба уехали за границу, так многие их друзья сейчас делают.

– Я верил, что сын будет достойным хранителем родового гнезда.

– Гнездо, где превыше всего ценятся деньги, как выяснилось, превращается в руины. А разрушенному гнезду не нужен охранник, мой господин.

Даврон Давлатович растерялся и готов был закричать от бессилия, сотрясая мир.

– Шопулат, – немного успокоившись, сказал он, – ты создал семью? Или всю жизнь прожил один?

– Что вы говорите, хозяин, вы же хорошо знаете, что я старше вас на восемь лет. Поэтому я женился немного раньше вас. У меня четыре сына и четыре дочери.

– У тебя крепкая семья?

– Слава Богу, семья у меня крепкая и дружная. Я всю жизнь трудился, дети мои тоже трудом зарабатывают хлеб насущный, считая, что и половины лепешки достаточно, лишь бы душа была спокойна. И сыновья, и дочери мои имеют семьи, все нашли свое место в жизни. Каждый день с благодарностью молятся обо мне, дай Бог им счастья.

– Ты, оказывается, счастливый и богатый, я не знал. А я ведь давно мог умереть. Почему ты тогда спас меня? Или боялся?

– Нет, господин, я никогда не боялся вас. Я только гнева Создателя боялся. Между прочим, у младенца, от которого вы отказались, выбросив на свалку, тоже своя судьба.

– Неужели? Она жива?

– Да, я спас ее. Жена моя тоже чадолюбивая женщина, она воспитала дитя как родное. Сейчас эта девушка уже взрослая,

учительница. Но эта тайна никому не известна, кроме меня, жены и Бога. Если бы я не боялся гнева Всевышнего и греха, то это несчастное дитя погибло бы на мусорной свалке.

Даврону Давлатовичу стало обидно до слез, он был морально уничтожен. Но сейчас ему не хотелось вспоминать это постыдное событие, его больше занимала другая проблема. Наконец, он озвучил ее:

– Моя семья не должна владеть такое жалкое существование!

– Об этом раньше надо было думать, хозяин, теперь ничего нельзя сделать.

– Нет, у меня есть припрятанные деньги.

– Считайте, что все потеряно.

– Идем, я покажу тебе их.

– Не нужно. Темнеет, хозяин, идемте и спокойно ляжем на свои места

– Ну, пожалуйста, пойдём.

Шопулат нехотя пошел за Давроном Давлатовичем. Они опять вернулись в город, вошли в маленькую уютную квартиру на третьем этаже многоэтажного дома. В этом доме жила любовница Даврона Давлатовича. Увидев, что теперь здесь живет другая семья, Даврон Давлатович удивился. Он заглянул на полки в кухне. Но от спрятанных драгоценностей не осталось и следа. «Значит, этот дом продан»,- подумал он.

Потом они снова возвратились к роскошному дому Даврона Давлатовича. Вечерело, в доме ярко горели лампы, освещающая фасад. Слава Богу, в доме кто-то есть, – сказал Даврон Давлатович. Они вошли в дом. Но...

На диване, где когда-то, придя с работы или с собрания, мирно отдыхал Даврон Давлатович, мило ворковали его любовница и Турумов, которому безгранично доверял Даврон Давлатович. Даврон Давлатович все понял: все секретные, места Даврона Давлатовича, где спрятаны драгоценности, знал только Турумов.

Даврон Давлатович не мог сдержаться и, завопив, вцепился в горло Турумова. Затем стал бить женщину. Но те ничего не чувствовали, продолжая свои любовные игры. Даврон Давлатович вне себя, с ревом, задыхаясь, продолжал колотить их. Шопулат тщетно пытался успокоить его.

– Не надо, теперь это бесполезно. Время позднее. Лучше пошли отсюда, каждому свое место.

– Тут такое творится, как я уйду, брат, все мое состояние по ветру пошло.

– Да, я сочувствую вам, хозяин, у вас много хлопот. Я пойду. Тысяча извинений, но у меня нет желания участвовать в этой суматохе. Теперь я должен спокойно отдыхать, хозяин.

– До свидания, брат, – со слезами произнес Даврон Давлатович., – я завидую тебе, твоему покою. Мои несчастья, похоже, только начинаются.

Шопулат легко полетел в сторону кладбища. Остался позади шумный, мерцающий бесчисленными огнями город. Кладбище светилось множеством могил, от которых исходило сияния. В них были погребены хорошие люди, совершавшие благие дела при жизни, а сейчас украшающие загробную жизнь. Шопулат пребывал в тихом бесконечном покое, наслаждаясь отдыхом. Сколько пролежал он не помнит, но однажды, открыв глаза, он увидел, что за хорошие дела, оставшиеся после него, и молитвы его умных детей на его могилу с неба устремился поток благодарственных светлых и радостных лучей. Повернувшись на бок, он взглянул на могилу Даврона Давлатовича. На эту могилу не попадало ни одного лучика: темный холодный холм и огромный надгробный камень делали могилу Даврона Давлатовича еще более мрачной. Под этим черным надгробьем он еле дышал, временами нарушая кладбищенский покой криками обиды, и метался, как сумасшедший, по темным кладбищенским тропинкам.

Камилова Саодат родилась в 1974 году в городе Ангрене Ташкентской области.

С отличием окончила историко-филологический факультет Ташкентского областного педагогического института.

Окончила аспирантуру при УзГУМЯ. С 1999 года по 2012 год работала на кафедре русского языка и литературы ТОГПИ.

В 2008 году защитила кандидатскую диссертацию, посвященную проблемам сравнительного литературоведения, и переводоведения.

С 2009 года – доцент.

В настоящее время работает доцентом кафедры русского и зарубежного литературоведения факультета иностранных языков Национального Университета имени Мирзо Улугбека. Автор более 35 научных публикаций.

В периодических изданиях республики печатаются рассказы современных узбекских авторов, переведенные С. Камиловой на русский язык.

СОДЕРЖАНИЕ

«Узбекский рассказ XXI века» к.ф.н., доцент Камилова С.Э.....3

Адыл Якубов

Мороженое..... 13

Где, ты Мориго.....32

Мухаммад Али

Лепешка53

Звезда Алтаира59

Хайридин Султонов

Тайна мира.....73

За стеной времен90

Хуршид Дустмухаммад

Кичкирик.....102

Опекун.....115

Назар Эшонкул

Человек, ведущий обезьяну125

Собака Баховуддина.....137

Собир Унар

Братья.....151

Сын мельника.....160

Абдукаюм Юлдашев

Прощай, красота.....167

Проблемы есть?.....174

Зульфия Куролбой кизи

Женщина184

Призрак193

Улугбек Хамдам

<i>Мусульманин</i>	215
<i>Река души моей</i>	232

Исожон Султон

<i>Чаша на воде</i>	244
<i>Ночной ураган</i>	259

Рахимжон Рахмат

<i>В бездне сознания</i>	269
<i>Адашбой</i>	274

Уйгун Рузиев

<i>Голуби, вернувшиеся на рассвете</i>	284
<i>Душа, лишенная покоя</i>	292

Река души моей

Сборник современных узбекских рассказов

*Редактор К.Панченко
Тех.редактор Н.Сувонов
Комп.верстка О.Фазилова*

Издательская лицензия А1 № 181 08.12. 2011г.

Сдано в набор 20.08. 2012г.

Подписано в печать 06.08.2013г.

Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Гарнитура «Times».

Усл. п.л. 17,5. Уч-изд.л. 19,5. Тираж 1000.

Заказ №906.

Отпечатано в типографии ООО «Sano-standart»

г. Ташкент, ул. Широқ 100.

Адыл Якубов

Мухаммад Али

Хайриддин Султонов

Хушид Дустмухаммад

Назар Эшонкул

Собир Унар

Абдукаюм Юлдашев

Зульфия Куролбой кизи

Уллубек Хамдам

Исоҳсон Султон

Рахимжон Рахмат

Ғиёни Рузиев

ISBN 978-9943-317-91-8

